

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»

ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Кафедра исторического регионоведения и краеведения
ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований»

Черноморские чтения

Труды IV Международной
научной исторической конференции,
посвященной 100-летию
Великой российской революции
(г. Феодосия, 28–29 октября 2017 г.)

Симферополь
2018

УДК 93:37.091.12 (477)
ББК 63.3 (2Р.Кры) + 72(2Р.Кры)л0
Ч 49

*Утверждено к печати на заседании кафедры исторического
регионоведения и краеведения Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского (Протокол № 2 от 20 сентября 2018 г.)
Издание осуществлено с использованием средств,
выделенных в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации
от 18 мая 2016 г. № 944-р и Приказом Федерального агентства
по делам молодежи от 7 июня 2016 г. № 235*

Руководитель проекта и редактор-составитель:

В. В. Акимченков, аспирант кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Главный редактор:

А. А. Непомнящий, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

Редакционная коллегия:

В. В. Вахонеев, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований» (г. Симферополь)

А. Ю. Мозжайский, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории древнего мира и средних веков имени В. Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Е. В. Молочко, кандидат исторических наук, старший преподаватель Медицинской академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

Д. Г. Ларионов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск)

Ч49 Черноморские чтения : труды IV Международной научной исторической конференции, посвященной 100-летию Великой российской революции (г. Феодосия, 28–29 октября 2017 г.) / Крым. федерал. ун-т им. В. И. Вернадского. — Симферополь: ООО «Антиква», 2018. — 190 с.

ISBN 978-5-6041512-9-7

Сборник составляют статьи участников IV Международной научной исторической конференции «Черноморские чтения», посвященной 100-летию Великой российской революции и проходившей 28–29 октября 2017 г. в городе Феодосия.

Издание предназначено для специалистов в области истории, культуры, этнографии и прочих дисциплин. А также для тех, кто интересуется актуальными вопросами современной исторической науки.

УДК 93:37.091.12 (477)
ББК 63.3 (2Р.Кры) + 72(2Р.Кры)л0

*Редакционная коллегия оставляет за собой право на стилистическое, лексическое, орфографическое и пунктуационное редактирование материалов.
Предоставленные авторами рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с авторами на страницах издания не ведется. За достоверность фактов, ссылок, примечаний, комментариев несет ответственность автор (авторы) публикации.
Редакция не всегда разделяет точку зрения автора (авторов) публикации.*

ISBN 978-5-6041512-9-7

© Авторы статей, текст, 2018
© Оформление. ООО «Антиква», 2018.

Крымчане держатся, Крым развивается: актуализация истории

Буквально каких-то десять лет назад, когда отмечалось 90-летие революционных событий 1917 г. никто не мог и подумать, что совсем скоро сама жизнь актуализирует интерес к изучению исторического опыта революционной эпохи. И это несмотря на то, что уже прошла бульдозерная революция по умирающей Югославии, да и на самом постсоветском пространстве успело расцвести и дать ядовитые плоды несколько цветочно-цветных «революций». Но, за исключением натовской интервенции на Балканах, везде революции приобретали мирный, хорошо отрежиссированный, какой-то опереточный, в общем — совсем «не такой уж страшный» характер. Поэтому в историографии, десять лет назад посвящаемой двум революциям 1917 г. преобладали академические, спокойные тона. Но уже в следующем, 2008 г. Россию накрыл мировой экономический кризис, а экономические кризисы часто приводят к войнам и революциям. И когда в 2011 г. «неожиданно» запылала «арабская весна», стало ясно, что на этот раз и для России готовится жёсткий сценарий, что очень скоро и подтвердилось в период избирательных компаний 2011–2012 гг.

Поэтому столетний юбилей революций 1917 г. вызывал у нынешних поколений граждан нашей страны не столько научный, сколько общественный, часто обывательский интерес, что наглядно отразилось в той книжной продукции, которая издавалась в России в 2017 г. На этот раз преобладали преимущественно публицистические и научно-популярные издания, ино-

гда объединённые в книжные серии с интригующими читающую публику названиями. И учёные, и любители истории, и простые читатели пытались через постижение прошлого понять окружающую их действительность, спешили через образы прошлого передать своё представление о настоящем. Подробный анализ книг о революционных событиях 1917 г. ещё предстоит — закончится год, будут напечатаны все запланированные к юбилею работы, сложится окончательная картина полученных результатов. Но сам факт, что происходящее в стране и мире резко актуализовало изучение истории русских революций уже ничего не изменит. Ещё одним свидетельством того, что текущие события способны не только вызвать интерес к истории, но и сделать жизненно необходимым вдумчивое отношение к её урокам, служит то повышенное внимание, которое учёные и граждане России сейчас уделяют историческому прошлому Крыма. Именно об этом мне хотелось бы сказать чуть подробнее в приветственном обращении к участникам конференции и авторам сборника материалов по её итогам.

События «арабской весны» стремительно обостряли ситуацию в мире, приближаясь к периметру постсоветского пространства до тех пор, пока ситуация закономерно не начала в очередной раз осложняться на Украине. Как все помнят, спусковым механизмом очередной Руины стал вопрос о евроинтеграции, за которым скрывались интересы различных мировых и региональных держав: Турции, Германии, Польши, США... и, конечно, Российской Федерации. В этом смысле вряд ли ошибаются те учёные, публицисты и аналитики, которые усматривают причины очередных потрясений на Украине в желании ослабить не её саму, а её соседку — ослабить именно Российскую Федерацию или, хотя бы снизить её влияние на постсоветском пространстве. И в очередной раз, как это ни горько признавать, в центре противоборства различных государств оказался Крымский полуостров и его жители. В этом — историческая судьба Крыма.

На протяжении веков он представлял собой узел противоречий, точку пересечения интересов различных геостратегических игроков, боровшихся за первенство в данном благодатном регионе. *Крым представлял и представляет собой скрепу всего окружающего геостратегического пространства, без контроля над которой трудно было рассчитывать закрепить на берегах Чёрного моря и в районе Восточного Средиземноморья.*

Многие наблюдатели в разных государствах — а в Российской Федерации без преувеличения каждый житель — с различными чувствами наблюдал за тем, как разворачиваются события в Крыму после обрушения законной власти в Киеве. Что скрывать — большинство россиян всех национальностей было на стороне крымчан, сочувствовало им, переживало за них, боялось, что кровавые события перекинутся на полуостров. Когда в феврале 2014 г. в Севастополе и Симферополе, а затем повсеместно в Крыму началась «Крымская весна», быстро переросшая в «Русскую весну», нам в Москве было не ясно, чем могут завершиться начавшиеся гражданские акции наших друзей. А затем последовали провозглашение независимости Крыма и крымский референдум. Но даже в эти дни, т. е. 16–17 марта 2014 г. многие жители Российской Федерации не могли с уверенностью предугадать, как завершится назревавший конфликт. Все мысли были обращены к Кремлю: как он ответит на позицию, сформулированную жителями полуострова на референдуме? События 18 марта, возвращения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации многие ожидали, но столь стремительное развитие событий все же оказалась неожиданным. И очень важно, что всё обошлось без большой крови.

События «Крымской весны» вызвали взрыв интереса к Крыму и его истории. Пока в Крыму было спокойно, особый интерес вызывали, конечно, текущие события. Но после 18 марта 2014 г. люди потянулись в книжные магазины, желая поближе познакомиться с историей полуострова и населяющих его народов. И

тут ждало первое разочарование — в российских книжных магазинах было сравнительно мало обобщающей литературы по истории Крыма или по отдельным событиям из его прошлого. Но некоторое разочарование сопровождалось желанием восполнить пробел. И уже в том же 2014 г. начинают появляться первые труды об историческом прошлом Крыма, которые в считанные недели становились библиографической редкостью — так сильно было желание жителей континента соприкоснуться с прошлым легендарного края.

Уже в первый же год книжного потока по истории Крыма в поле зрения авторов попадает самый широкий спектр вопросов, некоторые из которых в прежней советской историографии должного освещения не получили. Так, выходит монография Н. Ю. Болотиной о видном государственном деятеле екатерининской эпохи князе Г. А. Потёмкине, с именем которого навсегда будет связано вхождение Крыма в состав Российской империи и строительство могущественного Черноморского флота. Так же получает освещение совершенно закрытая в прошлом тема военного развития Крыма в годы существования СССР. Этому посвятили свои книги, например, М. Хорсун и А. Б. Широкоград. Второй из названных авторов, стремящийся в публицистической и дискуссионной манере охватить самые разнообразные, актуальные в наши дни вопросы, вообще встретил «Крымскую весну» «во всеоружии» и посвятил истории Крыма сразу несколько своих книг, среди которых нашлось место книгам и по общей истории полуострова, и по проблемам его возвращения в состав Российской Федерации непосредственно весной 2014 г. В последующие годы Широкоград не оставит крымскую тематику и выпустит ещё несколько книг. Что же касается вопроса о «Крымской весне», то и другие авторы откликнулись на произошедшие на их глазах важные исторические события. Можно вспомнить книги О. Матвейчева, А. Белякова, М. С. Григорьева, О. Ф. Ковитиди и др. Кроме того, уже в 2014 г. начинают выходить книги по общей и военной истории полу-

острова. Это, в частности, исторический путеводитель по различным периодам истории Крыма А. Андреева, исследование Н. Шефова о предшествующих пяти веках борьбы за полуостров и монография В. Рунова и Л. Зайцева о боевых действиях в Крыму в годы Великой Отечественной войны. В значительной мере вопросам военной истории посвящена книга В. Шигина о городе русской славы — Севастополе.

В последующие три года интерес к крымской проблематике несколько снизился, но в целом сохранился. Важную роль в просвещении широкого круга читателей в Российской Федерации, например, сыграла коллективная монография «История Крыма»¹, ставшая результатом творческого сотрудничества московских и крымских историков. Авторы издания постарались охватить максимально широкую хронологию, начав с эпохи античности и завершив книгу рассказом о современности. Углублению наших знаний по отдельным страницам истории Крыма и Севастополя в 2015–2017 гг. посвятили свои книги многие авторы, среди них и профессиональные историки, и просто авторы, равнодушные к героической истории нашей общей Родины. Среди наиболее ярких и запомнившихся публикаций этих лет можно назвать работы Д. Н. Верхотурова, П. Данилина, Н. Старикова, Д. Беляева, С. Ф. Черняховского, Ю. С. Черняховской, А. Неменко, А. Шагланова и многих других. Отдельно следует сказать о монографиях В. А. Томсинова, посвящённых феномену т. н. «Крымского права», т. е. вопросам юридической обоснованности и правомерности сепарации² Крыма, провозглашения его независимости и последующего вхождения в состав Российской Федерации. Автор показывает правомерность и законность с точки зрения международного права того исторического выбора, который сделали крымчане и севастопольцы в 2014 г. и предлагает ввести термин «Крымского право» наряду с таким поня-

¹ История Крыма / [Колл. авт.: В. В. Хапаев, И. А. Спивак, А. А. Непомнящий и др.]. — М.: ОлмаМедиаГрупп, 2015. — 464 с.

² Сепарация — в наши дни означает выход из состава какого-либо государства.

тием, как «Косовское право». Так же привлекла заинтересованное внимание книга, составителями которой выступили В. Артёмов и Ю. Лубченков. Собранные в ней материалы вписывают историю Крыма не только в общероссийский контекст, но и в конкретный контекст истории Новороссии, показывает общность исторических судеб Крыма и материковой её части.

Ну и, конечно, важным явлением историографического процесса, прямо или косвенно связанного с «Крымской весной», является активная исследовательская и публикаторская деятельность крымских историков. Так, ещё в 2014 г. в Симферополе под редакцией И. Н. Храпунова и А. Г. Герцена вышло 6-е издание небольшого по объёму, но весьма содержательного сборника очерков о многоцветной этнической истории Крыма³. Правда, почему-то в ней не нашлось места очерку о славянах, но в следующем издании этот досадный пробел будет восполнен. В следующие годы книжный поток из Крыма в материковую Россию продолжил набирать обороты. Например, выходит монография молодого крымского историка В. В. Акимченкова, посвящённая актуальной проблематике сохранения культурно-исторического наследия Крыма и воспитанию патриотизма с опорой на нашу богатую историю⁴. В Севастополе издана яркая книга о «Крымской весне», в которой удачно переплелись историческое расследование, публицистика и мемуаристика. Работа, подготовленная группой авторов, в состав которой вошли В. Н. Горелов, Г. Г. Донец, С. П. Кажанов, В. А. Посметный и Е. Е. Репейков⁵. Книга

³ От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времён до конца XVIII века / Под общ. ред. И. Н. Храпунова, А. Г. Герцена. — 6 изд., испр. — Симферополь: Феникс, 2014. — 283 с.

⁴ Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм. Севастопольское музейное объединение (1928–1940) / Под ред. и вст. статья А. А. Непомнящего. — Симферополь, 2015. — 244 с. — (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 24).

⁵ Горелов В. Н. Донец Г. Г. Кажанов С. П. Посметный В. А. Репенков Е. Е. «Чегевара прилетает утром...»: Воспоминания сепаратиста. — Севастополь, 2015. — 160 с.

Д. А. Ломакина, так же вышедшая уже в наши дни, открыла российским читателям богатый мир мусульманской культуры полуострова эпохи Средневековья⁶. Особо выделю монументальный труд известного крымского историка А. А. Непомнящего. Его книга представляет собой научно-справочное издание, в котором представлено состояние библиографии по Крыму на начало XXI в., даны другие важные для исследователей материалы⁷. Отличительной чертой издания является фундаментальность и скрупулёзность, что делает книгу настольной для каждого, кто готов всерьёз включиться в предстоящую многоплановую работу по созданию современной научной картины истории Крыма.

Вот на таком фоне развития современной исторической мысли Крыма и Севастополя и возросла замечательная традиция проведения «Черноморских чтений». В прошлые годы организаторы уже провели три конференции, в которых принимали участия не только жители полуострова, но и их многочисленные гости. В этом году состоялась уже четвертая международная конференция «Черноморские чтения», организаторами которой выступили Кафедра исторического регионоведения и краеведения Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований» и Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь). В оргкомитет чтений вошли историки из Москвы и Крыма. Председателем оргкомитета стал Заслуженный деятель науки и техники Республики Крым, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии

⁶ Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV в.: история изучения, современное состояние. — Симферополь, 2015. — 255 с. — (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 23).

⁷ Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). — Симферополь: Антиква, 2015. — 936 с. — (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25»; «Крым в истории, культуре и экономике России»).

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» А. А. Непомнящий. В публикуемые материалы конференции включены выступления профессиональных историков, школьных учителей, студентов, аспирантов, краеведов и других любителей истории. Это жители различных городов полуострова, а также Москвы, других городов Российской Федерации и ряда государств. Радует широкая проблематика, поднимавшаяся на конференции и теперь отразившаяся на страницах материалов конференции. Так что нет смысла призывать крымчан держаться — это упорные, мужественные люди, любящие свою землю и знающие своё дело. Крым развивается, развивается историческая наука Крыма. Новых побед!

*Д. О. Чураков,
доктор исторических наук,
профессор Института истории
и политики Московского педагогического
государственного университета*

Проект «Черноморские чтения»: новые горизонты постижения

Столетний юбилей Великой российской революции 1917 г. актуализировал в повестке дня вопрос о возможных путях исторического развития нашей государственности, общества, культуры и науки в условиях революционных потрясений и социальных катаклизмов. Это еще раз позволило на глобальном уровне обратиться к исторической ретроспективе: окинуть взором весь спектр советской апологетической историографии, пестрящей штампами и стереотипами, обратиться к исследованиям 90-х гг. прошлого столетия, которые в плоскости трактовки событий 1917 г., объективности и взвешенности представленных оценок сегодня порождают массу вопросов. Более того — изучить наработки современных российских историков, рассмотреть взгляды и мнения, господствующие на современном уровне постижения указанных процессов.

Осмыслению событий 1917 г. и была посвящена очередная Международная научная историческая конференция «Черноморские чтения», состоявшаяся 28–29 октября 2017 г. в городе Феодосии на базе «Черноморского центра подводных исследований», располагающегося в здании знаменитой Дачи Стамболи. В рамках конференции прошёл круглый стол по актуальным проблемам состояния современного исторического крымоведения, модератором которого выступил профессор А. А. Непомнящий. В ходе работы IV-х «Черноморских чтений» были заслушаны научные разработки более тридцати учёных из России, Донецкой Народной Республики, Кыргызстана и Казахстана. Большинство представленных работ легло в основу

данного сборника материалов, изданного по итогам работы конференции.

Первый раздел сборника содержит исследования, посвященные революционному процессу, как фактору развития государства, общества и тех ключевых процессов, которые им сопутствуют. Приоритет в этом случае оставался неизменным — вовлечение в исследовательское поле неопубликованных ранее разработок, вносящих новое понимание в отечественную историографию. Здесь представлено исследование наших казахских коллег Г. С. Абдрахмановой и Т. С. Каленовой, повествующее о развитии революционного процесса в 1917–1918 гг. на территории Казахстана. Обстоятельное исследование авторитетного крымского историка Б. А. Ачкинази посвящено методологическим аспектам изучения проблем добровольчества в Белой армии через призму творчества поэта Ивана Савина. Работа кандидата исторических наук П. В. Белоуса раскрывает важные аспекты в восприятии революционных событий участниками Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. В статье белорусского историка Д. Г. Ларионова, благодаря глубокому анализу историографического материала и привлечению группы новых источников, раскрывается отношение католической церкви, в лице Ватикана, к Великой Октябрьской социалистической революции и процессу утверждения во главе нового государства большевиков.

Более того, речь в материалах конференции идет не только о революционных событиях на территории России в 1917 г., а и революции как об общественном и культурном феномене. Так, работа московского историка А. Ю. Можайского рассматривает отражение социальной истории Афин, находившихся в VIII–VI вв. до н. э. в социальном и политическом кризисе, через погребальные практики, то есть через призму того, в чем была сильна марксистско-ленинская историческая школа, а именно через материальную культуру в ее связи с развитием общества. В свою очередь исследование А. А. Ивановой затрагивает тему Великой

французской революции в публицистическом наследии русского поэта-публициста Ивана Петровича Пнина, демонстрируя историческую преемственность революционных идей в среде нескольких поколений российских мыслителей. Завершает данный блок тем статья донецкого исследователя Б. М. Кондорского, раскрывающая специфику развития капитализма в России как стране третьей генерации в рамках революционного периода, позволяющая очертить дальнейшие векторы развития российского политического, экономического и финансового пространства.

Материалы второго раздела сборника посвящены актуальным вопросам отечественной исторической науки, в которых также затрагивается процесс дальнейшего развития революционного процесса и утверждения на постимперском пространстве Советской власти, а затем создание Советского государства. Здесь, в первую очередь, выделим исследование кандидата исторических наук А. М. Матвеевой, дающее представление о развитии евразийской советологии о первых советских пятилетках. В частности, ему уделено внимание деятельности экономиста Петра Николаевича Савицкого и его системе «научного россиеведения». На основе нового корпуса материалов из Российского государственного архива экономики строится исследование историка В. В. Акимченкова посвященное одному из неизученных аспектов исторического крымоведения — созданию Керченской инициативной группы Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР. Крымоведческий блок тем продолжает работа крымской исследовательницы Н. С. Дружининой об особенностях социально-экономического развития Шейх-Монахской и Цюрихтальской волостей во второй половине XIX — начале XX вв., где источниковой базой выступали «Постановления Феодосийского уездного земского собрания», а также статья А. А. Камший отображающая процесс начального курортного освоения Сакских грязелечебниц Крымского полуострова.

Новаторское исследование доктора исторических наук, профессора А. А. Непомнящего, посвященное крымоведческим сюжетам научного творчества профессора Казанского и Санкт-Петербургского университетов Ильи Николаевича Березина, проливает свет на формирование им целой плеяды ученых-ориенталистов и постановку ключевых научных задач в отечественном востоковедении. В оригинальном ключе построена работа кандидата исторических наук Е. В. Молочко, в которой деятельность Крымского горного клуба рассматривается через призму развития культурного добровольчества на полуострове. Не менее важными являются и результаты исследований крымских студентов-историков (М. И. Постовая, В. А. Масленникова, В. В. Дудка), посвященных слабо разработанным крымоведческим аспектам.

Основательное исследование доктора психологических наук М. Р. Арпентьевой посвящено одной из ключевых проблем государства — проблеме национального единения и отчуждения в контексте вопросов о традиционных и революционных, утопических и дистопических аспектах развития наций и обществ. Завершает второй раздел сборника работа исследователей М. Р. Москаленко и И. В. Юдина, посвященная методике преподавания истории как фактору патриотического воспитания студентов, затрагивающая основные положения на пути реализации указанной цели.

Столь широкий охват заявленных проблем реализует главную цель, стоявшую перед организаторами «Черноморских чтений» — выработать конструктивный формат научных коммуникаций и систему междисциплинарного и мультидисциплинарного подхода в современных исторических исследованиях. На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать, что проект «Черноморские чтения» состоялся, а перед ним открыта перспектива новых горизонтов постижения.

В. В. Акимченков,
*Руководитель проекта
«Черноморские чтения»*

РЕВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Г. С. Абдрахманова, Т. С. Каленова

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Октябрьская революция 1917 г. в России явилась важным событием в мировой истории XX в. Весть о победе вооруженного восстания в Петрограде и утверждение там Советской власти достигла Казахстана, началось установление власти в регионе. На огромных просторах Казахстана процесс установления советской власти растянулся на несколько месяцев — с октября 1917 г. по март 1918 г. Это было связано с тем, что расстановка политических сил в крае была весьма своеобразной. Большевики и их союзники — левые эсеры, хотя и имели довольно широкое влияние в массах, но им не удавалось к октябрю 1917 г. овладеть большинством мест во всех местных советах, к тому же в Казахстане было немало и противников установления власти советов под большевистским руководством. Здесь располагались четыре казачьих войска, создавших свои правительства, не признавшие новой власти, сильно было влияние меньшевиков, эсеров и кадетов, поддерживаемых теми, кто бежал от большевизма в центр России и местной буржуазии. Они начали образовывать свои органы власти не подчинявшиеся большевистскому Совету народных комиссаров. Настороженно встретили известие об Октябрьской революции местные либерал-демократы.

В декабре 1917 г. были провозглашены Кокандская автономия и Алаш-Орда. В силу этого переход власти в руки большевистских советов переходил либо мирным путём, либо в результате вооружённой борьбы [1, с. 54].

Первыми взяли власть в свои руки 30 октября 1917 г. рабочие и солдаты Перовска (Кзыл-Орда), в то время крупной железнодорожной станции, где размещался сравнительно большой гарнизон. После победы вооруженного восстания 28 октября 1917 г. в Ташкенте, возглавляемом большевиками (административный центр Туркестана) Советская власть мирным путем утверждается в Аулие-Ате (г. Джамбул), Черняево (г. Чимкент), Казалинске, 22 ноября 1917 г. переход власти к Советам произошел в Петропавловске, 27 декабря в Акмолинске.

В Уральске, Оренбурге, Верном с участием меньшевиков и эсеров были созданы «войсковые правительства», взявшие курс на подготовку и развертывание борьбы с Советской властью. В Семипалатинске, Павлодаре и Усть-Каменогорске правили ставленники мелкобуржуазного «делегатского собрания». Наряду с казачьими полками, дружинами, офицерско-юнкерскими отрядами реакция получила в этих краях (местах) активную поддержку от казахской интеллигенции. После того, как атаман А. И. Дутов совершил 14 ноября в Оренбурге переворот и начал открытые военные действия против красногвардейских отрядов Поволжья и Приуралья.

На борьбу с силами Дутова, которые отрезали Туркестан и южные районы Казахстана от центра, были направлены крупные соединения войск во главе с П. А. Кобозевым, С. Д. Павловым, В. А. Блюхером, А. Т. Джангильдиным. Вместе с красногвардейцами Ташкента, Казалинска, Перовска, Актюбинска они разгромили дутовцев, ликвидировали «оренбургскую пробку». 25 декабря 1917 г. была установлена Советская власть в Кустанае [2, с. 114].

Разгром дутовщины, победа Советов в Западной Сибири и на севере Казахстана оказали большое влияние на положение дел в Семипалатинске, Усть-Каменогорске,

Павлодаре. Эсеры и меньшевики быстро теряли там влияние на массы, особенно после того как население узнавало о декретах Советской власти. 19 января Павлодарский Совет взял власть в свои руки. В Семипалатинске 1 января 1918 г. была создана самостоятельная большевистская организация и в результате 14 февраля (1 января) в 1918 г. Семипалатинский совет принял решение о переходе власти к Советам и 15 февраля 1918 г. избрал «Временный комиссариат», возложив на него руководство делами города и области.

В Семиречье, где контрреволюция долго сохраняла военное превосходство, борьба затянулась до весны 1918 г., Советская власть была установлена 3 марта 1918 г. в Верном. Значительно сложнее была обстановка в Уральской области. Получив поддержку от хлынувших в пределы области из центра представителей офицерства, юнкерства и сыграв на недовольстве казачества Брестским миром, войсковое правительство вскоре после завершения работы областного съезда Советов произвело переворот, казнив большую часть членов избранных на съезде исполкома. Только в Букеевской степи Советская власть установилась в декабре 1917 г. На полуострове Мангышлак, Советская власть была установлена еще в ноябре 1917 г. 22 ноября в форте Александровском был организован уездный Совет рабочих, солдат, крестьян и мусульманских депутатов [3, с. 74].

Таким образом, установление Советской власти в Казахстане, начавшееся сразу после Октябрьской революции, завершилось в марте 1918 г. Революция 1917 г., начавшаяся Февральской, завершилась Октябрьской. Большевики и историки-марксисты назвали ее Великой Октябрьской социалистической революцией. Противники большевиков говорили о государственном перевороте, незаконном захвате власти и насилии над народом.

Большевики провозгласили установление в России экономического и социально-политического строя, не имевшего аналогов в мировой истории. Они распространили свою власть на огромную Евразийскую территорию, во-

влекая в ее орбиту многие народы, отличавшиеся по уровню экономического, социального и культурного развития, национальному менталитету. Стремление построить социализм оказало непосредственное влияние на мировые процессы, судьбу многих народов и развитие капиталистического общества [4].

Однако отстраненные от власти политические силы России в союзе с иностранными сторонниками поставили своей целью уничтожение Советской власти и реставрацию прежних порядков. Мирная передышка, полученная советским государством в результате Брестского мира, оказалась непродолжительной. Весной 1918 г. бывшие союзники по Антанте организовали открытую военную интервенцию против республики Советов. Для борьбы с Советской властью они использовали также чехословацкий корпус в России, сговорившись с его командованием. Эшелоны корпуса, получившего разрешение выехать через Сибирь и Дальний Восток во Францию, растянулись от Волги до Тихого океана. 25 мая 1918 г. начался мятеж. Он охватил и северо-восточные районы Казахстана.

Иностранная интервенция и контрреволюционный мятеж белочехов активизировали силы внутренней контрреволюции в Казахстане. К мятежникам присоединились белогвардейцы из числа бывших офицеров, генералов, верхи казачества, буржуазные националисты, кулачество. Ещё в марте 1918 г., белоказаки совершили контрреволюционный переворот в Уральской области. В июне 1918 г. противники Советов с помощью частей чехословацкого корпуса захватили Северный и Восточный Казахстан. 2 июня 1918 г. пал Павлодарский уездный совдеп. В то же время были ликвидированы Советы в Урджаре и Бахты. 9 июня 1918 г. в руках мятежников оказались Зайсан, Большой Нарым, Бухтарма. 11 июня 1918 г. ими был захвачен Семипалатинск [5, с. 74].

После чехословацкого мятежа политическая ситуация в Сибири изменилась. Воспользовавшись этим, антисоветские силы перешли в наступление. Когда в ночь на

26 мая 1918 г. мятежники захватили станцию Новониколаевск (Новосибирск), эсеровские дружины вместе с бывшими офицерами арестовали городской Совет депутатов. Находившиеся в Новониколаевске члены Учредительного собрания эсеры П. Я. Михайлов, Б. Д. Марков, М. Я. Линдберг и председатель Томской земской управы В. О. Сидоров заявили, что они уполномочены «Временным сибирским правительством» (Дербера) организовать управление на территории, очищенной от большевиков, и держать в своих руках власть, пока обстоятельства не позволят приехать самому «правительству». Эта группа эсеров образовала Западно-Сибирский комиссариат с «правительственным аппаратом», в котором работали и кадеты. Эсеровские мятежники действовали в согласии с командованием чехословаков и вместе с ними захватывали сибирские города. Вначале новое правительство находилось в Новониколаевске, затем переехало в захваченный чехословаками 8 июня Омск [6, с. 114].

Западно-Сибирский комиссариат ликвидировал советские учреждения, отменил декреты Советского правительства, претендуя на высшую власть в Западной Сибири до созыва Учредительного собрания, опирался на органы местного самоуправления, пытался сформировать вооружённые силы. Исполнительную власть в Западно-Сибирском комиссариате представляла деловой кабинет министров из заведующих отделами, состоявший в основном из сибирских областников [7, с. 78].

После свержения Советской власти в Семипалатинске, вся полнота власти сосредоточилась в руках есаула Сидорова и капитана Виноградова: они свой военный штаб объявили единственной властью в области.

С приходом к власти Западно-Сибирского комиссариата (26 мая 1918 г.) на местах восстанавливались дореволюционные учреждения: институты губернаторов (под видом губернских комиссаров), городские думы, земства, институт старост. Уже в начале июля 1918 г. на основании телеграммы Министерства Внутренних Дел во временное исполнение обязанностей Семипалатинского областного

комиссара вступил уполномоченный Западно-Сибирского комиссариата Г. Г. Крот [8].

Список источников и литературы

1. История рабочего класса Советского Казахстана (1917–1937): в 3 т. — Алма-Ата: Наука, 1987. — Т. 1. — 432 с.
2. Дахшлейгер Г. Ф., Нурпейсов К. Н. История крестьянства Советского Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1985. — 247 с.
3. Борцы за Советскую власть в Казахстане. — Алма-Ата, 1982. — 235 с.
4. Материалы по истории Казахстана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://testent.ru> (дата обращения: 16.10.2018).
5. За власть Советов: Сб. статей. — Семипалатинск: Облиздат, 1961. — 249 с.
6. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. — М.: Политиздат, 1980. — 335 с.
7. Гражданская война и военная интервенция в СССР. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 720 с.
8. Центр документации новейшей истории (ЦДНИ) ВКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 128.

Б. А. Ачкинази

КРЫМСКИЙ РУБЕЖ ИВАНА САВИНА (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В БЕЛОЙ АРМИИ)

Изучение Великой Русской революции в современной России преодолело узкую классовую схему советской историографии и вышло на уровень ее концептуального осмысления как трагического надлома в истории страны. Академик РАН Ю. А. Поляков, один из первых, кто засвидетельствовал: «Революция и Гражданская война перепали поле национального самосознания с небывалой до того в российской истории глубиной. Происходившее отражало насилие и противоречия, существовавшие в старом обществе, и неизбежно порождало новое насилие — еще более жестокое, грубое, новые противоречия — еще более острые... События 1917 г. и нескольких последую-

щих лет стали, таким образом, величайшим потрясением» [1, с. 3]. В этом же ключе, довольно точно и красноречиво («Без победителей») назвали свою работу о Гражданской войне в Крыму историки А. Г. и В. Г. Зарубины [2].

Тема добровольчества проходит красной нитью в исследованиях по истории Революции и Гражданской войны. Публикуются специальные работы, в которых рассматриваются ее различные аспекты. В 2007 г. защищены две оригинальные кандидатские диссертации — Д. И. Болотиной «Добровольчество» как феномен культуры России: способы самопрезентации участников Белого движения» [3] и С. Н. Сирика «Белое движение на Юге России: от добровольчества к южно-российской государственности» (1917–1920 гг.)» [4], где добровольчество подается как феномен высокой духовности — в первой, и как институциональная основа государственных структур Белого движения — во второй.

Расширение ареала исследований и источниковой базы Белого дела актуализируются на каждом новом витке исторического развития страны, что связано с поисками адекватной современному состоянию российского общества идеологии. В этой связи патриотические мотивы добровольчества (в Белой армии), его духовные и религиозные идеалы, жертвенность во имя достижения этих идеалов заставляют более внимательно присмотреться к носителям столь благородных ценностей.

Более полное представление о духовном феномене добровольчества в лагере белых дает изучение персоналий, причем не столько крупных политических и военных деятелей, сколько рядовых участников движения. Ярчайшей фигурой «истинного добровольчества» по праву считается «поэт Белой мечты» Иван Савин (1899–1927). Крымский рубеж братоубийственной войны стал для него не только жизненным потрясением, но символом борьбы за «святую Русь», ее очищение и возрождение, что стало основой творчества поэта в эмиграции.

Первые суждения о личности И. Савина, его взглядах и творческом кредо содержатся в материалах Русского зару-

бежя. Мироощущение, рефлексии и пристрастия поэта, увязанные с драматическими вехами жизненного пути, донесли до потомков исполины первой волны эмиграции И. Бунин [5], И. Е. Репин [6, с. 154–159], И. Елагин [7], А. Амфитеатров [8] и др.

Значительный вклад в разыскание и обнародование материалов об Иване Савине сделан финской исследовательницей его творчества Элиной Каркконен. По ее подсчетам, только в Финляндии с 1922 по 1927 гг. (пятилетие напряженной литературной и публицистической деятельности, отведенное поэту судьбой), увидело свет 339 его публикаций [9, с. 710]. Следует назвать и работу представителя «русской Америки» В. Синкевича «Поэт Белой мечты», название которой стало нарицательным в осмыслении художественного творчества И. Савина и его общественно-политических взглядов [10, с. 147].

Львиная доля публикаций, посвященных И. Савину, носит литературоведческий и биографический характер [11, с. 101–103]. В то же время остается малоизученной присущая ему ценностная (морально-нравственная и религиозная) оценка войны, добровольчества и вождей Белого дела, которую поэт пропагандировал и защищал до конца жизни.

Исходя из этого, в статье ставится задача выяснить роль Ивана Савина как носителя самосознания и идеолога Белого дела. Для реализации замысла были использованы сюжеты поэтических произведений и художественной прозы, публицистики, очерков и политических статей И. Савина, а также отзывы о нем в эмигрантской среде. Они составили источниковую базу исследования, дополненную материалами сборника «Савин И. Только одна жизнь», вышедшего в 1988 г. в Нью-Йорке благодаря усилиям вдовы поэта Л. В. Сулимовской и одного из авторитетнейших представителей русской эмиграции в США Р. В. Полчанинова [12].

Выяснение идеологии добровольчества и его индивидуальных мотивов (на основе взглядов, суждений, образов и представлений Ивана Савина, в т. ч. вынесенных

им из своей крымской эпопеи), предопределило особенности методологии исследования. В определенной мере автор опирался на заложенные школой «Анналов» культурно-антропологические подходы в понимании и осмыслении исторических явлений. Известный французский историк Ж. Ле Гофф, говоря о достижениях этой школы, указывал на осознание ее приверженцами глубокой цезуры между тем, как современники и действующие лица исторического прошлого представляли себе это прошлое, и тем, как историк его моделирует. Он справедливо подчеркивал, что выражением научных изысканий в этом направлении является возникновение совершенно новой области исследования — «истории воображаемого». Еще более плодотворно и перспективно, по мнению Ле Гоффа, другое направление, также возникшее в домене культур-антропологии, ставящее целью изучение и сопоставление двух типов реальности — объективной, в собственном смысле слова, и тех представлений, которые складывались об этой реальности у современников [13, с. 136–137].

Аналогичные методологические наработки активно осваиваются отечественной наукой. На годичном собрании Научного совета РАН в декабре 1996 г. в совместном докладе двух признанных специалистов академика П. В. Волобуева и доктора исторических наук В. П. Булдакова «Октябрьская революция: новые подходы к изучению» акцентировалось внимание на том, что для исхода революции решающее значение имели не политические конфликты в верхах российского общества, а социальная борьба «низов» за выживание. При этом центр тяжести в анализе революции, справедливо указывали авторы, следовало бы перенести на изучение ментальности и психологии народных масс [14, с. 207–208].

В контексте культур-антропологического подхода, автор исходил, из значимости множественности иных (политических, психологических, ментальных, религиозных, культурологических) факторов, оказавших влияние на формирование внутреннего мира и мировоззрения

Ивана Савина в детские и юношеские годы и, в первую очередь, в бытность его добровольцем (семья, гимназия, характер эпохи («серебряный век»), Первая мировая война, Революция и Гражданская война, гибель братьев от рук красных, мученичество сестер, уход вольноопределяющимся в Добровольческую армию А. И. Деникина в 1919 г., участие в боевых действиях на Дону, Кубани, днепровском плацдарме и в Крыму и, особенно, ужасы крымского плена. Реализация подобного направления помогает восстановить систему ценностных ориентаций И. Савина, причины его участия в антибольшевистской борьбе в рядах Добровольческой армии и характер «запечатления» пережитого в ходе этой борьбы в своем поэтическом творчестве и публицистике.

В целом изучение феномена Ивана Савина не только как крупного явления в культурной, общественно-политической и литературной жизни Русского зарубежья 20-х гг. XX в., но и феномена социального, порожденного эпохой «войн и революций», духовного вдохновителя и участника Белого дела углубляет представление о Гражданской войне в России как национальной трагедии, одним из завершающих этапов которой стали события в Крыму.

Сведения о короткой, но яркой жизни Ивана Савина содержатся, прежде всего, в его публицистических и поэтических творениях, его художественной прозе и автобиографических произведениях. Для исследователя они являются чрезвычайно важными историческими источниками, раскрывающими не только сложный внутренний мир автора, но и атмосферу грандиозного общественного катаклизма, которым стали Революция и Гражданская война. Восприятие этих событий в сознании воина и поэта, их релаксация в стихах и прозе снова и снова возвращают читателя к российской трагедии начала XX в.

Понимание смысла и сути суждений Ивана Савина о времени, революции, добровольчестве, большевиках и их власти, о драме, пережитой им в качестве защитника белого Крыма, следует начать с его родословной и биографических данных.

Дед Ивана Савина по отцу, Йохан Саволайнен, был финским моряком, осевшим в России и женившимся на гречанке, которую встретил в Елисаветграде.

Их сын Иван Саволайн (Саволайнен), человек русской культуры, получил юридическое образование и обзавелся профессией нотариуса. Во время одной из деловых поездок он встретил и без памяти влюбился в Анну Михайловну Волик, молодую помещицу, вдову. Анна Михайловна была на десять лет старше его и у нее уже было пятеро детей. Ее отец — молдаванин из старинного рода Волик-Отян. Мать — единственная из семьи была русской.

Биографы отмечают, что брак состоялся по страстной любви. От этого брака родились трое детей: Иван Савин (29 августа 1899 г. в Одессе), его брат Николай и сестра Надежда (Диля).

Супруги через несколько лет разошлись и в продолжении шести лет не встречались, но у всех восьмерых детей сохранилась настоящая родственная связь и, несмотря на семейную драму, светлые представления о жизни.

Детство и юность Ивана Савина прошли в уездном городке Зеньков Полтавской губернии на Украине. Уже в ранние годы он удивлял своими способностями: в одиннадцать лет написал первое стихотворение, в четырнадцать — ранние статьи и рассказы, опубликованные в местной прессе.

Одаренный от природы, он рос любознательным и смышленным мальчиком, склонным к размышлениям и художественному творчеству. Поражают и тёплые отношения, которые сложились между родными и сводными братьями и сёстрами. Видимо, следует отдать должное Анне Михайловне, в большом доме которой и после развода проживали все ее многочисленные чада. Семейная любовь и привязанность, как показали дальнейшие события, вошли в плоть и кровь этого детского сообщества. Жизненный «нерв» впечатлительного Ивана оголился именно тогда, когда от рук красных в начавшейся кровавой смуте погибли двое старших братьев, выпускников Михайловского артиллерийского училища.

Созреванию таланта будущего поэта способствовали и годы обучения в Зеньковской мужской гимназии, которые пришлись на мировую войну и революцию. Наиболее сильным впечатлением «серебряного века» был Александр Блок, поэтика которого чувствуется во многих стихах Ивана Савина. У него формируется собственный взгляд на окружающее, проникнутый идеализмом и религиозностью.

Гимназист Иван Савин, еще в 1918 г., находясь под впечатлением гибели братьев, пытался уйти к белым. Однако, вынужден был возвратиться и продолжить учебу. Окончив весной 1919 г. Зеньковскую гимназию, он, после успешно сданных экзаменов, был зачислен в Харьковский университет. Но, воспользовавшись пребыванием в Зенькове деникинских войск, вступает в Добровольческую армию в качестве вольноопределяющегося.

Этот поворотный момент в биографии Ивана Савина заслуживает отдельного прочтения. Хотя бы потому, что присоединение недавнего гимназиста к добровольцам не было спонтанным или эмоциональным порывом. К этому времени он уже полностью разделял культивировавшиеся в их среде идеи и ценности.

В этой связи следует остановиться на возникновении самого феномена добровольчества и его отличительных признаках. Истоки его прослеживаются в армейской среде в годы мировой войны. 19 мая 1917 г., недавно назначенный командующим 8-й армией Юго-Западного фронта генерал Лавр Георгиевич Корнилов, приказом по армии разрешает по предложению Генерального штаба капитану М. О. Неженцеву сформировать Первый Ударный отряд из добровольцев. 26 июня капитан Неженцев блестяще провел боевое крещение своего отряда, прорвав австрийские позиции у деревни Ямшицы, благодаря чему был взят важный опорный пункт Калуш. 11 августа приказом командующего отряд был переформирован в Корниловский Ударный полк. Форма полка включала в себя букву «К» на погонах и нарукавный знак с надписью «Корниловцы».

Причины усугублявшейся смуты офицеры-патриоты, ставшие ядром добровольческого движения, в большинстве своем романтически и идеалистически настроенные молодые люди, усматривали в политике Временного правительства и Советов, которая, по их мнению, подрывала вековые устои власти и церкви. Октябрьский переворот, разложение армии и кризис, охвативший страну, подтолкнули их к решительным действиям. Давшие клятву умереть «За Веру, Царя и Отечество», они первыми откликнулись на призыв генералов М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина прибыть на Дон и принять участие в создании Добровольческой армии.

С октября 1918 г. укрепившаяся здесь Добровольческая армия под командованием А. И. Деникина полностью захватила Кубань, а Донская казачья армия атамана П. Н. Краснова, овладев Донской областью, осадила Царицын. Лишь в январе 1919 г. войскам Южного фронта РККА удалось отбросить части Краснова от Волги.

В публикации эмигрантского «Архива русской революции» кадета Г. В. Гессена за 1920 г., под названием «Из секретного доклада» (принадлежавшего не указанному по соображениям безопасности деятелю «старого режима»), отмечалось, что «1919 год был для всех русских патриотов, чаявших возрождение Единой Великой России из пепла большевизма, годом самых тяжелых разочарований», а в 1920 г. ситуация окончательно переменялась в пользу Советов.

Подводя неутешительные итоги, докладчик размышлял над тем, что следует предпринять, чтобы сокрушить силы большевиков. Его выводы сводилась к тому, что «против крайних элементов коммунизма нельзя бороться во имя каких-нибудь расплывчатых неопределенных либеральных лозунгов. Необходимо выдвинуть против анархии лозунг сильной власти, а против антихристианского социализма — лозунг христианства. Последний лозунг предполагает высокий нравственный уровень русских патриотов, и если последняя година испытания приведет Россию к нравственному возрождению на хри-

стианских началах, то можно будет сказать, что и это время не прошло без пользы для человечества и для России» [15, с. 143, 169].

Обращение к христианским ценностям в разгар жесточайшего кровавого противостояния, что засвидетельствовано летописцами с обеих сторон, уже не могло изменить положения. Но они оказались созвучными мироощущению Ивана Савина, его жизненной и общественной позиции. К этому времени он уже сложился как личность с явственно выраженными пристрастиями и антипатиями. Судя по его художественному наследию, он впитал многие религиозно-мистические образы декаданса, как и общепризнанную духовность русской классики. Социальные формы бытия, волновали его, скорее, в связи с нормами христианской морали, а впитанные с детства представления о любви, дружбе, братстве и семейном долге в обстановке Гражданской войны оказались порушенными догматами классовой борьбы, насаждавшейся большевиками. Последние, ещё до окончания И. Савиным гимназии, установили свою власть в Зенькове. Следует констатировать факт того, что взгляды, вера, представления и восприятие Отечества у вольноопределяющегося Савина совпадали с идеалами и установками близкой по сословной принадлежности, воспитанию и образованию добровольческой молодежи начального периода Гражданской войны.

В Добровольческой армии, со временем — Вооруженных силах Юга России (ВСЮР), он служил в 3-м и 2-м кавалерийских полках, в Крыму — в 3-м сводно-кавалерийском полку и в эскадроне 12-го уланского белгородского полка. В Белой армии воевали и четыре брата поэта, двое погибли в бою, двое попали в плен и были расстреляны.

В ноябре 1920 г., когда Красная армия заняла Крым, Савин, заразившийся тифом, находился в лазарете в г. Джанкое. Оказавшись в плену у красных, он чудом избежал расстрела, испытав издевательства, голод и холод (об этом он потом расскажет в автобиографической повести «Плен»).

В собственноручно написанной в 1924 г. автобиографии, поэт так описал этот тяжелейший эпизод своей жизни, ставший, по сути, для него роковым: «В момент оставления Крыма Русской армией я, больной тифом, находился в городе Джанкое, в лазарете, который по неизвестным мне причинам, эвакуирован не был, и поэтому, вместе со всеми лежавшими в этом лазарете больными и ранеными солдатами Русской армии, попал в плен и я. После многочисленных особых отделов, чрезвычайных комиссий, голода, издевательств и истязаний я бежал из плена и прибыл в Финляндию, где восемь месяцев в больнице восстанавливал своё здоровье, подорванное нравственными страданиями (гибелью моих четырёх братьев) и чрезвычайкой в красных застенках, и в настоящее время служу чернорабочим на заводе» [11, с. 101].

Выпавшие на его долю муки и страдания, И. Савин впоследствии запечатлеет в своей гражданской лирике. В его стихах и прозе, несмотря на свойственный автору гуманизм и религиозность, утверждается мысль, что Божья любовь и сострадание не могут распространяться на антихристов, заливших кровью родную землю. Воспринимая Гражданскую войну как Апокалипсис, он увидел в ней тяжелейшую кару за грехи той вражеской силы, против которой вышел сражаться [16].

Наиболее ярко психологию первых добровольцев И. Савин передал в целом ряде поэтических произведений и рассказах исповедального жанра, в которых воспевались вожди Белого движения. Так, иконой почитания для восторженных, верящих в принципы, идеалистически настроенных молодых людей являлись создатели Добровольческой армии, прежде всего генерал Лавр Корнилов.

Корнилову

*В мареве беженства хилого,
В зареве казней и смут,
Видите — руки Корнилова
Русскую землю несут.
Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все.*

*И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.
Он не ушел и не предал он
Родины. В горестный час
Он на посту заповеданном
Пал за страну и за нас... [17].*

С особым пиететом Иван Савин вспоминает своего последнего боевого командира генерала Петра Николаевича Врангеля, под командованием которого участвовал в боях на днепровском плацдарме в 1920 г. Ему он посвятил рассказ «Портрет». В рассказе, не оставляющем сомнений в достоверности приведенных в нем фактов, И. Савин воспроизводит посещение генералом, во время крымского наступления, дивизии, в которой сражался сам. Что же могло подкупить мыслящего и много испытывавшего рядового добровольца в главнокомандующем, навстречу которому, нарушая устав, бросились все бойцы, от офицеров до рядовых? Характерная деталь, отмеченная Савиным в облике Врангеля, свидетельствует не просто о профессиональной наблюдательности писателя, а скорее о его душевном состоянии и нравственном императиве. Преклонение перед Врангелем явилось данью глубокой признательности, прежде всего, за высокие моральные качества, честность и порядочность, как они рисовались автору:

— Вы долго говорили с дивизией о задачах наших, о нуждах, об отношении к населению. Я стоял в десяти шагах от Вас. На Вас была та же бурка, та же папаха, те же сапоги, старые, с истертыми каблуками. На одном из них — кажется, левом — виднелась огромная латка из бурой кожи. И вот с той минуты я не переставал думать о ней, о заплате на сапоге главнокомандующего. Когда теперь социалистическая грязь пытается очернить Ваше имя, Вашу честность, равной которой не знаю в наше подлое время, когда Керенские справа гнут савят о «бесконтрольном расходовании казенных сумм в Крыму», мне хочется крикнуть:

— Лжете! Сам генерал Врангель носил латанные сапоги.

У Савина совершенно осмысленное и, одновременно, восторженное, граничащее с экзальтацией отношение к обожаемому военачальнику. Его образ сливается с выношенным чувством святости того дела, ради которого добровольцы проливали кровь. Повествование автора пронизано евангелической верою, что действиями и поступками Врангеля руководит... любовь и стремление защитить христианскую идею свободы человека. Его захлестывает мысль, что именно такой полководец должен вести воинство на Москву [18].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что культур-антропологический метод позволяет более глубоко разобраться в характере и культурологических нюансах антибольшевистского движения, специфике добровольчества в Белой армии. В контексте таких подходов личность Ивана Савина раскрывается в экстремальных обстоятельствах Революции и Гражданской войны. Он воплощает индивидуальный тип добровольца начальной фазы Белого движения, когда христианские идеалы и любовь к поруганному Отечеству, стойкость, преданность воинскому долгу и командирам, жертвенность являлись преобладающими в сознании и чувствах только-только вступившей во «взрослую» жизнь части дворянской и разночинной молодежи. Ограниченный промежуток времени этот тип «первопоходника» являлся превалирующим и олицетворял святость и справедливость Белого дела.

Одновременно огромная масса добровольцев разных социальных слоев, преимущественно низших сословий, пополняла Красную армию, сражаясь и жертвуя жизнью за социалистические идеалы. Их осуществление мыслилось в духе большевистского учения посредством классовой борьбы и «мировой революции», построения на обломках старого общества «всемирной республики труда». На деле столкновение двух противоположных идеологий переустройства России привело к кровавой братоубийственной Гражданской войне и рецидивам массового террора, унесшего миллионы жизней соотечественников.

Как справедливо подчеркнул в своем интервью журналу «Историк» академик А. Торкунов, председатель оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных столетию революции 1917 г., «до сих пор остаются непримиримыми «сторонники» красных, белых и других сил, действовавших на этапе революции и Гражданской войны.

Здравый смысл подсказывает, что надо не бояться своего прошлого и не следует пугать им. Пришло время вступить в диалог со своей историей и начать извлекать из нее уроки. Важно иметь мужество знать о своем прошлом правду и делать из этого знания выводы, которые бы способствовали движению нашего общества по пути стабильного развития» [19, с. 96].

Список источников и литературы

1. Поляков Ю. А. Гражданская война в России: Последствия внутренние и внешние // Новая и новейшая история. — 1992. — № 4. — С. 3–14.
2. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. — Симферополь: Антика, 2008. — 728 с.
3. Болотина Д. И. «Добровольчество» как феномен культуры России: способы самопрезентации участников Белого движения: Дис... канд. культурологии / 24.00.01 — Теория и история культуры; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М., 2007. — 234 с.
4. Сирик С. Н. Белое движение на Юге России: от добровольчества к южно-российской государственности (1917–1920 гг.): Дис... канд. ист. наук / 07.00.02 — Отечественная история; Московский педагогический гос. ун-т. — М., 2007. — 204 с.
5. Бунин И. Наш поэт // Возрождение — 1927. — 4 авг.
6. Репин И. Е. Два неопубликованных письма // Грани. — 1990. — № 15. — С. 154–159.
7. Елагин И. Ладонка // Новое русское слово. — 1959. — 15 февр.
8. Амфитеатров А. Иван Савин // Новое русское слово. — 1957. — 18 авг.
9. Каркконен Э. Иван Савин. Материалы к библиографии. — СПб., 2005. — 793 с.
10. Синкевич В. Поэт Белой мечты Иван Савин (1899–1927) // Записки Русской Академической группы в США. — Нью-Йорк, 1994. — Т. 36. — 287 с.

11. См., в частности, публикацию историка В. Леонидова в журнале «Родина»: Леонидов В. «Всех убиенных помяни, Россия...»: Поэт Иван Савин // Родина. — 2009. — № 4. — С. 101–103.

12. Иван Савин. Только одна жизнь: 1922–1927 / Сост. Л. В. Савина-Сулимовская, Р. В. Полчанинов. — Нью-Йорк, 1988. — 298 с.

13. Ястрембицкая А. Л. Международный коллоквиум «Школа «Анналов» вчера и сегодня» // Новая и новейшая история. — 1990. — № 6. — С. 136–137.

14. Годичное собрание Научного совета РАН «История революций в России» // Отечественная история. — 1997. — № 2. — С. 207–208.

15. Из секретного доклада. О причинах неудачи борьбы с большевиками на северо-западном фронте // Архив русской революции: в 22 т. — М.: «Терра»; Политиздат, 1991. — Т. 2. — С. 143–169.

16. Савин И. «Всех убиенных помяни, Россия...»: Предисловие / Сост., подг. текста и прим. Э. Каркконен, Д. Кузнецов, В. Леонидов. — М.: Российский фонд культуры, 2007. — 350 с.

17. Поэзия, проза, эссе, публицистика и тексты И. Савина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rpszmoskva.org.ru/wp-content/uploads/2013/09/савин.jpg>. (дата обращения: 01.09.2018).

18. Портрет // Новые русские вести. — Гельсингфорс, 1924. — № 198. — 17 авг.

19. Торкунов А. Не бояться своего прошлого // Историк. — 2017. — № 3(27). — С. 96.

А. Ю. Можайский

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ АФИН VIII–VI ВВ. ДО Н. Э.

Великая октябрьская революция 1917 г. не только изменила Россию и мировое сообщество, но также повлияла на образ мысли многих выдающихся людей: философов, политиков, деятелей искусства и представителей научной элиты общества. Что касается исторической науки, то здесь под влиянием марксистского учения родилось целое направление в историографии и не только в советской [15]. Так, знаменитый британский археолог Гордон Чайлд, вдохновленный марксистскими идеями

и недавней революцией в России, предложил свое объяснение перехода человечества от присваивающих форм хозяйства к производящим формам хозяйства, назвав этот процесс «Неолитической революцией», а процесс формирования первых городов — «Городской революцией» [6; 11, с. 35]. Упоминание здесь имени Гордона Чайлда совершенно не случайно, поскольку его называют величайшим и наиболее влиятельным археологом-мыслителем первой половины XX в. Гордона Чайлда привлекло в марксистско-ленинской теории исторического процесса, во-первых, то, что в ней устанавливалась тесная связь между материальной культурой, технологией и социально-экономическими изменениями, во-вторых, желание создать масштабное повествование, в котором история человеческого развития играла бы активную роль в прогрессе современного общества [4, с. 261; 15]. Следует отметить, что обе эти черты марксистско-ленинского исторического учения повлияли, на наш взгляд, на последующую археологическую и историческую теорию: первая на становление процессуального подхода, а вторая — постпроцессуального [14, с. 71–77].

В год столетия Великой октябрьской революции 1917 г. мы бы хотели взглянуть глубоко в прошлое, в то время, когда зарождалась европейская государственность — во время становления Афин — в VIII — начало VI в. до н. э. и рассмотреть отражение социальной истории Афин через погребальные практики, то есть через призму того, в чем сильна была марксистско-ленинская историческая школа, а именно через материальную культуру в ее связи с развитием общества. Афины VIII–VI вв. до н. э. прошли сложный путь, характеризующийся социальным и политическим кризисом, а также попытками его решения. Постараемся проследить, что нам дает для характеристики этого непростого времени материальная культура, а именно данные погребений Афин и Аттики.

При изучении греческих сообществ VIII в. до н. э. на современном этапе, одним из главных факторов развития, который сразу обнаруживается перед исследователем

является демографический рост и увеличение количества поселений. Карта поселений VIII в. до н. э. представляет гораздо большее число мест, нежели карты для IX или X вв. до н. э. В Аттике общее количество мест возрастает с около пятнадцати, известных для IX в. до н. э. до около пятидесяти, известных к концу VIII в. до н. э. [10, с. 35–37].

Увеличение количества поселений само по себе говорит о демографическом росте, однако наиболее показательным в данном случае увеличение количества погребений. Особенно тщательно проанализированы погребения Афин, Аттики и Аргоса. Здесь известно гораздо больше могил, датированных VIII в. до н. э. нежели IX в. до н. э., при этом погребений, не поддающихся датировки сравнительно мало, чтобы гипотетически прибавить количество погребений для IX в. до н. э.

В 1980 г. вышла в свет работа Энтони Снодграсса «Архаическая Греция», в которой он, используя количественный анализ поселений и погребений, показал сокращение численности населения в начале «Темных веков» и демографический взрыв в VIII в. до н. э., где по его подсчету количество погребений возросло в семь раз между 780 и 720 гг. до н. э. [12, рис. 4].

В 1987 г. вышло другое исследование, автором которого является Ян Моррис. Он, в отличие от Снодграсса, который рассматривал общее количество погребений, не разделяя их на возрастные группы, представляет график частоты взрослых и детских погребений в Аттике с 1125 по 400 гг. до н. э. В V в. до н. э. в Аттике пропорция погребенных взрослых и детей представляет соотношение примерно 1:1. На афинском кладбище в Керамике, 510 из 1009 опубликованных погребений V в. до н. э. принадлежат к юным или взрослым, а 445 — к младенцам или детям, кроме того еще 54 неясных случая. Таким образом, представлялось не ясным, почему ранее 90–95% раскопанных погребений, датированных ок. 925–725 гг. до н. э. относятся только ко взрослым. Объяснение этого феномена плохой сохранностью детских погребений

выглядит неправдоподобным, тем более что их количество неожиданно возрастает до ок. 53% от общей массы в 725–700 гг. до н. э., и эти дети похоронены в основном на тех же кладбищах, что и взрослые раннего периода. Нет оснований считать, что почва вдруг стала более щадящей к детским костным остаткам после 725 г. до н. э. Более того, в афинских кладбищах сельской местности, а также в Аргосе, где погребальные обычаи были различными, детские погребения также очень редки вплоть до 725 г. до н. э., а затем неожиданно возрастают в количестве с 8% до 59% в Аттике, а в Аргосе с 12% до 43% [8, с. 57–62, 101–104, 182–185, 218–221; 9, с. 78–79]. Соответственно, Ян Моррис считает, что исследователи, которые полагают (в частности так полагал Энтони Снодграсс), что в VIII в. до н. э. в Греции произошел резкий демографический рост до 4% в год, ошибаются. По Моррису, такое резкое увеличение погребений в VIII в. до н. э. было следствием изменения погребальных обычаев для усопших детей, что сделало нахождение археологами таких погребений более легким, чем погребений предшествующего времени. Таким образом, по Яну Моррису рост населения был, но далеко не такой высокий, как проиллюстрировал Снодграсс [14, с. 80–81].

Помимо увеличения количества погребений меняется и погребальный обряд, что говорит об изменении самих греческих сообществ, в первую очередь о социальных процессах. Чтобы это проиллюстрировать рассмотрим погребальный обряд Аттики данного периода. По большей части Раннего железного века, в Афинах погребения элиты взрослого населения представляли собой кремации. Прах и костные останки помещали в сосуды, форма которых варьировалась в зависимости от пола покойного. В яму также помещали богатые приношения, сосуды и изделия из металла. Над ямой ставили камень и надгробный памятник в виде сосуда. Вскоре после 800 г. до н. э. наряду с увеличивающимися погребениями, описанными выше появляются также ингумации [10, с. 45–46].

В Афинских погребениях увеличивается количество и качество богатых приношений и по крайней мере на одном Афинском кладбище — Дипилонском, сосуды, используемые в качестве надгробных памятников становятся более искусными и монументальными по своим размерам. Эти огромные сосуды изначально создавались как надгробные памятники. Художественные сцены на этих сосудах показывают плач над телом покойного, иногда процессию воинов, в том числе на колесницах или изображение кораблей. Дело в том, что эти сосуды, обобщенно называемые Дипилонскими вазами, знаменуют собой революцию в мировосприятии афинского сообщества, а также создание нового художественного стиля — позднегеометрического.

Рассмотрим данные керамические изделия более подробно. Дипилонские вазы — сосуды позднегеометрического стиля, использующиеся как надгробные памятники, найденные на Афинском Дипилонском кладбище в Керамике. Встречается также термин Дипилонский мастер. Дело в том, что это название было дано неизвестному художнику, работы которого могут быть распознаны по его индивидуальному почерку. Основанием для присвоения ему научным сообществом имени Дипилонский мастер послужило открытие Дипилонского кладбища в 1871 г., где были найдены эти самые вазы. Именно Дипилонскому мастеру принадлежит основная заслуга в изобретении позднегеометрического стиля. На вазах среднегеометрического стиля изображались редкие единичные фигуры мужчин или женщин, единичные животные или птицы. Эти фигуры были инертны и в основном появлялись в небольших панелях на вазах. И вдруг, неожиданно ок. 770 г. до н. э. вазы стали преподносить более амбициозные художественные темы, пока еще в среднегеометрическом стиле, но уже появляется погребальная тема — «протесис» — выставление умершего на парадном ложе, окруженным плакальщицами. Вскоре после этих работ появился собственно Дипилонский мастер, изобретатель позднегеометрического стиля. Его

монументальные вазы — все более одного метра в высоту, представляли амфоры — для погребенных женщин и кратеры — для погребенных мужчин. Все они несут изображения оплакивания над телом покойного, а на кратерах в дополнение изображались колесничные процессии, свита вооруженных воинов, а также сцены сражений на суше и на море (особенно в 760–750 гг. до н. э.). Судя по имеющимся фрагментам, полный Дипилонский кратер мог иметь более 100 изображений фигур. Работы такого масштаба не повторялись больше вплоть до времени знаменитой Францискской чернофигурной вазы начала VI в. до н. э. Отметим, что искусство Дипилонского мастера вдохновило работу его продолжателей 750–735 гг. до н. э. [5, с. 19–22, 191–194; 7, с. 88–97].

В последней трети VIII в. до н. э. происходят дальнейшие изменения. Теперь на кладбищах вместе со взрослыми появляются погребения детей, а из могил исчезают погребальные дары, которые стали класть в отдельные ямы вблизи могилы. Приношения в виде сосудов больше не являлись предметами повседневного обихода. Вместо них стали изготавливаться специальные формы сосудов, используемые в качестве погребальных даров. Сосуды также перестали использоваться в качестве надгробий. Затем, около 700 г. до н. э. вместо ингумации взрослых покойных стали использовать кремацию. Однако теперь кремация происходила прямо в погребальной яме. Все погребальные дары теперь располагались в отдельных ямах. С этого времени практически все погребения находятся только на кладбищах, и археологи не находят захоронения в местах проживания людей [10, с. 46]. Процесс создания отдельных кладбищ вне зоны проживания требует объяснения. Этот процесс говорит о том, что в этот век люди начинают осознавать необходимость отделения жилого пространства от мира мертвых, что может говорить о значительном изменении в религиозном сознании. Кроме того, теперь общество осознает, что люди не могут устраивать все, что им захочется на земле, которой они владеют. Более того, земля под кладбища выделяется со-

обществом для общественного использования, при этом определенные семьи, похоже, имеют свои фамильные наделы на этих некрополях. Уменьшение погребальных даров, которое происходит в разное время в разных местах, также может быть объяснено в рамках социального развития. Однако здесь встает вопрос о том, было ли это спровоцировано общественным сопротивлением (в первую очередь средним и низшим классами) или же аристократия предпочла утверждать свой статус и выказывать богатство другими способами? На этот вопрос сложно ответить, быть может, имели место обе тенденции.

На фоне этих изменений в Афинах VII в. до н. э. происходит так называемая «Килонова смута» (вероятно около 630 г. до н. э.) о которой мы узнаем из источников V в. до н. э., в которых основной интерес направлен не столько на саму смуту, сколько на ее последствия. Геродот (5. 71) сообщает, что Килон, афинянин, победитель Олимпийских игр, собрал группу молодых людей, своих политических сторонников, попробовал занять с ними акрополь, но не удержал его, после чего был вынужден искать убежища в святилище. Пританы навкрай, которые как передает Геродот, стояли в то время во главе Афин, пообещали Килону и его сторонникам жизнь, если те покинут святилище, а когда те покинули его, то были убиты представителями аристократического рода Алкмеонидов, которые в последствии из-за этого были обвинены в скверне и изгнаны из Афин.

Сообщение Фукидида (1.126) во многом сходно с текстом Геродота, но добавляет некоторые детали и некоторые отличия. Так, Фукидид говорит об изречении Дельфийского оракула, которое Килон не верно истолковал, кроме того, сообщается, что Килон женился на дочери мегарского тирана Феагена и даже получил от него войско, а главное, что в Афинах тогда управляли девять архонтов. Более того, из рассказа Фукидида не ясно был ли убит сам Килон.

В 2016 г. было сделано археологическое открытие, которое, вероятно, отражает Килонову смуту или, по край-

ней мере, социальную напряженность в Афинах VII в. до н. э. В Фалере было обнаружено массовое захоронение из 80 тел, 36 из которых — со связанными руками и ногами. Датировка керамического материала попадает на Килоновское время¹. Наиболее ценная информация, которую передает эта история — политическая борьба в Афинах VII в. до н. э. причем борьба целых аристократических родов.

На этом фоне в Афинах разразился масштабный социальный и политический кризис преодолеть который, как сообщает традиция, афиняне смогли с помощью Солона, снискавшего славу законодателя и мудреца. Понять кризис, постигший Аттику в VII в. до н. э. и описать пути решения этого кризиса предпринятые Солонем очень сложно. Главная проблема в отсутствии современных Солону источников. Афиняне избрали Солона архонтом, быть может, в 594/593 или 592/591 гг. до н. э., однако впервые Солон упоминается в источниках лишь в сочинении Геродота (1. 29-32) в Классический период. Учитывая непрямую ситуацию с источниками охарактеризуем кризис в Аттике насколько это возможно. Кризис был настолько серьезным, что привел к значительному обеднению и даже порабощению многих бедных граждан. Проблема была в правах на землю и несмотря на то, что действительная природа долговых обязательств крестьян перед богатыми гражданами не ясна, последние определенно эксплуатировали первых. В своей поэзии Солон называл землю «порабощенной» и считал своей задачей «освободить» землю, поддержать крестьянство и освободить тех граждан, что были проданы в рабство за долги. При этом Солон определенно не перераспределял землю в пользу низших классов. Как могло получиться так, что Солон освободил землю в пользу угнетенных, но без ее перераспределения? И каким образом к 600 г. до н. э. произошла столь масштабная задолженность крестьян перед богаты-

¹ Новостные материалы по открытию в Фалере [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.lifo.gr/articles/archaeology_articles/98996 (Дата обращения 05.10.2017).

ми гражданами? В научной литературе представлены две главные модели:

Рост населения привел к тому, что бедняки были вытеснены на малорентабельные земли, нуждались в экономической помощи, в результате чего попали в зависимость от богатей;

Существовала традиционная зависимость низших классов от высших классов, уходящая корнями еще в «Темные века» [3, с. 237–238].

Данные материальной культуры поддерживают второй сценарий [2, с. 321–333]. Поселения Раннего железного века в Южной Греции имели низкую плотность и обычно состояли из небольших сообществ [13, с. 167–171; 1, с. 1–38]. Только в позднеархаическое время, в VI в. до н. э., но особенно в Классический период в V и IV вв. до н. э., южно-греческий ландшафт изменился и заполнился широкой сетью деревень и городов сопоставимого территориального размера, а также небольшими фермами (хозяйствами) или крупными поместьями [2, с. 322]. Однако в Архаический период фермы и деревушки редки и относятся в основном к концу периода. Таким образом, данные об Архаическом периоде показывают малонаселенный ландшафт по сравнению с Классическим периодом.

При этом исследования Яна Морриса о погребальных обрядах Афин и Аттики, а также привлечение данных о других раннеполисных обществах показывают ярко выраженную социальную пропасть между высшим доминирующим и низшим подчиненным классами в период Раннего железного века. Рассматривая погребальные обряды в Афинах и Аттике, Моррис обращает внимание на местную особенность, когда в VIII в. до н. э. Афины встали на путь типично полисного развития и наделили правами погребения на кладбищах низшие классы, но затем в VII в. до н. э. резко прекратили эту практику, вернувшись к ситуации «Темных веков» [8, с. 205–210]. Только в VI в. до н. э. «демократизация» погребальной практики развивается опять и уже присутствует в после-

дующее время. Как видно, эти изменения в погребальных практиках соответствуют кризису VII в. до н. э. и последующим реформам Солона [15].

Похоже, что центральной проблемой для элиты Раннего железного века, как для вождей, так и для фермеров «среднего класса» была вовсе не нехватка земли или контроль над международной торговлей, а рабочая сила для обработки их полей. Многочисленной элите второго ранга требовалась рабочая сила, которая будет вместе с ними обрабатывать их поля, а элите первого ранга (семьям вождей — будущих аристократов) нужна была рабочая сила, которая будет работать за них. Представляется возможным, что верхний класс населения 33–50 % от общего населения по Моррису в «Темные века» использовали рабочую силу низшего класса — 67–50% от общего числа населения. Архаический кризис аттических крестьян был полностью решен в классический период. Семья гоплита не могла в одиночку обработать землю гоPLITского поместья в 5–6 га в, поскольку время гражданина занимала также политическая и военная активность. Таким образом, необходима была зависимая рабочая сила или наемная рабочая сила.

Вероятно, что в Ранний железный век-Архаическое время было две формы хозяйств: личные земли, принадлежавшие семьям среднего и высшего классов, обрабатываемые с помощью низшего класса и рабов, а также личные хозяйства крестьян низшего класса, которые были субъектом зависимости от верхних двух классов. Таким образом, в период кризиса в Аттике и всей Южной Греции не было проблем с наличием земли, и колонизация хоры прогрессировала, но высшие классы, похоже, налагали свои права как на доход с крестьянской земли, так и на рабочую силу самих крестьян [15].

Таким образом, интенсивное исследование хоры Аттики и данные погребального анализа могут усилить аргументы в пользу того, что Солон не перераспределял землю, а вероятно «освободил» ее, даровав низшим классам право свободного держания уже имеющих у них

наделов. Видимо, после этого крестьянам уже не надо было отдавать часть своего дохода с этой земли в пользу высших классов.

Итак, погребальные практики Афин и Аттики VIII — начала VI вв. до н. э. отражают социальную и в некоторой степени политическую историю Афин этого периода. Изучение некрополей проливает свет на изменение демографии, образование полисной системы в Аттике, социальные конфликты и последующие реформы, призванные их урегулировать. Современная методология исследования материальной культуры, сформировалась, в том числе, благодаря влиянию, которое оказала Великая октябрьская революция 1917 г. на ученых-современников этих событий. Особенно это проявилось в исследовании древних обществ, где археологические источники являются во многих случаях основными. В этом отношении социальная история Афин — не исключение.

Список источников и литературы

1. Bintliff J. L. Regional Survey, Demography, and the Rise of Complex Societies in the Ancient Aegean: Core Periphery, Neo-Malthusian, and other Interpretive Models // *Journal of Field Archaeology* 24. — 1997. — P. 1–38.
2. Bintliff J. L. Solon's reforms: An archaeological perspective // Blok J. H., Lardinois, A. P. M. H. (Eds.). *Solon of Athens. New Historical and Philological Approaches* / Brill. — Leiden, 2006. — P. 321–333.
3. Bintliff J. L. *The Complete Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century AD* / Wiley-Blackwell. — Oxford, 2012.
4. Bintliff J. L. *Great Archaeologists: Vere Gordon Childe; Glyn Daniel; Stuart Piggott; David Clarke; Lewis Binford* // *The Great Archaeologists. B. Fagan (Ed.)* / Thames and Hudson. — London, 2014. — P. 258–267, 272–277.
5. Boardman J. *The History of Greek Vases* / Thames and Hudson. — London, 2001.
6. Child V. G. *Man Makes Himself* / Watts and Co. — London, 1936.
7. Coldstream J. N. *Geometric Greece: 900–700 BC.* — 2nd ed. / Routledge. — London, 2003.
8. Morris I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City State* / Cambridge University Press. — Cambridge, 1987.
9. Morris I. *Death-ritual and social structure in classical antiquity* / Cambridge University Press. — Cambridge, 1992.

10. Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 / Routledge. — NY, 2009.

11. Renfrew C., Bahn P. Archaeology: Theories, Methods, and Practice / Thames and Hudson Ltd. — London, 1996.

12. Snodgrass A. M. Archaic Greece: The Age of Experiment / Dent. — London, 1980.

13. Snodgrass A. M. Two demographic notes // Hagg R. (Ed.). The Greek Renaissance of the Eight Century B. C. — Stockholm. 1983. — P. 167–171.

14. Добровольская М. В., Можайский А. Ю. Археология: Учебное пособие. — М.: МПГУ, 2012. — 116 с.

15. Можайский А. Ю. Социально-политические и революционные процессы в Афинах VII — начала VI вв. до н. э.: взгляд через материальную культуру // Сборник 100 години Октомврийска революция — реалности и историческа памет: Международна научна конференция, 10–11 ноември 2017 г. — В. Търново: Университетско издателство «Св. Св. Кирил и Методий», под печати.

Д. Г. Ларионов

ОТНОШЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГОСУДАРСТВУ

Отношение Католической Церкви к коммунизму, Ватикана к СССР и иным коммунистическим государствам претерпело заметную трансформацию от радикального осуждения на заре формирования коммунистической идеологии до принятия идеи диалога и даже симпатии к отдельным элементам коммунистической теории и практики.

Как известно, коммунистические идеалы в той или иной форме присутствовали в человеческой истории достаточно давно: от разного рода утопических проектов, до вполне конкретных попыток реализации их на практике. Более того, если понимать коммунизм как социальное устройство, при котором отсутствует частная собственность (если не вся, то, как минимум, на средства производства), то у Католической Церкви имеется собственный пример своеобразного коммунистического экс-

перимента. Как известно, в 1610–1768 гг. в Южной Америке в бассейне реки Парана под руководством Общества Иисуса существовало квазигосударственное образование, известное под названием «иезуитских редукций» или «иезуитского государства» в Парагвае, среди отличительных черт которого были совместное ведение хозяйства, отсутствие частной собственности, уравнительный принцип распределения. Это позволяет ряду историков относить данный опыт к одному из первых коммунистических экспериментов [15]. При этом характерно, что собственно католические авторы от подобных оценок воздерживаются, ограничиваясь констатацией существования подобного мнения [4], либо и вовсе не упоминая термина «коммунизм» [27].

Следует отметить, что свое официальное отношение к проблеме коммунизма Католическая Церковь сформулировала уже в середине XIX в.: в 1846 г. Пий IX в энциклике «*Qui pluribus*» заявил, что коммунизм «в максимальной степени противостоит естественному праву» и что, если названная доктрина будет где-либо принята, за этим последует «полное разрушение прав всех людей, правительства, собственности и даже самого человеческого общества» [22]. Примечательно, что это мнение было озвучено за два года до опубликования К. Марксом и Ф. Энгельсом «Манифеста коммунистической партии» (1848 г.), определив на многие десятилетия позицию Церкви. Впоследствии он осуждал социализм и коммунизм в аллокуции «*Quibus, quantisque*» и энциклике «*Nostis et nobiscum*» (обе в 1849 г.). В «*Quibus, quantisque*» он говорит об «ужасной и фатальной системе социализма и коммунизма» [23], а в «*Nostis et nobiscum*» — об «извращенных системах социализма и коммунизма» и их «губительных принципах» [21].

Наконец, окончательное осуждение в учении данного понтифика социализм и коммунизм получили в 1864 г. в энциклике «*Quanta cura*» и прилагавшемся к ней «Перечне главнейших заблуждений», ставшим известным под названием «*Syllabus*» [7; 8].

Лев XIII в 1878 г. опубликовал энциклику о социализме «*Quod apostolici muneris*». Здесь он говорит «о секте людей, которые, под различными и почти варварскими именами, называются социалистами, коммунистами или нигилистами» [18]. Папа разоблачает их учение, как абсолютно вредное и противоречащее естественному положению вещей в социальной, трудовой и семейной сферах. В 1891 г. он опубликовал энциклику о положении трудящихся «*Regum novarum*», положившую начало официальному католическому социальному учению. В ней Папа подтверждает отрицательное отношение к социалистам, их идеологии, практике и целям. В то же время, с первых строк присутствует и другая мысль: «Разъединенные рабочие ничем не защищены от бессердечия хозяев и жестокости неограниченного соперничества» [13, с. 6]. Таким образом, наряду с безусловным отрицанием социализма и коммунизма Церковь признала справедливость требований тех людей, которые оказываются увлеченными этими идеологическими системами.

В 1931 г. в ознаменование 40-ой годовщины первой социальной энциклики Пий XI сформулировал собственное видение социального вопроса, включая проблему социализма и коммунизма, изложив его в энциклике «*Quadragesimo anno*». Здесь приводятся доводы относительно непримиримости коммунизма и христианства, невозможности их сосуществования — именно по причине несовместимости коммунистических идеалов с христианской истиной и естественным порядком. По словам Папы, «коммунизм учит и стремится к двум целям: безжалостная классовая борьба и абсолютное уничтожение частной собственности» [25]. В этом документе нет прямых отсылок к опыту Российской революции 1917 г., однако приводятся вполне очевидные намеки на регион и оценка происходящих там событий: «Чудовищная резня и уничтожение, которым он подверг обширные территории восточной Европы и Азию являются свидетельством того, насколько он враждебен Святой Церкви и Самому Богу» [25].

Вполне естественно, что победа в России большевистской революции и утверждение здесь коммунизма в качестве государственной идеологии неизбежно привели к обострению идейного конфликта с Католической Церковью. В 1937 г. Пий XI выпустил энциклику «*Divini Redemptoris* (о безбожном коммунизме)», в которой подтвердил традиционное католическое учение относительно заблуждений коммунизма. Весь документ представляет собой подробное изложение претензий Церкви в адрес коммунизма вообще и его большевистского варианта, в частности. Истоком коммунизма и произошедшей революции Понтифик видит сохранившуюся в мире «борьбу добра со злом», а также то, что «древний искушитель» не прекращал «сворачивать человечество лживыми посулами» [9]. Таким образом, коммунистическая идеология и революция фактически провозглашаются сатанинскими. Утверждается также, что «наиболее упорные враги Церкви, что из Москвы ведут борьбу против христианской цивилизации», доказывают своими действиями, что именно Папство, а не какая-либо иная власть на земле, является наиболее последовательным и действенным защитником христианства [9].

В то же время, Церковь различала «заблуждение и заблуждающихся», что нашло выражение в 1952 г. в послании Пия XII к народам России, в котором он призывал их «вернуться на путь истины» [10, с. 19]. Годом ранее, в 1951 г., этот же Папа в Рождественском радиопослании с сожалением говорил о «Церкви молчания», состоящей из миллионов верующих «в обширных краях света», где утвердилась «деспотическая воля власть имущих» и «монополия профессиональных смутьянов и поклонников силы» [11, с. 24].

В подобном духе был выдержан и специальный «Декрет против коммунизма», опубликованный в 1949 г. ватиканской Конгрегацией Священной Канцелярии. В нем коммунизм категорически отрицался. Также здесь подтверждалось, что «христиане, придерживающиеся материалистических и антихристианских коммунистических

учений, и прежде всего — защищающие или распространяющие их, как отступники от католической веры» навлекают на себя отлучение от Церкви [2].

Одним из последних примеров последовательного и беспощадного осуждения Церковью коммунизма является «Ответ Священной Канцелярии относительно избрания конгрессменов, поддерживающих коммунизм», утвержденный в 1959 г. Иоанном XXIII. Этот документ постановлял, что католики не могут голосовать «за те партии или кандидатов, которые, даже если не исповедуют принципов, противоречащих католическому учению, и называют себя христианами, в действительности, тем не менее, связаны с коммунистами и поддерживают оных своими действиями» [4]. В данном контексте особенно примечательно, что этот же Понтифик впоследствии опубликовал ряд энциклик, допускавших сотрудничество с коммунистами, а также инициировал проведение II Ватиканского Собора (1962–1965 гг.), начавшего радикальные преобразования в Католической Церкви, включая ее значительную демократизацию, либерализацию и, зачастую, откровенную симпатию к марксизму, коммунизму и революции.

В частности, в энциклике «*Pacem in Terris*» (1963 г.) он писал, что «в ложных философских учениях могут быть элементы положительные и заслуживающие одобрения, так как они согласуются с нормами благоразумия и отражают законные человеческие стремления» [3, с. 47]. Другим характерным примером является то, что II Ватиканский Собор не осудил коммунизм, хотя ряд консервативных иерархов и требовал этого [14, с. 184].

Такая специфика позиции Иоанна XXIII выражение и в отношении к коммунистическим государствам, особенно с многочисленным католическим населением. В частности, он не только не осудил установление на Кубе социалистического строя, но даже согласился в 1962 г. на аккредитацию в Ватикане кубинского посла [1, с. 310–311]. Им же, по сути, была начата новая «восточная политика» Ватикана, направленная на нормализацию отношений с

социалистическими странами в интересах сохранения в них функционирования Католической Церкви. Эта политика нашла выражение в активной деятельности крупного ватиканского дипломата, впоследствии кардинала, А. Казароли, который с 1963 г. совершал многочисленные визиты сперва в ЧССР и ВНР, а затем — в иные страны социалистического лагеря, включая СССР, добиваясь от правящих режимов обеспечения определенных прав Церкви и верующих [12].

Следующий понтифик — Павел VI — продолжил курс своего предшественника на модернизацию церковного учения и практики, в том числе, в ее отношении к коммунизму. В 1967 г. им была опубликована энциклика «*Populorum progressio*», посвященная проблемам развития народов, делая упор на странах третьего мира, включая те, где общество еще не сделало выбор в пользу капиталистической или коммунистической модели развития. Здесь Папа напоминал, что «революционные восстания порождают новые несправедливости». Однако он допустил ряд совершенно новых и радикальных для Понтифика идей: «право частной собственности не является абсолютным и безусловным», «общее благо иногда требует экспроприации». Наконец, признавая негативный характер революционных восстаний, он делает принципиальную оговорку: «кроме тех случаев, когда они вызваны явной и продолжительной тиранией, грубо посягающей на основные права человеческой личности и вредящей в опасной мере общему благу страны» [20].

Представляется совершенно естественным, что в период правления этих двух понтификов значительно активизировалась деятельность коммунистических революционных организаций и армий в разных странах мира. Именно на это время приходится оформление и высший расцвет латиноамериканской теологии освобождения.

С началом понтификата Иоанна Павла II риторика официального Ватикана вновь претерпевает изменения и возвращается к критике коммунизма, хотя и не достигает того уровня, который был характерен для дособорно-

го церковного учительства. Социальные энциклики этого Папы недвусмысленно осуждают коммунистическую идеологию и практику, что нашло комплексное выражение в «Катехизисе Католической Церкви», опубликованном в 1992 г. Здесь официально провозглашено, что «Церковь отвергла атеистические и тоталитарные идеологии, в наше время ассоциирующиеся с «коммунизмом» или социализмом» [5, с. 561]. Интересно, что в «Катехизисе христианской доктрины» Пия X, опубликованном впервые в 1908 г. и служившем до 1992 г. основным документом подобного рода, коммунизм не упоминался вовсе [24]. Очевидно, что опыт большевистской революции в России и последовавшего затем развития мирового коммунизма поспособствовали пересмотру основных рубрик Катехизиса и включению в них, среди прочих, социально-политических вопросов.

Актуальный Понтифик — Франциск — вновь осуществляет поворот Церкви в сторону либерализации и модернизации, во многом превосходя даже Иоанна XXIII, Павла VI и соборные решения. Среди его действий и заявлений заметен отказ от осуждения коммунистических и социалистических режимов как в странах с официально правящей коммунистической партией — КНР, Куба, так и в странах, где эти идеологии приобретают новые формы и выражения — например, в Венесуэле и Боливии. В частности, во время визита в Боливию в июле 2015 г. президент этой страны Э. Моралес подарил Франциску так называемое «коммунистическое распытие», составленное из серпа и молота. Невзирая на определенную двусмысленность подобного подарка, Папа его принял и заявил, что не видит в этом оскорбления и воспринимает его через объектив истории [26].

Показательно, что церковные иерархи, имеющие опыт жизни и служения в условиях коммунистических государств, оказываются менее склонными к симпатии в адрес коммунизма. Это очевидно из сопоставления риторики и деятельности Иоанна Павла II с другими послесоборными папами. Еще одним показательным примером

является бывший глава Католической Церкви в России, а ныне — глава Католической Церкви в Республике Беларусь Митрополит Т. Кондрусевич. Так, согласно сообщениям СМИ, он определил Октябрьскую революцию 1917 г. как «экзистенциальную катастрофу» [16].

Следует отметить, что в католической среде существует ряд организаций и структур, отказывающихся следовать официальной политике реформ и компромиссов. Вместо этого они сохраняют приверженность прежним нормам, которые были присущи Католической Церкви на протяжении предыдущей истории. Такие католики-традиционалисты отвергают реформы, происходящие в Церкви после II Ватиканского Собора, включая пересмотр отношения к различным идеологическим системам.

Одна из таких организаций — Общество защиты традиций, семьи и собственности — до сих пор позиционирует себя в качестве «крупнейшей в мире, вдохновленной католичеством, антикоммунистической и антисоциалистической сетью» [28] и считает, что «марксистские и социалистические доктрины и идеи по-прежнему изобилуют в Западном мире» [17].

В подобном духе выдержаны публикации, посвященные 100-летию юбилею Российской революции в информационной сети консервативного католического апологета М. Вориса «Церковь воинствующая» [30] и на сайте Священнического братства Св. Пия X (крупнейшей традиционалистской организации) [19].

В то же время, есть примеры отношения традиционалистов к Октябрьской революции, как к своего рода катарсису. Так, очень принципиальный и неполиткорректный епископ Р. Уильямсон 14 октября 2017 г. заявил, что 72 года коммунизма принесли русскому народу столько страданий, что он выучил этот горький урок и теперь стремится вновь найти путь к Богу. Более того, он делает вывод, что благодаря этому Бог «даровал русским истинного государственного деятеля и лидера, который является надеждой многих честных душ во всем мире», поскольку В. В. Путин, в отличие от Франциска и запад-

ных лидеров является последователем Христа, так как он говорит и действует, как последователь Христа [29].

Таким образом, можно констатировать, что отношение официальной Католической Церкви к коммунистическим идеалам и практике претерпело значительные изменения в духе соборных преобразований, направленных на ревизию и модернизацию церковного учения и жизни. В то же время, католические традиционалисты сохраняют неименным классическое церковное учительство, отказываясь приспособляться к изменившимся социально-политическим условиям и идти на компромисс с либеральным общественным мнением.

Список источников и литературы

1. Григулевич И. Р. Папство. Век XX. — М.: Политиздат, 1981. — 532 с.
2. Декрет против коммунизма // Una Voce Russia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/ccs_communism.html (дата обращения 30.11.2017).
3. Иоанн XXIII. «Мир на Земле»: Окружное послание: О мире среди всех народов, основанном на правде, на справедливости, на любви, на свободе. — [Б. м.]: Ватиканская типография полиглотта, 1963. — 51 с.
4. Каспэ С. Иезуитов государство в Парагвае // Католическая энциклопедия. — М.: Издательство Францисканцев, 2005. — Т. 2. — С. 51–53.
5. Катехизис Католической Церкви. — М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2001. — 813 с.
6. Ответ Священной Канцелярии относительно избрания конгрессменов, поддерживающих коммунизм. — 1959 // Una Voce Russia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/ccs_communism.html (дата обращения 30.11.2017).
7. Пий IX. Окружное послание Quanta cura // Священническое братство Святого Пия X в Беларуси и странах СНГ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://fsspx.by/ru/oracle/papa_pij_ix/okruzhnoe_poslanie_quanta_cura/ (дата обращения 30.11.2017).
8. Пий IX. Syllabus // Покров: Альманах российских католиков. — 1999. — Вып. 2. — С. 14–24.
9. Пий XI. Divini Redemptoris (о безбожном коммунизме) // Una Voce Russia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/divini_redemptoris.html (дата обращения 30.11.2017).

10. Пий XII. Апостольское послание к народам России. — Рим: Ватиканская типография, 1952. — 24 с.

11. Пий XII. Рождественское радиопослание 1951 г. // Покров: Альманах российских католиков. — 2000. — Вып. 8. — С. 15–24.

12. Пономарев В. П. Казароли Агостино // Православная энциклопедия. — М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2012. — Т. 29. — С. 339–342.

13. Рерум новарум. Окружное послание Льва XIII О положении трудящихся // 100 лет социального христианского учения. — М.: Pax Christi International; Дом Марии, 1991. — С. 6–24.

14. Роод В. Рим и Москва. Отношения между Святым престолом и Россией (Советским Союзом) в период от Октябрьской революции 1917 г. до 1 декабря 1989 г. — Львів: Монастир Монахів Студійського Уставу. Видавничий відділ «Свічадо», 1995. — 279 с.

15. Святловский В. В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. — Петроград: Издательство «Путь к знанию», 1924. — 55 с.

16. Тадеуш Кондрусевич назвал Октябрьскую революцию экзистенциальной катастрофой // Euroradio.fm [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://euroradio.fm/ru/tadeush-kondrusевич-nazval-oktyabrskuyu-revoljuciyu-ekzistencialnoy-katastrofoy> (дата обращения 10.12.2017).

17. FAQ // The American Society for the Defense of Tradition, Family and Property [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.tfp.org/faq/> (date of access 10.12.2017).

18. Leo XIII. Quod apostolici muneris // La Santa Sede [Electronic resource]. — Mode of access.: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_28121878_quod-apostolici-muneris.html (date of access 12.11.2016).

19. One Hundred Years Ago, Communism Attacked the Church and the World // Communication Agency of the Priestly Society of St. Pius X [Electronic resource]. — Mode of access: <http://fsspx.news/en/news-events/news/one-hundred-years-ago-communism-attacked-church-and-world-33418> (date of access 10.12.2017).

20. Paul VI. Populorum progressio // The Holy See [Electronic resource]. — Mode of access: http://w2.vatican.va/content/paul-vi/en/encyclicals/documents/hf_p-vi_enc_26031967_populorum.html. (date of access 17.10.2017).

21. Pio IX. Nostis et nobiscum // La Santa Sede [Electronic resource]. — Mode of access: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/enciclica-nostis-et-nobiscum-8-dicembre-1849.html> (date of access 12.11.2016).

22. Pio IX. Qui pluribus // La Santa Sede [Electronic resource]. — Mode of access: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/enciclica-qui-pluribus-9-novembre-1846.html> (date of access 12.11.2016).

23. Pio IX. Quibus, quantisque // La Santa Sede [Electronic resource]. — Mode of access: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/allocuzione-quibus-quantisque-20-aprile-1849.html> (date of access 12.11.2016).

24. Pio X. Catechismo della Dottrina Christiana // Museo San Pio X [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.museo-sanpiox.it/sanpiox/catechismodottrinacristiana.html> (date of access 30.11.2017).

25. Pius XI. Quadragesimo anno // The Holy See [Electronic resource]. — Mode of access: http://w2.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19310515_quadragesimo-anno.html (date of access 12.11.2016).

26. Pope Francis says he wasn't offended by 'communist crucifix' gift // The Guardian [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/13/pope-francis-communist-crucifix-gift-bolivia> (date of access 10.12.2017).

27. Storni H., Klaiber J. L. Reductions of Paraguay // New Catholic Encyclopedia. — Washington, D. C.: Thomson; Gale, 2003. — Vol. 11. — P. 997–998.

28. The American TFP // Crusade. — November/December 2016. — P. 3.

29. Williamson R. Putin Speaks // The St. Marcel Initiative [Electronic resource]. — Mode of access: <https://stmarcelinitiative.com/putin-speaks/> (date of access 18.11.2017).

30. Wynne S. A Century of Blood // Church Militant [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.churchmilitant.com/news/article/a-century-of-blood> (date of access 10.12.2017).

А. А. Иванова

ТЕМА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПНИНА

Юбилей Русской революции 1917 г. создаёт повод для обращения к вопросу об исторической преемственности революционных идей в среде нескольких поколений российских мыслителей [2, с. 3–4]. Впервые этот вопрос был осмыслен современниками Великой Французской революции, оказав глубокое влияние на формирование их общественно-политических взглядов.

Начало революции во Франции совпало со временем выхода сочинения А. Н. Радищева «Путешествие из Пе-

тербурга в Москву» (1790), в которой мы находим отклик на это событие и созвучие проблем, всколыхнувших французскую среду: критику нравов сословного общества, социально-экономического и правового положения крестьянства, отсутствие гражданских свобод. Вместе с тем, русские просветители конца XVIII в. достаточно критично восприняли практику воплощения либеральных идей революционной Францией. В частности, Б. С. Итенберг указал на эволюцию взглядов Радищева, определив его как «родоначальника революционной традиции в России, понявшего всю непредсказуемость революционного пути» [2, с. 31–32]. В этой связи интересна позиция Ивана Петровича Пнина (1773–1805). Важно отметить, что дискуссионным остаётся вопрос о его мировоззрении: А. Н. Филиппов распознал в нём «строгую консерватора» [7, с. 505–506]; в то время как В. Н. Орлов писал, что «Пнин не только оказался на десять голов выше либеральных краснобаев, но и поднялся над ограниченностью западно-европейских просветителей» [5, с. 156]. Исследование об отношении Пнина к Великой Французской революции позволит точнее определить специфику его политических взглядов. Такова задача данной статьи.

И. П. Пнин — поэт, писатель и просветитель, известен тем, что в условиях ужесточения цензуры в правление императора Павла I при поддержке и на средства наследника престола, вел. кн. Александра Павловича, совместно с А. Ф. Бестужевым издавал «Санкт-Петербургский журнал» (1798), публикуя в нём сочинения Ш.-Л. Монтескье, П. Верри, К.-Ф. Вольнея, «Послания к земледельцам» А. Тома, а также «Всеобщую мораль» и «Систему природы» П.-А.-Т. Гольбаха, запрещённые в то время в России. Транслируя русской публике философско-экономические произведения зарубежных мыслителей, Пнин развивал идеи правового равенства и признания за крестьянами права собственности, мысль о том, что благородство человека определяется не происхождением, а его деятельностью и многое другое.

Отношение к Французской революции Пнин выразил в своём основном сочинении «Опыт о просвещении относительно к России» (1804), которое представляет собой концепцию отечественной системы обучения. Ратуя за сословный принцип в образовательном процессе, автор, тем не менее, отстаивал требование необходимости правового равенства граждан, освобождения крестьян до их просвещения, а также закрепления прав собственности и гарантий защиты личности. Такой взгляд был наиболее радикальным из существующих к началу XIX в., однако, защита принципа сословности, как может показаться, нивелировала «свободомыслие» позиции Пнина. Анализируя опыт Франции, он приходит к выводу о том, что необходимо всеми силами пытаться сохранить равновесие, избежать революционных потрясений, а поскольку Россия — монархия, то «по сей причине имеет тем большую надобность в неравенстве состояний, поелику оно служит твердейшую для нее подпору» [6, с. 128].

Обращаясь к результату революции, Пнин, прежде всего, выразил сочувствие к судьбе этой страны: «Франция, совершив ужасный переворот, терзая собственную свою утробу и алкая повсеместно крови...» [6, с. 124]. «Вместо того, — продолжает Пнин, сожалея об ином исходе, — чтобы возвратить нужные силы государству, чтобы дать всему твёрдое основание, призвали мнимых мудрецов своих, которые являсь в лице законодателей или, вернее сказать, истребителей, мгновенно разрушив все прежние государственные постановления, на сих печальных развалинах положили основание зданию своей толико ужасной по действию и соблазнительной по правилам конституции» [6, с. 124]. Речь идёт о якобинской Конституции, принятой Национальным конвентом 24 июня 1793 г.

Почему он рассматривал именно этот документ? Французская конституция 1793 г. — наиболее радикальная из всех революционных конституций. Она пропагандировала социальное равенство и право даже части народа на восстание. Это был документ, способный напугать любого жителя монархического государства. Известно, что во

французском обществе, ещё не отошедшем от «старого порядка», не существовало фундамента для радикализма, на котором строилась эта якобинская конституция, вследствие чего наряду с ней фактически действовали иные принципы. Что, в конце концов, завершилось кризисом политической системы диктатуры якобинцев и реставрацией монархии. В связи с этим и сама Конституция 1793 г. и её отдельные положения трактовались российскими современниками как крайне неудачный социальный эксперимент.

Приступая к анализу этого документа, Пнин разбирает принципы, лежавшие в его основании: «Сия конституция заключает в себе, во-первых: *права человека*, потом *вольность*, потом *равенство* и, наконец, *собственность*, как бы из сих прав уже истекающую. Какое разительное противоречие!» [6, с. 125]. Далее он противопоставляет права человека правам гражданина, утверждая, что человек, существуя лишь в диких условиях, руководствуется «одними только естественными побуждениями или нуждами, им самим удовлетворяемыми». И только с переходом в общество человек обретает права [6, с. 125–126]. От первого основания, «прав человека», как считает Пнин, должно было произрасти «*древо вольности*, коего очаровательные по наружности своей плоды, заключая в себе сокровенный яд», спровоцировали то «бешенство и неистовство, в которых только Франция могла дать примеры, в летописях мира изображенные кровавыми чертами» (курсив авторский) [6, с. 126]. Пнин убеждён, что если бы творцы этой Конституции с большим вниманием обратились к истории, то увидели бы, что «*вольность*, сей обоготворяемый ими кумир, есть не что иное, как призрак воспалённого их воображения и которая никогда не была уделом человека, в каком бы состоянии он ни находился», поскольку в естественном состоянии человек «совершенно зависит от естественных своих нужд, а во втором от общественных законов» (курсив авторский) [6, с. 126]. Тем самым автор демонстрирует, что из первых двух оснований Конституции существование вольности

в обществе немислимо и неизбежно приведет к его краху, и только порядок, обеспечиваемый законом способен общество оберегать. Можно ли объяснять такую позицию консервативным направлением мысли? Нет, скорее это обусловлено желанием избежать повторения судьбы Франции для своего отечества, а также скептицизмом по отношению к результату революции, который Пнин сводит к авторитаризму Наполеона. Он выражает озадаченность исходом революции, недоумевая, неужели она «...предпринята была для Бонапарте, чтобы возвести его на Бурбонский престол, поднести ему титул императора и вручить гораздо большую власть, нежели какою пользовались короли французские. Согласен я, что Франция ничего не упустила сделать для славы первого консула; что ж сделала она для собственной своей славы, того я не вижу» [6, с. 124].

И, наконец, Пнин критикует принципы «равенства, стоящего [французам] столько крови и уничтожающего всякое право собственности» (курсив авторский) [6, с. 127]. Пнин, являясь свидетелем бедствий якобинской диктатуры и попытки введения Конституции 1793 г., гарантировавшей широкие права и свободы, которая, так или иначе, привела к ситуации «возвращения» авторитаризма в лице Наполеона, констатирует историческую неудачу: «... сколь ни великолепны права, из которых составлена была революционная конституция Франции, опыт подтвердил, что никто в сущности не пользовался оными, сколь основание сие легко было оное ниспровергнуть, ибо жребий их отечества находится уже в руках иноземца» [6, с. 124–128].

Отвергая принципы этой конституции, Пнин предлагает альтернативу: «призрак вольности и равенства, за которым гонялись французы, исчез, и наконец ясно, что все состояния от земледельца до монарха необходимо нужны, поелику каждое из них есть звено, государственную цепь составляющее» [6, с. 127–128]. Таким образом прослеживается мотивация Пнина в пользу сохранения принципа сословности. Тем не менее, это не являлось

признанием ценности неравноправия как исторически сложившегося порядка, и утверждать при этом об ограниченности предрассудками или о пребывании Пнина на консервативных позициях, мы убеждены, оснований нет. Прежде всего, пример Франции в отношении «неработающего положения о равенстве» понадобился Пнину для его концепции, как говорилось выше, с целью обосновать сохранение сословности в образовательном процессе, что между тем учитывало российские реалии. Необходимо также отметить, что Пнин нигде не настаивал на классовой замкнутости, напротив, его программа изменения механизма усыновления незаконнорожденных детей, изложенная в произведении «Вопль невинности, отвергаемой законами» (1802), предоставляла свободу бастардам избрать себе состояние [1, с. 15]. Во-вторых, Пнин всё-таки высказывался «за» равенство: «Права граждан, без сомнения, должны быть все равны, но преимущества их не могут быть одинаковы» (курсив авторский) [6, с. 145]. Здесь Пнин говорит не о превосходствах одного сословия над другим, а о своеобразных знаках отличия в каждом классе для особо деятельных его представителей, о чем свидетельствует следующая его фраза в этом же абзаце: «Когда отличий, существующих в купеческом звании, не довольно, в таком случае законодатель может учредить еще другие, оному соответствующие» [6, с. 145]. Впрочем, не в титулах состоят истинные достоинства, «но в честности и бескорыстии, без коих никакие титулы не защитят от бесславия и презрения» [6, с. 152].

З. А. Каменский предположил, что Пнин, осуждая Французскую революцию, обрушивался с критикой именно на те идеи, которые разделял сам, приходя к выводу, что это не что иное, как софизм [4, с. 44–45]. Каменский считал, что Пнин умышленно это делал с целью «обосновывать свою антиреволюционность и антиреспубликанизм, свои идеалы мирного преобразования общества и конституционного монархизма» [4, с. 44–45].

Итак, для Пнина революционный опыт Франции имел значение крайне неудачного социального эксперимента.

П. В. Белоус

Отсюда рождалось представление о реформах «сверху» как альтернативной тактике насильственного переворота, что станет характерной чертой русской либеральной общественно-политической мысли последующих эпох. Во взглядах Пнина на российскую действительность выявляется его приверженность идеям правового равенства, освобождения крестьян и дарования им прав собственности, законодательного их закрепления, но убежденность в возможности их реализации мирным путём формируется на фоне опыта Французской революции.

Список источников и литературы

1. Иванова А. А. Просветитель И. П. Пнин о правовом статусе незаконнорожденных детей в Российской империи // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. — 2017. — № 2. — С. 10–18.
2. Итенберг Б. С. Россия и Великая французская революция. — М.: Мысль, 1988. — 253 с.
3. Каганова А. Французская революция конца XVIII века и современная ей русская пресса // Вопросы истории. — 1947. — №7. С. 87–94. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dlib-eastview-com.ezproxy.usr.shpl.ru/browse/doc/7159093> (дата обращения 10.10.2018).
4. Каменский З. А. Философские идеи русского просвещения. — М.: Мысль, 1971. — 396 с.
5. Орлов В. Н. Русские просветители 1790–1800-х годов. — Л.: Гослитиздат, 1950. — 477 с.
6. Пнин И. П. Сочинения // Классики революционной мысли домарксистского периода: Иван Пнин / [Под общ. ред. И. А. Теодоровича]. — М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. — 312 с.
7. Филиппов А. Н. И. П. Пнин и его непропущенный цензурой «Опыт о просвещении относительно к России» // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. — Л., 1929. — Т. 2, Кн. 2. — С. 493–527.

ОЧЕРК ВОСПРИЯТИЯ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА УЧАСТНИКАМИ ПОМЕСТНОГО СОБОРА 1917–1918 ГГ.

Великая российская революция 1917 г. явилась переломным моментом отечественной и мировой истории. Полярность высказываний духовенства по отношению к первому ее этапу — Февральской революции¹ — сменилась на единогласное мнение и стройный аккорд применительно к Октябрю, звучавший в «хоре» Русской Церкви мощно, выразивший позицию ярко, авторитетно и понимающе, хотя не всегда успевающий за головокружительным калейдоскопом сменяющих друг друга событий. В данной статье мы коснемся восприятия членами Поместного Собора октябрьских событий в Москве.

В конце октября делегат от Тобольской епархии на Поместный Собор, священник Павел Александров, писал о постоянном грохоте пушек и происходивших перестрелках. На протяжении двух дней тобольский епископ Гермоген не мог прибыть на заседания Собора, т. к. путь преграждала «линия фронта» — перестрелка борющихся сторон. «Кто берет верх? Кто бьет? Кого бьют? — положительно никто не знает» — писал священник 29 октября 1917 г. После шести дней жизни под снарядами очевидцы сообщили участникам Собора о повреждениях Чудова монастыря в Кремле. При этом шли потрясающие их воображение рассказы об ужасах и крови, проливавшейся в Москве: «Все ждали погрома... Я лично потерял способ-

¹ Об отношении духовенства Русской православной церкви к Февральской революции и его динамике на протяжении 1917 г. (См.: Belous P. V. Tobolsk diocese clergy attitude to the February revolution of 1917 in Russia // Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 1st International Academic Conference, 27–28 October 2012. — St. Louis: Publishing House «Science & Innovation Center», 2012. — P. 377–384).

ность писать» [1, с. 639] — некоторые члены Собора были деморализованы происходившими событиями. В результате услышанного и пережитого в среде духовенства Тобольской епархии приход новой власти был воспринят вполне однозначно²: она привела страну к «самоу разнузданному произволу и глумящейся безнаказанности» [2, с. 661].

Прошла всего неделя от захвата большевиками власти в Петрограде до начала репрессий по отношению к священнослужителям. 31 октября 1917 г. в Царском селе красногвардейцами был жестоко убит протоиерей Иоанн Кочуров³. Это событие считается начальной точкой отсчета большевистского террора против церкви [3, с. 85]. С точки зрения отцов Собора, захватывая власть, большевики не посчитали преступлением расстреливать древнейшие святыни и шедевры архитектуры, такие как соборы Московского Кремля и храм Василия Блаженного, а лишь несколькими днями позже — убивать священнослужителей. В связи с чем с первых дней пребывания новой власти у руля государственного корабля ее «религиозный курс» был достаточно однозначно воспринят иерархами и духовенством РПЦ. Дальнейшие события и все увеличивающееся количество «жертв анархии» только укрепили уверенность духовенства в характере отношения власти к духовенству⁴.

² Если отречение императора и приход Временного правительства вызвали разногласия среди духовенства по вопросам предпочтительного государственного устройства страны, то по мере приближения ко второму этапу российской революции все взгляды все более сближались к общей позиции разочарования.

³ Ф. Раскольников в своих мемуарах ни словом не обмолвился об этом происшествии, хотя подробно описывал происходившие в Царском селе события этих дней (См.: Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. — М.: Издательство политической литературы, 1990. — С. 248–252).

⁴ К примеру, продолжались убийства как рядовых священников, так и архиереев РПЦ, ограбление монастырей и епархий (ущерб Симферопольской епархии от действий большевиков составил 1 млн. руб.) (См. подробнее: Тобольские епархиальные ведомости. — 1918. — № 5. — С. 49).

В связи с происходившими в Москве беспорядками, 7 ноября, после решения первоочередного вопроса о патриаршестве и через день после избрания на патриарший первосвятительский престол святейшего Тихона (Белавина), члены Собора, опасаясь за свои жизни, стали разъезжаться целыми епархиальными делегациями [1, с. 644]. Вслед за избранием самого патриарха, большевики учинили у него обыск, что явилось унижением не только первосвятителя, но и оскорблением религиозных чувств верующих. Все указанные выше события позволили Тобольскому епископу Гермогену (Долганову) определенно обозначить свое отношение к большевикам как «полное неприятие советской власти» [1, с. 644].

8 ноября 1917 г. Поместный Собор выработал обращение к Совету народных комиссаров РСФСР, всем политическим партиям и «всему вооруженному населению России» с призывом не проливать кровь невинных и обуздывать упивающихся «братоубийственной победой» [3, с. 89]. Позиция РПЦ с самого начала гражданского противостояния характеризовалась твердой позицией отстаивания своих святынь с одновременными призывами к миру; позиция также содержала критику. Известные слова патриарха Тихона из его воззвания от 19 января 1918 г. — «Властью, данной Нам от Бога <...> анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские...» — обычно проводятся в литературе как анафематствующие большевиков [4, с. 82–84]. Однако вопрос не столь однозначен: в «Воззвании» не указывалось ни на партию большевиков, ни на конкретные имена. В послании был указан ряд действий, за которые следовала церковная анафема. Это репрессии против невинных людей, секуляризация школ и церковных земель; насильственные действия над людьми и, наконец, разрушения православных храмов и кощунственные действия над православными святынями церкви [5, с. 45–49].

Эти обвинения, несомненно, касались большевиков. Но патриарх осмысливал ситуацию шире: известно, что разрушали храмы и совершали кощунства не только

представители революционных партий⁵. Анафема патриарха относилась в том числе к формально православным, партийным и непартийным русским людям, вовлеченным в распространявшуюся антиклерикальную политику [6, с. 123]. 22 января 1918 г. послание патриарха было принято Поместным Собором как официальный документ — таким образом, Собор от имени РПЦ дал конкретную оценку происходившим в стране событиям. При этом в «Воззвании» отсутствует призыв к вооруженному сопротивлению большевикам. Церковь не стала вести политическую борьбу и не приняла знамен какой-либо из противоборствующих сторон. Усилия Патриархии были направлены на стабилизацию ситуации и прекращение партийных и социальных раздоров в разгоравшейся Гражданской войне⁶. Несмотря на это, Советской властью послание было воспринято как контрреволюционное [7, с. 73].

Протоиерей Философ Орнатский, убитый большевиками в августе 1918 г. вместе с сыновьями [8, с. 7–24], на заседании Поместного Собора 24 января 1918 г. назвал новую власть «захватчиками» [9, с. 57]. «Пора сказать, что разбойники взяли власть и управляют нами» [9, с. 60] — эти слова были вызваны рядом фактов об осквернении храмов и святынь: большевики громили храмы, заходили в них в шапках и с ружьями, плевали на пол, ставили окурки в подсвечники [9, с. 57–58]; в Дворцовой церкви устроили кинематограф, духовенство изгонялось из принадлежащих церкви зданий и помещений. Таким образом, отношение членов Собора к власти было обу-

⁵ Достаточно вспомнить известный случай, описанный генералом А. И. Деникиным применительно ко времени после Февральской революции о храме, из которого солдаты сделали казармы, в алтаре устроив отхожее место (См.: Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. — Т. 1: Крушение власти и армии, февраль — сентябрь 1917 г.: [в 2-х вып.]. — Париж: Я. Поволоцкий, 1921. — Вып. 1. — 184 с.).

⁶ Хотя о наступающей Гражданской войне князь Е. Н. Трубецкой говорил еще 24 августа 1917 г. Впрочем, ряд историков относят начало Гражданской войны к 2 марта 1917 г. (См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. — М., 1918. — Кн. 1, вып. 1. — С. 247.).

словлено почти исключительно церковной (или — антицерковной) политикой большевиков, их отношением к храмам, святыням и самому духовенству.

Современниками указывалось, что власть «красной» партии не признана ни российским обществом, ни союзными державами, т. е. было им отказано в легитимности. При этом политика РСДРП(б) была настолько далекой от известных в Европе и России идей социализма, что было выдвинуто предположение о тайной конспиративной монархической организации, которая под видом социалистической партии поставила своей целью дискредитировать социализм в глазах европейского населения и остановить его продвижение и развитие [10, с. 32].

Помимо реакции на отношение большевиков к храмам и указания на формально-юридическое отсутствие легитимности, духовенство осмысливало происходящее «*sub specie aeternitatis*» («с точки зрения вечности»). По мысли протоирея Иоанна Восторгова, известного проповедника и деятеля монархического движения, в российском обществе случилось фатальное потемнение народного разума, когда элементарные истины утратили свою ясность. Большевики обещали людям счастье без Бога, агитировали народ против Бога, Церкви и любой законной власти [11, с. 501–502]. Но никакое истинное учение не может позиционировать себя как противника всего святого и духовного⁷. Образованное духовенство имело представление об учении социализма и знало, что картины счастливого будущего рисовались в различных «стилях» приверженцами всеобщего «равенства» и «справедливости». Но в одном они, согласно мнению протоирея И. Восторгова, сходились все: в новом государстве не будет места для веры и церкви, будет забыта душа человека и, соответственно, исчезнет всякая свойственная христианскому сознанию мысль о загробной жизни [11, с. 499–502].

⁷ Социализм же по самой своей сути является материалистическим и атеистическим — говорилось в семинарском курсе «Обличение социализма» (Цит. по: Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890–1918 гг.). — М., 2002. — С. 486.).

В схожем ключе свою точку зрения излагает известный деятель Поместного Собора, епископ Илларион (Троицкий), утверждавший: несогласное со словом Божиим и церковными канонами не может быть хорошим. Однако не только среди социалистических партий, но в целом в современном обществе согласие с мнением церкви считалось признаком дурного тона и отсталости, а противоречие было «прогрессивно», «либерально», «революционно» [12, с. 159–160] — указывал епископ. Разумеется, подобный максимализм являлся упрощением ситуации, но подобное мнение было разделяемо множеством людей того времени.

По мнению современных исследователей, ситуация усугублялась «бессознательным социализмом» народных масс и, как следствие, нигилистическим отношением к традициям, в т. ч. религиозным [13, с. 486]. С точки зрения церкви, пришедшие в октябре к власти большевики не просто разрушали экономику, культуру и государственность России (духовенство не вмешивалось в политику, но излагала свое мнение по ряду позиций) — они разрушали саму душу народа, уничтожая веками формировавшиеся мировоззренческие ценности [8, с. 125]. Член Поместного Собора Д. А. Несмеянов говорил применительно к ноябрю 1917 г.: «гибнут в глазах людей вековые ценности духа» и «теряет значение все великое и святое» [14, с. 153]. В целом, это происходило согласно самой революционной концепции: прежде чем строить новый мир, старый необходимо было разрушить.

Следует отметить, что не все представители духовенства были критичны по отношению к новой власти и происшедшему Октябрьскому перевороту. Набиравшее силу движение обновленчества в лице представителей т. н. «прогрессивного» петроградского духовенства выступало за изменение церковной политики и уступчивое примирение с новым правительством: «Кто хочет вести борьбу за права духовенства, тот должен не отвергать революции, не отталкивать, не анафематствовать, а просветлять, одухотворять, претворять ее» [7, с. 75, 76].

Сказанные слова ставили сторонников новых взглядов в оппозицию к политике и мнению патриарха Тихона, а также множества белого и черного духовенства того времени и членов Собора в целом. К «Декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви» отношение группы прогрессистов было в целом положительное, т. к. документ, по их мнению, ускорял дело внутреннего церковного освобождения, хотя с рядом его положений и выражалось несогласие. Эта группа оказалась на Соборе в явном меньшинстве, ввиду чего замыслила переворот и отделение от РПЦ. Впрочем, переворота во время проведения Собора не произошло, т. к. его сторонников оказалось крайне мало.

На Поместном Соборе, ввиду ужесточающихся для Церкви условий и по факту издания Декрета от 20 января (2 февраля) 1918 г. была составлена «Молитва о спасении Церкви Православной». В молитве обрушившиеся на Россию «раздоры, нестроения <... > убийства и кровопролития» традиционной для России летописной формулировкой «годиной гнева Божия», были названы праведным судом, постигшим страну [5, с. 32]. Отношение государственной власти к церкви было охарактеризовано как «лютее гонение», разрушение церковных уставов, попираание Закона Божьего, оскорбление и изгнание священнослужителей и активных мирян. Противники церкви названы «врагами, губящими отечество». При этом, что примечательно, “*dum spiro spero*” не оставалась надежда на их вразумление и даже приобщение к Церкви; в евангельском духе молитва содержала прошение о милости к врагам: «не ведут бо, что творят» [15, с. 115].

Отцами Собора констатировался тупик течения российской истории. Несмотря на сохранение надежды на покаяние и прекращение начавшихся террора и репрессий, несмотря на осознание времени как суда Божия за грехи общества, духовенство констатировало: вместо равноправия, счастья и благоденствия, декларируемых социалистами, народ столкнулся с террором, сломанным

ми судьбами и погранными святынями; современники говорили о всеобщем материальном, нравственном и физическом упадке.

Для российского духовенства большевизм стал синонимом деспотизма и насилия. Современники отмечали, что, привлекая ранее демократическими лозунгами своих сторонников, социализм постепенно терял «кредит доверия» у ряда слоев общества, преимущественно среди буржуазии и «трудовой интеллигенции». С точки же зрения РПЦ коммунизм являлся практически синонимичным атеизму [13, с. 486].

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. ознаменовал принципиально новый этап во взаимоотношениях церкви и государства. Если в царское время церковь находилась под опекой самодержавия, а в период Временного правительства пользовалась полученными свободами, то период после Октября стал для российского православия принципиально отличным от всего, что знала ранее история церкви в России.

После недолгой власти Временного правительства следующий этап церковно-государственных отношений увидел стремление к осуществлению полного контроля над церковью со стороны партии большевиков с последующим вытеснением религии на периферию государственной и общественной жизни. От властей необходимо было понимание специфики церковно-государственных отношений, от церкви — реалий времени и того, что именно являет собой коммунистическая партия. Однако вместо этого быстро возникает конфликт между церковью и новой государственной властью, углубляющийся бесконтрольными действиями анархически настроенных масс (отметим, что не все грабежи и погромы совершались именно большевиками) [16, с. 11]. Соединение анархических выступлений и убийств с целенаправленной политикой борьбы новой власти против церкви, грабежи и разрушения храмов, аресты и убийства священнослужителей в первые дни пребывания новой власти у руля государственного корабля сводили на нет возмож-

ность принятия отцами и членами Поместного Собора Православной Российской Церкви коммунистической идеологии и большевистской власти.

Список источников и литературы

1. Письма из Москвы // Тобольские епархиальные ведомости. — 1917. — № 45.
2. Тобольские епархиальные ведомости. — 1917. — № 47/48.
3. Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. Русская Православная Церковь. XX век. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. — 802 с.
4. Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. — М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. — 1062 с.
5. «В годину гнева Божия...»: Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / Сост., автор вступ. ст. Н. А. Кривошеева. — М., 2009. — 296 с.
6. Митрофанов Г. Трагедия России: «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике. — СПб., 2009. — 240 с.
7. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М.: Вече, 2010. — 480 с.
8. Митрофанов Г. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. — М.: Арета, 2011. — 272 с.
9. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. — М., 1918. — Кн. 6, деяния 66/87. — 145 с.
10. Тобольские епархиальные ведомости. — 1918. — № 3.
11. Восторгов И. Полное собрание сочинений: в 5 т. — СПб., 1995. — Т. 2: 1901–1905. — 540 с.
12. Иларион (Троицкий). Творения: в 3 т. — М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. — Т. 3. — 604 с.
13. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). — М., 2002. — 624 с.
14. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. — М., 1918. — Кн. 3, деяния 31/40. — С. 230–259.
15. Тобольские епархиальные ведомости. — 1918. — № 7/8.
16. Шапов Я. Н. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы / Библейско-Богословского института св. апостола Андрея. — М., 1996. — 356 с.

Б. М. Кондорский

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ КАК СТРАНЕ ТРЕТЬЕЙ ГЕНЕРАЦИИ В РАМКАХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Несмотря на достаточное внимание со стороны советских историков в 50–70-е гг. XX в. к изучению характера капитализма в царской России в конце XIX — начале XX вв. [2], данный вопрос по-прежнему носит проблемный характер. И самое главное — оценка нынешнего состояния «капиталистической» экономики России и возможных путей дальнейшего развития связана с вышеуказанной проблемой самым тесным образом.

Здесь мы исходим из системности процесса исторического развития. Каждый его этап можно рассматривать как систему, развернутую во времени. Это же относится и к эпохе революций Нового времени.

Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране составляют революционный период (РП) как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции следует рассматривать как проявление процессов в рамках РП, который заканчивается тогда, когда в обществе создаются условия исключающие возможность каких-либо революционных событий [11, 12, 13].

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: стран первой генерации (СПГ), стран второй генерации (СВГ) и стран третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Англию, США, Францию, т. е. государства, где РП начался ранее всего. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции — Третьей республикой, в США — с окончанием гражданской войны. В большинстве европейских государств и Японии (как СВГ) РП начался в середине XIX в. и закончился после Вто-

рой мировой войны. В СТГ — России, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских странах РП ограничился рамками XX в. В арабских странах РП начался только после Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в.

В РП все политические режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры. Попытки либерализации власти в РП как правило способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в России после Февральской революции, в Испании в 30-е годы.

В СТГ не было промышленных революций — им характерна индустриализация под непосредственным руководством государства. Это было характерно, в той или иной степени, для всех СТГ, где капитализм отсутствовал как система. Был капиталистический уклад. Уклад — это структура, которая в отличие от системы не имеет потенциала развития. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и политической сфере. Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала политику СТГ к чужим интересам.

В России капитализм не имел своих корней, так же как и в других СТГ. Здесь можно говорить о «русском» капитализме, имеющем ряд особенностей, заметно отличающих его от капитализма западного типа. В СТГ цивилизационный фактор играл намного большую роль, чем в западных странах (СПГ и СВГ). Для российской цивилизации были характерны коллективизм, общинность, приоритет духовных ценностей над материальными богатствами, принципы социальной справедливости. [17, с. 29]. Цивилизационные различия

отталкивали основную массу населения от капиталистических общественных отношений. Общинная этика отвергала протестантскую.

Для России была характерна исключительная роль государства в промышленной сфере, политика насаждения капитализма сверху. Правительство в лице С. Ю. Витте стремилось максимально подчинить своему ведению сферу частной хозяйственной деятельности [7, с. 470]. К тому же Витте главную ставку делал на привлечение иностранного капитала, считая, что Россия это не Китай и иностранный капитал никогда не вытеснит национальный [4, с. 19]. Важную роль играли казенные заказы, которые ставили частного владельца в зависимость от государства [17, с. 26].

Капитализм в России (также как и других СТГ) существовал в виде уклада, а не системы. Основу капитализма составляет не рынок товаров, а рынок капитала. Для появления капиталистической системы необходима определенная критическая масса капитала — чтобы в дальнейшем пошла самостоятельная «цепная реакция». В России этого не было. Капитал лишь одной американской «Юнайтед Стил корпорейшен» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России [19, с. 19]. Русские помещики, получившие после реформы 1861 г. около 10 млрд. выкупных платежей [10, с. 57], в отличие от японских не вложили их в развитие экономики, а просто «проели».

Иностранцы рассматривали экспорт капитала в Россию как форму финансирования национальной промышленности, который в конечном итоге шел на покупку их товаров [7, с. 159]. Только в 1881–1900 гг. Россия выплатила по процентам 2, 5 млрд., что в 1, 5 раза превышало приток иностранного капитала [20, с. 97–98]. Следует также обратить внимание на то, что в акции отечественных и иностранных обществ была вложена всего лишь пятая часть иностранных инвестиций [3, с. 34]. Доля России в общемировой задолженности составляла 31% [6, с. 172].

Перед Первой мировой войной структура действующих отраслей промышленности, по сравнению с той же Германией, носила, по существу, архаический характер. Очень слабо были развиты такие отрасли как станкостроительная, электротехническая, химическая, фармацевтическая, оптическая. Имелись только зачатки автомобилестроения и авиастроения. То же самое относится к структуре экспорта. Половину экспорта составляли зерновые, затем шел лес, лен, продукты животноводства [3, с. 32]. Кардинальные различия между Россией и западными странами касались уровня добавленной стоимости. Стоимость производимой продукции в США на душу населения превышала таковую в России почти в 20 раз [15, с. 484].

На Францию приходилось 80% всего внешнего долга царской России. Экономическая зависимость неизбежно приводила к зависимости политической. Рост финансовой зависимости царизма привел к тому, что Россия во франко-русском союзе превратилась из равноправного партнера в зависимого сателлита [1, с. 59–68]. Зависимость от иностранного капитала предполагала внешние обязательства. Западные державы стремились использовать Россию в своих интересах, втягивая в военные союзы для борьбы со своими соперниками на мировой арене [17, с. 28].

Здесь мы сталкиваемся с закономерностью, характерной для РП. Только государства, где уже закончился РП, могли стать полноправными субъектами геополитического пространства. В этот период Франция (также как и Англия, США) уже была субъектом, а Россия лишь объектом геополитического пространства, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Всероссийский торговый рынок и капиталистический рынок, как сфера действия соответствующих законов, находились как бы в разных плоскостях. И первое не могло быть причиной появления второго. Между простым товарным рынком и рынком капиталистическим существуют кардинальные различия [9, с. 43]. Первый

формируется путем интеграции региональных рынков и связан с обращением товаров вне зависимости от способа производства. Капиталистический рынок следует рассматривать как своеобразную экономическую систему, имеющую свои обязывающие законы, как политэкономическую категорию, как рынок, в первую очередь, капиталов.

Здесь нужно четко отличать торговый или купеческий капитал от капиталистического финансового. Нужно различать простую торговую прибыль и капиталистическую прибыль, которая при нормальном капитализме имеет весьма ограниченные размеры. Для существования торгового капитала «не требуется никаких других условий, кроме тех, которые необходимы для простого товарного и денежного обращения» [14, с. 357]. Здесь мы опять хотели бы обратить внимание на очень важный момент — простое товарное производство и капиталистическое производство базируются на разных принципах. Появление развитого товарного рынка еще не означает появление развитого капитализма.

Характер социального сознания русской буржуазии имел специфику, отличающую ее от буржуазии западных стран. Здесь быстрее можно говорить о предпринимателях, чем о капиталистах (что не одно и то же). Те же купцы еще в дореформенный период занимались предпринимательской деятельностью. Полноценный капиталист появляется только в рамках капиталистической системы, а не уклада. В России отсутствовала революционная буржуазия в западноевропейском понимании.

Если в промышленной сфере можно говорить о появлении капитализма в России (только в форме уклада, а не системы), то в отношении сельскохозяйственной сферы и крестьянства подобного рода утверждение носит не совсем корректный характер. Посмотрим определение кулака, которого многие исследователи пытались представить чуть ли не в качестве фермера-капиталиста. Кулаками следует считать тех, кто вел предпринимательское, капиталистическое хозяйство, эксплуатируя

других крестьян либо как наемных рабочих (батраков), либо путем ростовщических операций [7, с. 289].

Рассмотрим теперь данные положения с политэкономической точки зрения. Кулак был предпринимателем, но не капиталистом и даже не буржуа. Характер его сознания мало чем отличался от такового у обычного крестьянина-общинника. Эксплуатация батрака носила не столько экономический, сколько социальный характер. При собственно капитализме сельскохозяйственный рабочий (имеющий пролетарское сознание) заключает договор с нанимателем на основе законов капиталистического производства, облеченных в соответствующую юридическую форму. Батрак (особенно если это касалось кулака своей деревни) заключал «договор» на основе социальных, традиционных законов. И часто, в случае возникновения каких-либо недоразумений, судьей выступала сама община.

Сознание русского крестьянина воспринимало землю как Божью, ничью [8, с. 60]. Отсюда — полное неприятие частной собственности на землю, требование отменить ее продажу. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатства [16, с. 670]. Землю считали общим достоянием тех, кто ее обрабатывает.

Попытка П. А. Столыпина разрушить крестьянскую общину в конечном итоге закончилась провалом. В значительной степени это объяснялось тем, что ее сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню. В итоге политика Столыпина — по разным причинам — не смогла устроить ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя [18, с. 135]. Крестьяне-буржуа, которых мы видим в фильме «Соломенная шляпка», так и не появились.

Что касается капиталистических монополий. Любая монополия имеет две составляющих — корпоративную, когда интересы ее участников носят социальный характер и подчинены сознанию и собственно капиталистическую — в рамках экономической системы, законы кото-

рой носят уже объективный, независимый от сознания характер. В России наблюдалось явное доминирование корпоративной составляющей монополий. Основной целью появления подобного рода объединений было поддержание монопольных цен.

Экономическая политика царского правительства в период империализма не трансформировалась в политику монополистического капитала [5, с. 88]. Правительство поддерживало первые монополии, так как они имели отношение к железнодорожному строительству. В 90-е гг. XIX в. железнодорожное строительство использовалось правительством для форсирования развития машиностроения и металлургии на юге страны. Правительство искусственно поддерживало заводы при неполной загрузке мощностей. В период промышленного подъема казенные заказы становятся средством давления с целью снижения цен, т. е. в 90-е гг. XX в. правительство начинает проводить антимонопольную политику. В период последующего кризиса вновь реанимируется поддержка пошатнувшихся и обанкротившихся крупных предприятий, банков и их объединений. Отношения правительства с монополиями носило ситуативный характер, то оказывая поддержку, то дистанцируясь от них [5, с. 100–101].

В России, также как и в других СТГ, РП закончился в 90-е гг. XX в. Так как в России РП пришелся в основном на годы Советской власти, сформировался «советский» базис политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. К тому же его невозможно изменить волевым путем, не разрушив при этом государства. В Китае это поняли еще в 80–90-е гг. XIX в., что и обусловило успешное развитие этой страны. В то же время игнорирование «советского» типа базиса на Украине привело к перманентному кризису уже в течение четверти века. Предпринимаемые в настоящее время попытки волевым способом его кардинально изменить, в конечном итоге могут привести к полному развалу государства.

Как уже говорилось выше, СТГ, включая Россию, имеют свои особенности в рамках политической и экономической систем, которые заметно отличаются от таковых в СПГ и СВГ (западных государствах). Все те проблемы, которые испытывает Россия в течение последних 25 лет, в первую очередь связаны с попытками строить экономику по западным лекалам. Здесь следует еще раз напомнить, что в России как СТГ не было, нет и не может быть капитализма западного типа. В рамках мировой системы СТГ чувствуют себя, в определенной степени «инородными телами». Поэтому этим государствам во внешней политике нужно сосредоточиться на создании собственного пространства — политического, экономического, финансового.

Список источников и литературы

1. Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны: отношения России и Франции в 1912–1914 гг. — М.: Изд-во МГУ, 1961. — 208 с.
2. Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. — М.: Наука, 1988. — 155 с.
3. Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2001. — 320 с.
4. Верт Н. История Советского государства. — М.: Весь Мир, 2006. — 560 с.
5. Гиндин И. Ф. Политика царского правительства в отношении промышленных монополий // Об особенностях империализма в России. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 86–123.
6. Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. — М.: КомКнига, 2005. — 320 с.
7. История России XIX — начала XX в. / Ред. В. А. Федоров. — М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. — 752 с.
8. Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. — Саратов: Изд-во Саратов. ГУ, 1990. — 146 с.
9. Ковальченко И. Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР. — 1973. — № 2. — С. 42–74.
10. Ковальченко И. Д. Столыпинская реформа // История СССР. — 1991. — № 1. — С. 52–72.
11. Кондорский Б. М. Использование концепции революционно-го периода для анализа важнейших политических явлений и собы-

тий // Политическая наука перед вызовами современной политики: VII Всероссийский конгресс политологов. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 289–290.

12. Кондорский Б. М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. — М.: ИВ РАН, 2015. — Т. 46, Ч. 1. — С. 134–150.

13. Кондорский Б. М. Попытка классификации революций на основе концепции революционного периода // Русская революция и современный мир: Всерос. науч. конф., 22–23 апреля 2017 г., г. Нижний Новгород. — Н. Новгород, 2017. — Ч. 1. — С. 44–49.

14. Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. — Госполитиздат, 1961. — Т. 25, Ч. 1. — 545 с.

15. Менделеев Д. И. К познанию России. Сочинения: в 25 т. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 21. — 628 с.

16. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века. — М.: Новый хронограф, 2010. — 911 с.

17. Олыштинский Л. И. Советское общество. История строительства социализма в России. — М.: ИТРК, 2014. — Кн. 1. — 184 с.

18. Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. — М.: РОССПЭН, 1996. — 240 с.

19. Уткин А. И. Первая мировая война. — М.: Алгоритм, 2001. — 592 с.

20. Gregory P. R. Russian national income. 1885–1913. — Cambridge, 1982. — 359 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

А. А. Непомнящий

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЛЬЯ БЕРЕЗИН

Крымские сюжеты творчества профессора Казанского и Санкт-Петербургского университетов И. Н. Березина (1819–1896)¹ до последнего времени оставались малоизвестными. Вместе с тем, уделив основное внимание изучению казанских татар, их языку, фольклору и истории, историческим источникам, раскрывающим прошлое Востока, И. Н. Березин не мог обойти стороной историко-этнографические сюжеты, связанные с крымскими татарами. Об этом свидетельствует опубликованное научное наследие востоко-

¹ В научной литературе, посвященной характеристике научного наследия ученого, практически полностью обойден вниманием крымоведческий аспект его исследований. (См.: Владимирцов Б. И. Н. Березин — монголист // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. — Ленинград, 1925. — Т. 1. — С. 192–194; Дмитриев Н. К. Труды русских ученых в области тюркологии // Ученые записки Московского гос. ун-та. — Москва, 1946. — Вып. 107: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. — Т. 3, кн. 2. — С. 64; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / Ред. колл. А. А. Вигасин и др. — Москва: Восточная лит-ра, 1997. — С. 8, 37–38; Крачковский И. Ю. Мелочи для характеристики И. Н. Березина // Записки Коллегии востоковедов при Азиатской музее Российской Академии наук. — Ленинград, 1925. — Т. 1. — С. 177–191; То же // Академик Игнатий Юлианович Крачковский: Избранные сочинения. — Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 5. — С. 215–228; Ольденбург С. И. Н. Березин, как путешественник и исследователь иранских наречий // Записки Коллегии востоковедов при Азиатской музее Российской Академии наук. — Ленинград, 1925. — Т. 1. — С. 173–176.).

*Илья Николаевич
Березин (1819–1896)*

веда и рукописное собрание, составившее его личный архивный фонд².

Илья Николаевич Березин родился 19 июня 1819 г. в поселке при Юго-Камском заводе Пермской губернии. Отец его был заводским чиновником, а мать — из родовитой украинской семьи. Общение с детских лет с представителями финно-тюрков, которые составляли половину населения этого края, развило в юноше интерес к восточным языкам. Начальное образование будущий ученый получил дома у «учителей из духовенства», затем — в Екатеринбургском уездном училище, где благодаря своим способностям попал под опеку смотрителя этого учебного заведения — Буявского. Он дополнительно занимался с Ильей Николаевичем русской и всеобщей историей, алгеброй и геометрией [1]. Благодаря покровительству ревизора местных училищ профессора Суровцева Илья Березин был перевезен в Пермскую гимназию на казенное содержание. При скудности учебной литературы по языкознанию, в условиях глухой провинции юноша сумел в совершенстве овладеть не только восточными, но и европейскими языками. По окончании гимназического курса Илья Николаевич поступил в Казанский университет на отделение восточно-мусульманских языков. Научным наставником И. Н. Березина в университете стал основатель Казанской школы тюркологов Александр Касимович Казем-Бек³. А. К. Казем-Бек еще в

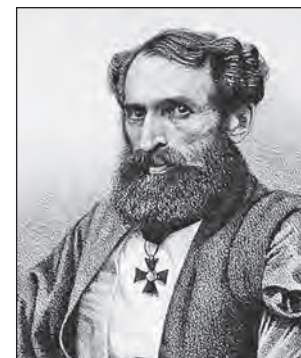
² Фонд насчитывает 40 единиц хранения, которые отхватывают период 50–90-х гг. XIX в. (См.: ПФИВРАН. Ф. 5. Оп. 1).

³ *Александр Касимович (Мухаммед-Али) Казем-Бек (Казембек)* (1802–1870) — историк-ориенталист, член-корреспондент Академии наук с 1835 г. 31 октября 1826 г. был зачислен в Казанский университет на должность лектора восточных языков. В 1828 г. лектура татарских языков была преобразована в кафедру турецко-татарского языка во главе с А. К. Казем-Бекем, который благодаря изданиям и изучению восточных источников по истории России приобрел широкую известность как в

студенческие годы И. Н. Березина сделал его своим личным секретарем, поручил ему свою переписку и исправление своих работ, писавшихся на русском языке [2].

В 1837 г. И. Н. Березин был выпущен из университета со степенью кандидата восточной словесности [3]. Делать первые шаги в этой области было, как вспоминал В. Д. Смирнов, учившийся у Березина, было «несколько страшновато ввиду новости дела и, так сказать, потомок, царивших в этой области» [4]. Ориенталисты 40–50-х гг. XIX в., когда и развернулась самостоятельная научная деятельность И. Н. Березина, не могли ограничиваться сугубо филологическими и лингвистическими задачами. Предметом их изучения стал Восток в целом, настоящее и прошлое народов этого региона. А это требовало рассмотрения вопросов, составляющих предмет исторической науки.

Способный выпускник по рекомендации А. К. Казем-Бека был оставлен при Казанском университете для подготовки к профессорскому званию. В начале февраля 1841 г. И. Н. Березина утверждали в степени магистра восточной словесности. Тема его диссертации, по обычаю

*Александр Касимович
Казем-Бек
(1802–1870)*

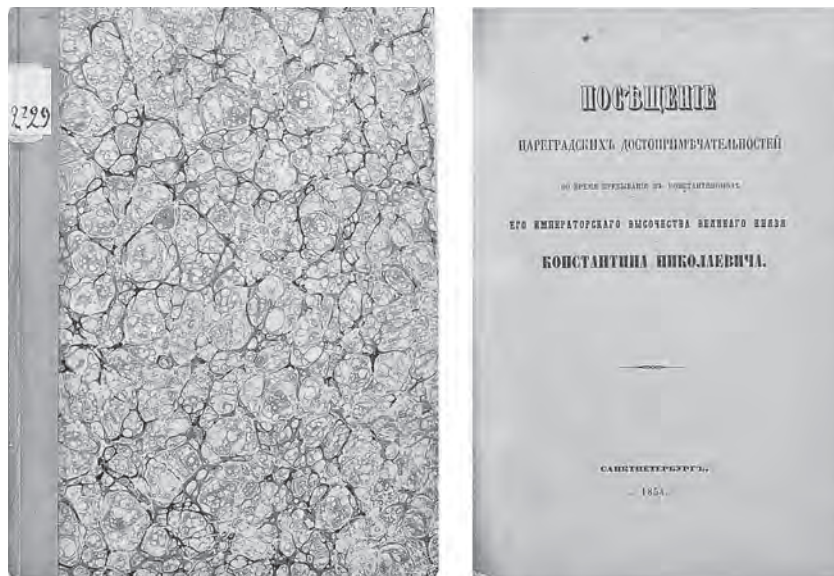
России, так и за границей. 14 января 1829 г. Королевское Азиатское общество в Лондоне избрало его своим действительным членом. С 1837 г. А. К. Казем-Бек — ординарный профессор Казанского университета. В 1845–1849 гг. — декан первого отделения Философского факультета этого прославленного вуза. (См. о нем: Асланов В. И. М. А. Казем-бек — языковед // Советская тюркология. — Баку, 1970. — № 6. — С. 62–69; Джани-заде Д. Х. Политико-правовые воззрения М. Казем-Бека: Автореф. дис... канд. юридич. наук / 12.00.01 — теория и история государства и права; история политических и правовых учений; Тбилисский гос. ун-т. — Тбилиси, 1988. — 28 с.; Рзаев А. К. Мухаммед Али Казем-Бек. — Москва: Наука, 1989. — 199 с. Очерк И. Н. Березина о своем наставнике: Березин И. Александр Касимович Казем-Бек // Протоколы заседания Совета имп. Санкт-Петербургского университета за первую половину 1870–71 академического года. — Санкт-Петербург, 1871. — С. 100–130.)

ям того времени оставшейся в рукописи, нигде не упоминается. Тогда же, 6 февраля, И. Н. Березин рекомендован в трехлетнее ученое путешествие по Востоку для усовершенствования языковых знаний. Программу ученой поездки для И. Н. Березина составил А. К. Казем-Бек [5]. Основное внимание в ней было уделено изучению трех основных языков мусульманского Востока (арабского, персидского и турецкого). Подобные научные экскурсии молодых ориенталистов являлись традиционными для российской высшей школы тех лет. Они служили серьезным подспорьем для проверки и закрепления теоретических знаний, изучения этнографических особенностей народов. Знаменательно, что в Россию молодой ученый вернулся через Крым, где много времени провел за осмотром местных древностей [6]. В личном архивном фонде ученого сохранились «Записки во время путешествия в

Константинополь, Палестину, Каир, Александрию» (автограф), которые содержат краткие, но эмоциональные комментарии от посещения полуострова [7].

После завершения в 1845 г. восточного путешествия И. Н. Березин выдержал особое испытание при Академии наук. 19 марта 1846 г. он был определен экстраординарным профессором по кафедре турецко-татарского языка Казанского университета. В этот период исследователь занимался изучением источников по истории тюрков. В 1846–1850 гг. И. Н. Березин составил «Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках Санкт-Петербурга» [8], создав тем самым первый в России опыт библиографии восточных рукописей. В это время частично публикуются и материалы его путешествия. С начала 50-х гг. XIX в. Илья Николаевич назначается редактором неофициальной части «Казанских губернских ведомостей». По мнению современников, именно в годы его руководства редакцией наступила «цветущая пора» этого официозного издания [9].

Знаменательное место в ряду научных трудов ученого составляет серия изданных им восточных текстов с переводами и примечаниями. Так, для крымоведения представляет интерес опубликованная И. Н. Березиным в 1851 г. в Казани работа «Тарханские ярлыки Тохтамышы, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирая, с введением, переписью, переводом и примечаниями». Первым их проанализировал и опубликовал В. В. Григорьев⁴. Илья Николаевич предложил свою интерпретацию текста и новый вариант русского перевода. Подробно И. Н. Березин остановился на характеристике ярлыка Саадет-Гирая, который из корпуса известных науке тарханских ярлыков считался самым полным по многочисленности упоминаемых в нем чинов. На основе анализа этого источника тюрколог пришел к выводу, что Крымское ханство в общих чертах наследовало устройство Золотой Орды с добавлением некоторых нововведений: устанавливался ханский сменщик — калга [10]. В опубликованной в «Москвитянине» положительной ре-

Березин И. [Н.] Посещение цареградских достопримечательностей во время пребывания в Константинополе великого князя императорского высочества великого князя Константина Николаевича, в 1845 году. — СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1854. — 90 с.

⁴ См. о нем соответствующий раздел в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей имп. Казанского университета».

цензии на это исследование подчеркивалась роль ярлыков как незаменимых источников, позволяющих более полно представить историю Крымского ханства [11]. Источники ранней истории Крымского улуса Золотой Орды и его народонаселения стали объектом изучения ученого в труде «Первое нашествие монголов на Россию» [12].

Признанием заслуг И. Н. Березина в развивающемся российском востоковедении стало избрание его 22 сентября 1854 г. исправляющим должность ординарного профессора Казанского университета без степени доктора [13].

Важным свидетельством признания приоритета востоковедения в российской исторической науке стал перевод факультета восточных языков в 1855 г. из Казанского в Санкт-Петербургский университет. Первым деканом нового факультета столичного вуза назначается Александр Касимович Казем-Бек. Вместе с ним в столицу перебрались и его ближайшие ученики, в том числе — 22 сентября 1854 г. — Илья Николаевич Березин [14]. Санкт-Петербургский университетский устав был жестче устава казанского вуза. Он требовал для получения звания ординарного профессора обязательного представления докторской диссертации. Ею стало исследование И. Н. Березина «Очерки внутреннего устройства Улуса Джучиева» [15].

В Санкт-Петербурге И. Н. Березин продолжил начатое еще в Казани издание книжной серии «Библиотеки восточных историков», где помещались наиболее фундаментальные сочинения средневекового Востока. Внимания историков Крыма заслуживают опубликованные там «История Абуль-Гази» в переводе и с предисловием профессора Казанской духовной академии Гордия Семеновича Саблукова и «История Монголов» Рашида Эддина, подготовленная к печати самим И. Н. Березиным [16].

В 1856 г. в январской книжке журнала «Библиотека для чтения» И. Н. Березин опубликовал развернутый очерк-воспоминание «Крым» [17]. Автор пояснил, что повышенный интерес к полуострову, его прошлому и историческим памятникам, вызванный героическими со-

бытиями Крымской войны, побудил его внести свою лепту в изучение этого края и популяризацию его истории. Историк оговорил, что посетил Крым до событий Восточной войны и его публикация во многом — воспоминания. Вместе с тем он представил читателям топографический очерк, «чтобы восполнить пробел, который оставили другие». Солидный научно-справочный аппарат публикации свидетельствует, что мы имеем дело со специалистом в области восточных источников. На научной основе, но кратко изложена политическая история Крымского ханства, содержательная информация о социально-экономическом развитии Тавриды в XIX веке. Илья Николаевич констатировал: «<...> даже после пребывания в Стамбуле эта местность приводила меня в восторг» [17, с. 53].

Свое сотрудничество в «Библиотеке для чтения» И. Н. Березин продолжил и в последующие годы, опубликовав там два объемных материала «Народные пословицы турецкого племени». Фольклорные памятники классифицированы по диалектам языка (в том числе и крымскотатарские) и проанализированы. Автор указал места сбора пословиц и особенности диалектов различных групп тюрков [18]. Среди рукописного архива востоковеда выявлены также его записки татарских лирических песен и стихотворений [19], сказок [20]. В этнографической картотеке ученого, которая составлялась в эти годы, собраны записи отдельных географических названий и кличек животных на наречиях татарского языка [21], описание праздников [22].

Обстоятельные описания ярлыков крымских ханов с их кратким анализом И. Н. Березин поместил на страницах «Записок» наиболее авторитетнейшей общественной научной организации юга Российской империи — Одесского общества истории и древностей [23]. Хотя в этой работе И. Н. Березин ошибочно приписал ряд ярлыков Мухамед-Гирею, что было выявлено только в последней трети XX в. [24], можно отметить, что только сам факт публикации столь интересного для истории Крыма материала имел большое значение.

К сожалению, на последнем этапе творчества ученого востоковедение утратило первенствующее место в кругу его интересов. И это, по справедливому замечанию А. Н. Самойловича, стало причиной того, что И. Н. Березин далеко не использовал в своей деятельности всей полноты недюжинных дарований [25].

Разносторонняя научно-литературная деятельность И. Н. Березина снискала ему заслуженное признание в ученых кругах России и за рубежом. Так, свидетельством его научного авторитета стал факт приглашения историка в 1893 г. американским обществом «Education» участвовать в его заседании в Чикаго как почетного вице-президента.

В последней трети XIX в. российское востоковедение находилось уже на новой стадии развития и ставило перед собой целый ряд специальных задач. Но эти перемены, увы, не отразились на творчестве профессора И. Н. Березина. К сожалению, период плодотворной работы в области тюркологии для него закончился в начале 70-х гг. XIX в. Научный подвиг ученого по созданию справочного издания подорвал его физические силы. В последние годы жизни он уединился в семейном кругу. Ежегодно объявлявшиеся им университетские курсы не читались, а научные труды, начатые в предыдущие годы, так и остались неоконченными. По этой причине и в научном мировоззрении ученого не прослеживается картины постепенной эволюции. Как филолог и историк он выработал определенные взгляды уже в первые годы своей научной деятельности. И впоследствии они не подвергались существенным изменениям. Заслугой научной деятельности И. Н. Березина, как и всего поколения ориенталистов, к которому он принадлежал, стала, скорее, постановка научных задач, реализацией которых занялись их ученики.

Список источников и литературы

1. Березин И. Н. [Автобиографическая справка] // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: От начала русской образованности до наших дней. — Санкт-Петербург, 1892. — Т. 3. — С. 66; Так же автобиографической является справка

об ученом, помещенная в подготовленном им энциклопедическом издании. См.: Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором Санкт-Петербургского университета И. Н. Березиным. — Санкт-Петербург, 1873. — Отд. 1, т. 3. — С. 513.

2. Бартольд В. И. Н. Березин как историк // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. — Ленинград, 1926. — Т. 2, вып. 1. — С. 52.

3. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804–1904) / Под ред. Н. П. Загоскина: В 2-х ч. — Казань, 1904. — Ч. 1. — С. 219.

4. Смирнов В. Д. И. Н. Березин // Журнал Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург, 1896. — № 5, отд. 3. — С. 30.

5. [Казем-Бек А. К.] План ученого путешествия по Востоку магистров Диттеля и Березина, составленный Мирзою Казембеком. — Казань, 1841.

6. Menzel T. Über die Werke des russischen arabisten Kračkovskij // Archiv orientální. — Praha, 1930. — Vol. 2, № 1. — S. 54–86; Кузнецова Н. А., Данциг Б. М. И. Н. Березин — путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку // Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР. — Москва, 1956. — Вып. 22. — С. 92–100.

7. ПФИВРАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–155.

8. Березин И. Н. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках Санкт-Петербурга // Журнал Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург, 1846. — № 5, отд. 3. — С. 33–48; 1847. — № 5, отд. 3. — С. 33–56; 1848. — № 7, отд. 3. — С. 21–36; 1850. — № 12, отд. 3. — С. 13–46.

9. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета. — С. 220.

10. Непомнящий А. А., Грушецкая В. А. Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным материалам В. А. Гордлевского) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: «История России». — Москва, 2018. — Т. 17, № 3. — С. 581–607.

11. [Рецензия] // Москвитянин. — Москва, 1851. — № 18. — С. 329–330. — Рец. на кн: Березин И. Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирая, с введением, переписью, переводом и примечаниями. — Казань, 1851. — [1], 56 с.

12. Березин И. Н. Первое нашествие монголов на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург, 1853. — № 9, отд. 2. — С. 221–250.

13. Eberman W. Bericht über Arabischen studien in Russland während der Jahre 1921–1927 // Islamica. — Leipzig, 1930. — № 4. — S. 243–244.

14. См. подробнее: Иванов С. Н. Кафедра тюркской филологии // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Сер.

В. В. Акимченков

**«ВЫСВОБОДИТЬ СРЕДНЮЮ ЧАСТЬ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИЗ-ПОД ВЛИЯНИЯ
РЕАКЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ»:
СОЗДАНИЕ КЕРЧЕНСКОЙ ИНИЦИАТИВНОЙ
ГРУППЫ ВСЕСОЮЗНОЙ АССОЦИАЦИИ
РАБОТНИКОВ НАУКИ И ТЕХНИКИ
ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ
СТРОИТЕЛЬСТВУ В СССР**

В конце 20-х гг. XX в. в общественно-политической и экономической жизни Советского Союза наметился курс на кардинальные перемены. Страна под руководством И. В. Сталина приступила к форсированному построению государственного социализма. В 1928 г. новая экономическая политика была свернута, а в экономике уверенными шагами шла выработка и возведение плановых механизмов. Однако процесс ликвидации частной собственности, обобществление средств производства и окончательная ломка традиционного уклада жизни общества требовала поддержки и мобилизации сил Советского Союза. В этих целях на территории страны к концу 20-х гг. XX в. стали создаваться общественные союзы и организации, действовавшие в фарватере партийно-государственного аппарата и призванные логически обосновать происшедшие перемены.

К числу таковых организаций следует отнести и Всесоюзную ассоциацию работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (далее — ВАРНИТСО). Один из ее создателей, советский биохимик Борис Ильич Збарский (1885–1954) следующим образом охарактеризовал идейную основу Ассоциации: «<...> специалисты должны определить свое отношение к классовой борьбе и к тому строительству,

востоковедческих наук; Вып. 13. — Ленинград, 1960. — № 296: Востоковедение в Ленинградском университете / Под ред. А. Н. Кононова. — С. 70–71; Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Там же. — С. 3–31; Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. — Москва: Наука, 1982. — С. 145–146, 151.

15. Березин И. Очерки внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды Восточного отделения имп. Археологического общества. — Санкт-Петербург, 1864. — Ч. 8. — С. 387–494.

16. Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. — Казань, 1854. — Т. 2, ч. 1: Сборник летописей. — С. 12–37. Рукопись перевода И. Н. Березина см.: ПФИВРАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–160.

17. [Березин И. Н.] Крым // Библиотека для чтения. — Санкт-Петербург, 1856. — Т. 135, № 1, отд. 3. — С. 33–53.

18. Березин И. Н. Народные пословицы турецкого племени // Библиотека для чтения. — Санкт-Петербург, 1856. — Т. 136, № 5, отд. 3. — С. 79–107; Т. 137, № 6, отд. 3. — С. 83–116.

19. ПФИВРАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–44; Д. 9. Л. 1–7.

20. Там же. Д. 2. Л. 1–49.

21. Там же. Д. 40.

22. Nepomnyzhchy A. A., Kravchuk A. S. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. — 2018. — Т. 47, № 1. — С. 97–106.

23. Березин И. Тарханные ярлыки крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1872. — Т. 8, отд. 2: Прибавление к сборнику материалов. — С. 1–9; Березин И. Н. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // Там же. — С. 10–23.

24. Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Сер.: Востоковедческие науки. — Ленинград, 1984. — № 414, вып. 26: Востоковедение, № 10: Филологические исследования: межвузовский сб. — С. 127–138.

25. Самойлович А. Н. И. Н. Березин, как турколог (1818–1918) // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. — Ленинград, 1925. — Т. 1. — С. 163.

Борис Ильич
Збарский
(1885–1954)

к которому они призваны были Октябрьской революцией. <...>. Мы имели, таким образом, возможность выявить тот актив беспартийных работников науки и техники, для которых социалистическое строительство стало уже своим делом и в котором они принимают участие уже не только как представители той или иной профессии. Этот актив настолько тесно связал свою судьбу с Октябрьской революцией и с коммунистической партией, что он готов все свои знания, опыт, технику и культуру отдать рабочему классу, вместе с которым он стремится, чтобы наше строительство шло без помех с максимальным успехом. <...>. ВАРНИТСО постарается высвободить эту среднюю часть интеллигенции из-под влияния реакционных элементов <...>» [1, л. 125–127].

Вениамин Аронович
Вилейкин
(1899–1937)

Процесс оформления ВАРНИТСО пробудил на местах большой интерес и желание представителей провинциальной научной и технической интеллигенции быть вовлеченными в этот тенденциозный и перспективный проект [2]. На территории Крымской АССР

процедура оформления республиканской организации была запущена синхронно в трех городах. В марте 1928 г. в Симферополе, Керчи и Феодосии были сформированы местные инициативные группы, направившие своих делегатов в Москву для согласования дальнейших действий с временными органами центрального управления Ассоциации. К середине марта в Керчи уже оформилась группа технической интеллигенции намеревавшаяся взять процесс организации республиканского отделения ВАРНИТСО под свой

контроль. В число этой группы вошел педагог Р. А. Шершевский¹, направлявший и организовывавший ее работу, агроном В. А. Вилейкин², землеустроитель К. И. Сидорочев³,

¹ **Шершевский Роман Александрович** (1898–1962) — Советский педагог. Родился 22 декабря 1898 г. в г. Пирятин Полтавской области. Участник Гражданской войны (с 1919 по 1923 гг.). Член ВКП(б) с 1920 г. В 20-е гг. XX в. занимал ряд ответственных должностей на территории Крымской АССР: член Президиума и Совета крымского отделения ОСОА-ВИАХИМа, член Горсовета Керчи, председатель городского совета Союза работников просвещения (Работпроса) и член пленума районного бюро профессиональных союзов (Райпрофбюро). С 1924 г. работал в качестве пропагандиста-обществоведа. В 1926 г. окончил Высшую тактико-стрелковую школу в Москве. В 1937 г. получил звание младшего лейтенанта государственной безопасности. В 1938 г. являлся начальником отдела трудовых колоний Управления НКВД Горьковской области. В первой половине 40-х гг. XX в. являлся нормировщиком на стекольном заводе им. М. Горького. В 1949 г. арестован по подозрению в совершении государственного преступления. Приговорен на 5 лет к ссылке на поселение в Красноярский край. (Ист.: РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 291. Л. 1об.).

² **Вилейкин Вениамин Аронович** (1899–1937) — Ученый-агроном. Родился 1 мая 1899 г. в г. Геничск Днепропетровской области в семье кустика. Участник Гражданской войны (с 1919 по 1920 гг.). Член ВКП(б) с 1920 г. и Горсовета Керчи. В 1925 г. окончил экономический факультет Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. В 20-е гг. XX в. руководил Крымским сельскохозяйственным техникумом им. КрымЦИКа. С 1925 по 1927 гг. руководитель одного из крымских колхозных объединений. В 30-е гг. XX в. проживал в Москве и являлся начальником Управления свинсовхозов Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР. 14 сентября 1937 г. арестован за принадлежность к контрреволюционной вредительской организации. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 26 октября 1937 г. Реабилитирован 27 октября 1956 г. (Ист.: РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 291. Л. 1об.).

³ **Сидорочев Константин Иванович** (1899–?) — Землеустроитель. С 1917 г. заместитель председателя РайМБИТа Керчи. В 1919 г. окончил Московское землеустроительное училище. С 1922 г. возглавлял городскую землеустроительную группу. В 20-е гг. XX в. являлся членом правления Керченского отделения Общества по изучению Крыма, крымского бюро эсперантистов, совета ОСОАВИАХИМа и Горсовета Керчи. Имел ряд заметок в журналах «Землеустроитель» и «Украинский Землеустроитель». Член ВАРНИТСО с 15 декабря 1928 г. (Ист.: РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 291. Л. 1об.; Д. 167. Л. 12; Библиогр.: Сидорочев К. И., Чесноков П. А. Землепользование и землеустройство в Керченском районе // Сборник статей по экономике и быту Керченского района / Керч. отд-ние ОПИК. — Керчь, 1929. — Вып. 1. — С. 28–33.).

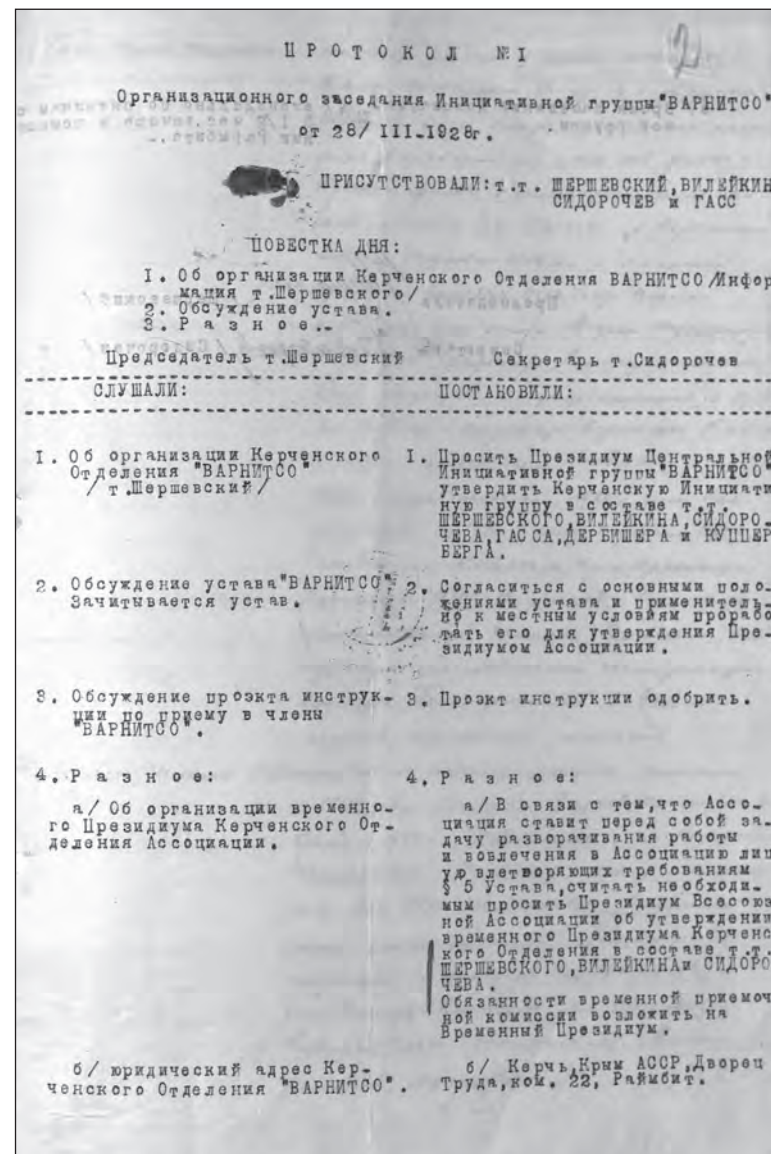
инженер Ю. Ю. Гасс⁴, Дербишер и инженер Н. С. Купперберг⁵ [3, л. 16].

28 марта 1928 г. во время организационного собрания керченской Инициативной группы было принято решение об открытии местного отделения ВАРНИТСО. С докладом по этому вопросу выступил Р. А. Шершевский, избранный председателем ячейки. В ходе заседания подняли вопрос об организации временного Президиума Керченского отделения, в состав которого вошел председатель Шершевский, секретарь К. И. Сидорочев и В. А. Вилейкин. Собранным был зачитан и обсужден устав Ассоциации, а также проект инструкции по приему в ее члены [4, л. 2–2об.; 5].

На 23–26 апреля 1928 г. в Москве было намечено проведение Первой Всесоюзной конференции ВАРНИТСО, где предполагалось официально объявить о создании Ассоциации, утвердить ее руководящие органы и

⁴ **Гасс Юлий Юльевич** (1889–1942) — Инженер-механик. В 1916 г. окончил Морское инженерное училище. С 1917 г. — член союза водного транспорта. В 1918–1919 гг. секретарь Ленинградского отделения союза водников. До 1921 г. находился в регулярных плаваниях на судах Императорского Черноморского флота России, а затем — Морских сил РККА в должности флагманского механика. С 1921 г. являлся старшим прорабом и заместителем начальника технической части Керченского морского торгового порта. С 1922 по 1927 г. секретарь Керченского районного Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (РайМБИТ), а с 1927 г. — его председатель. В 20-е гг. XX в.: член Горсовета Керчи, Райпрофбюро, Партийного комитета водников, Пленума Крымского МБИТа и Президиума Крымского бюро инженерно-технических секций водников (ИТС) по защите прав инженерно-технической интеллигенции, секретарь производственной комиссии Керченского порта и заведующий курсами по повышению квалификации водников. В 30-е гг. XX в. приживал в с. Нариманово (ныне — в черте Астрахани), являясь инженером-технологом судоремонтного завода им. Сталина. 2 мая 1942 г. осужден в шпионаже и антисоветской деятельности. По приговору Особого совещания при НКВД СССР расстрелян 3 июня 1942 г. Реабилитирован в 1989 г. (Ист.: РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 291. Л. 1).

⁵ **Купперберг Николай Соломонович** — Инженер-механик. В 1923 г. окончил механическое отделение Харьковского технологического института. Работал на Донбассе и Керченском государственном металлургическом заводе. В 20-е гг. XX в.: помощник начальника ОЭТ Керченского государственного металлургического завода, секретарь секции металлургов и Керченского РайМБИТа, член Пленума Крымского МБИТа, член Президиума Райпрофбюро. (Ист.: РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 291. Л. 1).

Протокол организационного заседания Керченского отделения ВАРНИТСО. (Из фондов РГАЭ)

принять устав [5]. Местные инициативные группы на конференцию делегировали 164 человека, в число делегатов от Крымской организации, наряду с ректором Крымского государственного педагогического института Г. П. Вейсбергом, было принято решения включить представителя от керченской инициативной группы агронома В. А. Вилейкина [6, л. 23–24]. Все делегаты конференции автоматически были зачислены в число ее первых членов. Получив мандат от вновь сформированных центральных органов управления Ассоциации, крымские участники, вернувшись на полуостров, приступили к формированию местной организации. В силу административной целесообразности оформление Крымского отделения было поручено симферопольской инициативной группе, в число которой входили преподаватели Крымского государственного педагогического института (Г. П. Вейсберг, Г. А. Максимович, П. А. Двойченко, В. С. Шевчук, В. Г. Лунёв), представители аппарата экономического управления при СНК Крымской АССР: Плановое бюро (В. Б. Лукьянов), Управление строительного контроля (П. П. Дюкоммен, П. Я. Макаровский), а также члены Крымского отделения Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (А. М. Комиссаров).

Все ключевые должности в Крымском отделении Ассоциации оказались заняты представителями симферопольской инициативной группы: Г. А. Максимович — председатель, Г. П. Вейсберг — заместитель председателя, проф. П. А. Двойченко и инженер П. П. Дюкоммен — ответственные секретари, П. Я. Макаровский — заместитель ответственного секретаря и казначей. Представителя от Керчи В. А. Вилейкина было принято решение включить в число членов ревизионной комиссии, наряду с доцентом В. С. Шевчуком и землеустроителем В. Г. Лунёвым [7, л. 4].

Однако это не решило назревших проблем в среде крымской научной и технической интеллигенцией. Центральное бюро ВАРНИТСО по-прежнему продолжало поддерживать, в обход сформированным органам управления Крымского отделения Ассоциации, связь с керчен-

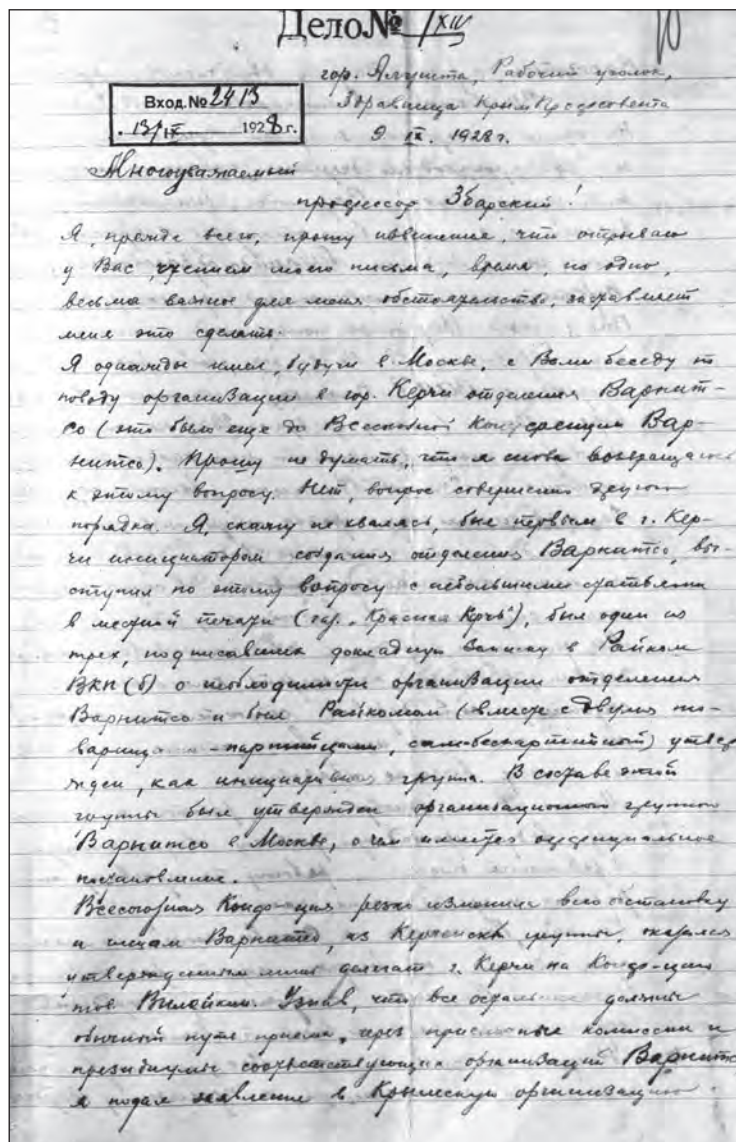
ской и феодосийской группами. Все это вносило дополнительную остроту в систему взаимоотношений ученых на местах и сумбур в понимании положения дел на территории Крыма. Более того, республиканское отделение отказывалось кооптировать в свои ряды принятых ранее в Керчи и Феодосии участников, находя для этого формальные предлоги. Им предлагалось заново на общих основаниях пройти процедуру приема в члены Ассоциации. Тем самым симферопольская инициативная группа, получив все необходимые полномочия и официальное наименование — Крымская, пыталась заново выстроить четкую административную вертикаль управления.

Примером такой сложной системы взаимоотношений, сложившейся в Крыму может служить инцидент с одним из инициаторов создания Керченского отделения ВАРНИТСО, землеустроителем К. И. Сидорочевым. В сентябре 1928 г. ему было отказано в приеме в члены Ассоциации под предлогом отсутствия высшего образования. Это вынудило Константина Ивановича обратиться с письмом в Москву к Ответственному секретарю Центрального Бюро ВАРНИТСО, профессору Б. И. Збарскому. В силу значимости общественных процессов, протекавших на территории полуострова в конце 20-х гг. XX в. и затронутых в данном источнике, приведем текст письма в полном объеме:

«Многоуважаемый профессор Збарский!

Я, прежде всего, прошу извинения, что отрываю у Вас, чтением моего письма, время, но одно, весьма важное для меня обстоятельство, заставляет меня это сделать.

Я однажды имел, будучи в Москве, с Вами беседу по поводу организации в гор. Керчи отделения ВАРНИТСО (это было еще до Всесоюзной конференции ВАРНИТСО). Прошу не думать, что я снова возвращаюсь к этому вопросу. Нет, вопрос совершенно другого порядка. Я, скажу не хвалясь, был первым в г. Керчи инициатором создания отделения ВАРНИТСО, выступил по этому вопросу с неболь-

Письмо землеустроителя К. И. Сидорочева

шими статьями в местной печати (газ. «Красная Керчь»), был одним из трех, подписавших докладную записку в Райком ВКП(б) о необходимости организации отделения ВАРНИТСО и был Райкомом (вместе с двумя товарищами-партийцами, сам — беспартийный) утвержден, как инициативная группа. В составе этой группы был утвержден организационную группой в Москве, о чем имеется официальное постановление.

Всесоюзная Конф-ция резко изменила всю обстановку, и членом ВАРНИТСО, из Керченской группы, оказался утвержденным лишь делегатом г. Керчи на Конф-цию тов. Вилейкин. Узнав, что все остальные должны [пройти] обычный путь приема, через приемные комиссии и президиумы соответствующих организаций ВАРНИТСО, я подал заявление в Крымскую организацию ВАРНИТСО, с рекомендацией двоих членов ВАРНИТСО — тт. Вилейкина и Комиссарова.

На одном из очередных заседаний Крымотдела ВАРНИТСО, где происходило очередное «избиение младенцев», т. е. прием в члены ВАРНИТСО, был подвергнут избиению и я — мне было отказано в приеме, ввиду того что я не имею высшего образования, а среднее. Позвольте мне, многоуважаемый профессор, спросить Вас: разве ВАРНИТСО только лишь для лиц с высшим образованием? Разве это, своего рода, «социалистическое ВАИ»? Поскольку я помню, в разговоре с Вами (конец февраля [19]28 г.) не упоминалось об обязательности (по крайней мере категорической) наличия для членов ВАРНИТСО высшего образования. Да и в самом деле, разве специалист, скажем землемер, агроном, не имея высшего образования не может активно участвовать в социалистическом строительстве, всячески ему содействовать. Мы, землемеры, агрономы являемся работниками деревни, являемся, так сказать комсоставом социалистической деревни, строителями социализма на

селе и не наша вина, что не никто из нас не имеют высшее образование.

Многие из нас, одновременно с работаю по специальности ведут громадную работу общественную в различных областях, работу по просвещению рабочих и крестьянских масс.

Конечно, «ВАРНИТСО не ОСОАВИАХИМ», не массовая организация, но всё-таки зарыть раз-навсегда дорогу в ВАРНИТСО специалисту со средним образованием вряд ли будет правильным.

Настоящим письмом через Вас, многоуважаемый профессор, я апеллирую к Президиуму ВАРНИТСО и прошу, если возможно, если не существует другого порядка, рассмотреть это письмо и вынести по нему суждения. Если же есть другой порядок обжалования постановления КрымОтдела ВАРНИТСО, не откажите в любезности сообщить из аппарата ВАРНИТСО.

Сведения обо мне, я полагаю, имеются, т. к. посылал к Вам для утверждения нашу группу, сведения были даны. Кроме того, мною было представлено жизнеописание и в КрымОтдел ВАРНИТСО. Еще раз, профессор, прошу извинения за бесцеремонное обращение с Вашим временем, а также хочу попросить Вас не отказать дать ответ на волнующую меня тему. <...>» [8, л. 9–10 об.].

В начале сентября 1928 г. профессор Б. И. Збарский направил Крымскому отделению ВАРНИТСО письмо, в котором рекомендовал в сжатые сроки решить проблему, возникшую при приеме К. И. Сидорочева в члены Ассоциации. Он указывал: «<...> отсутствие высшего образования не дает оснований к отказу в приеме в члены ВАРНИТСО, при наличии определенной общественной физиономии и активно-творческой работы в одной из областей народного хозяйства.

Правда, в первый период существования ВАРНИТСО, в целях завоевания авторитета, мы предъявляли более жесткие требования в смысле отбора высококвалифици-

рованных научных и технических работников. В настоящий же момент мы полагаем, что в ВАРНИТСО должен быть открыт доступ также и для лиц со средним образованием, идеологически нам близких» [4, л. 11].

Путаница, возникшая во взаимоотношениях между центральными и республиканскими органами Ассоциации, а также вся напряженность среди крымской научной и технической интеллигенции обострилась к 1929 г. После выхода в свет третьего номера «Известий ВАРНИТСО», на страницах которого был опубликован список членом Крымского отделения, в числе которых значились фамилии и тех, кто не был принят республиканской организацией, а одобрен лишь в 1928 г. керченской и феодосийской группами, ситуация еще более усугубилась и требовала логического разрешения.

Президиум Крымского отделения Ассоциации в лице П. П. Дюккомена и П. Я. Макаровского направил в Центральное Бюро ВАРНИТСО письмо следующего содержания: «Мы чрезвычайно огорчены путаницей, которая имеет место <...>. Наше отделение называется «Крымское», а не «Симферопольское», о чем мы Вам неоднократно писали и что Вы нам неоднократно подтверждали. В отпечатанный список попали лица, никогда членами нашего отделения не состоявшие: инж. [Ю. Ю.] Гасс, инж. [Н. С.] Купперберг и агроном [Р. А.] Шершевский. Если Вы приняли этих граждан помимо нас — Вы сделали большую ошибку. Это тем более печально, что инж. Гасс арестован и отправлен в Москву по последнему делу вредителей, о чем знает вся крымская инженерно-техническая общественность. Понятно, как дискредитирует наше отделение третий номер «Известий». <...>» [7, л. 3].

Столь веские доводы руководства Крымского отделения поставили точку в процессе окончательно утверждения симферопольского актива во главе Ассоциации на полуострове. В ответном письме секретариата ВАРНИТСО указывалось: «<...> Инж. Гасс, Купперберг и агроном Шершевский у нас членами ВАРНИТСО не значатся и

никогда не принимались. Прием по местным отделениям производится на основании представления соответствующих Отделений и никогда помимо Вас по Крыму ни один член принят не был. <...>» [7, л. 2].

Таким образом, к 1929 г. представителям симферопольской инициативной группы, во главе которой находились сотрудники Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе и некоторых экономических структур СНК Крымской АССР, удалось взять под свой полный контроль процесс построения на полуострове местного отделения ВАРНИТСО. К этому времени борьба на культурном и идеологическом фронте приобрела новые формы. Свет увидела статья И. В. Сталина «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства», гласившая что стране «<...> нужны такие командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть. <...> рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса». [8, с. 66]. В отношении же старых научно-технических кадров вполне уместно было бы проводить «политику разгрома активных вредителей, расслоения нейтральных и привлечения лояльных» [8, с. 70]. На этом фоне, особенно после первых арестов ряда функционеров местного отделения ВАРНИТСО, угар крымской интеллигенции в вопросе активной причастности к деятельности Ассоциации стал угасать [9]. Страна вступила в новую фазу трансформации общественно-политической и культурной жизни.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4394. Оп. 2. Д. 1.
2. Непомнящий А. А., Козаченко И. В. Съезды по изучению производственных сил Крыма: экономическое крымоведение на рубе-

же 20–30-х гг. XX века // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». — Симферополь, 2015. — Т. 1(67), № 4. — С. 34–39.

3. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 167.

4. Там же. Д. 291.

5. Стенографический отчет 1-ой Всесоюзной конференции ВАРНИТСО. 23–26 апреля 1928 Г. // Бюллетень ВАРНИТСО. — М., 1928. — № 2. — С. 1–217.

6. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 2. Д. 3.

7. Там же. Оп. 1. Д. 305.

8. Сталин И. В. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства // Сталин И. В. Сочинения. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. — Т. 13. — С. 51–80.

9. Непомнящий А. А. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе: из истории коммуникаций в крымоведении // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». — Симферополь, 2018. — Т. 4(70), № 1. — С. 33–53.

М. Р. Арпентьева

СОГЛАСИЕ И НЕСОГЛАСИЕ, ЕДИНЕНИЕ И ОТЧУЖДЕНИЕ НАРРАТИВЫ РАЗРУШЕНИЯ И СОЗИДАНИЯ

Постановка проблемы. Одни из ведущих проблем современного человечества — проблемы национального единения и отчуждения в контексте вопросов о традиционных и революционных, утопических и дистопических аспектах развития наций и сообществ. Современный мир опирается преимущественно на дистопические сценарии развития сообществ, побуждающие их к революционным переворотам и иным пересмотрам сложившихся традиций и основанных на них отношений, в том числе, в сфере национального единения и сепаратизма [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Национальное единение — одна из сложнейших научных категорий и практических реальностей, охватывающих отношения не только внутри одного государства, но и между различными государствами — странами про-

живания соотечественников. В современном мире существует несколько основных наций-космополитов (цыгане, евреи, татары, и другие, присоединившиеся к ним в XX в. группы), и, кроме того, подавляющее большинство стран и сообществ цивилизованного мира являются мультикультурными. Национальное единение в этом контексте выступает как самый сложный, многокомпонентный и многоуровневый феномен, затрагивающий не просто «международные», но межгосударственные отношения, которые всегда, даже в условия относительной монокультурности, были сложнейшей частью человеческих отношений и, в силу своей сложности, частью весьма неоднозначной и неустойчивой, связанной со множеством иллюзий, утопических и дистопических, эволюционных и революционных сценариев. Прозрачность и устойчивость отношениям между странами, а также отношениям внутри каждой страны с точки зрения представлений о важности национального единения (единства), сохранения традиций и «устойчивого развития», придает соблюдение нравственных, а не только формальных и, тем более, «экономических» законов взаимодействия разных по этническим, религиозным, профессиональным и социально-политическим характеристикам людей и групп. Экономические «законы», будучи положены в основы внутринациональных и межнациональных, международных отношений, уже не раз демонстрировали свою ограниченность, точнее, ограниченность тех, кто сводит жизнь к экономике или политике, а экономику и политику — к «выживанию сильнейших» и наживе одних групп и людей за счет других. Интересы интеграционных, продуктивных групп российского общества (национальной буржуазии, служащих — профессионалов и квалифицированных рабочих) состоят в модернизации страны, построении современной постиндустриальной экономики и гражданского общества, предполагающего единение граждан и наций. Но это возможно лишь при поддержке такого проекта правящей элитой. Однако, интересы и ценности современной российской элиты отражают их принадлежность к типу

«компрадоров-буржуа», чье благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических, политических и т. д. факторов. Эти ценности и интересы противоположны гражданскому единению и социальному служению, они сформировали устойчивые антиутопические, дистопические сценарии развития человечества и народов, вводя в состояние подавленности, безнадежности, огромные народные массы. Это состояние не является естественным и грозит революционным взрывом, аналогично тому, как это случилось уже не раз, например, в начале XX в.

Метод исследования. В работе осуществляется теоретический анализ проблем разрушения традиций и революционных переворотов, их утопических и дистопических аспектов.

Результаты исследования. В исторической перспективе вопросы национального единения граждан СССР и позднее СНГ во многом связаны с инициированной буржуазией Первой Мировой войной, ответившей на нее революцией и Гражданской войной, с образованием СССР и, далее, со Второй Мировой войной, не увенчавшейся ожидаемым развалом Советского Союза, и, наконец достигнутым усилиями компрадорской буржуазии в 1991 г. распадом страны, за которым последовала целая серия «реформ», уничтожающих народы и сопротивление народов России на культурном и физическом уровне. В настоящее время граждане России, находясь в состоянии полной подавленности, однако, не менее готовы к взрыву, чем в начале XX в.: народы и нации России разобщены, традиции разрушены, жизнь потеряла ценность и перспективу, дистопические сценарии ведут к нарастающему отчуждению и сепаратизму на всех уровнях отношений российского сообщества.

Середина XX в. и международные договоренности конца Второй Мировой войны помогли на долгое время решить вопрос границ унитарных государств и государств-федераций, более или менее стабилизировать вопросы, связанными с национальным и автономиями и межнациональными взаимодействиями. Параллельно был на-

несен удар по феномену рабства и резко снизилась роль компрадорской буржуазии, зарабатывающей на противостояниях и военных конфликтах, по отношению к предыдущим этапам на первый план вышло общественное, а не только индивидуальное благо, мир между народами, а не отстаивание интересов отдельных стран и народов. Будучи «нейтральной» по отношению к вопросам национальной принадлежности, компрадорская буржуазия использует национальные, религиозные, политические и экономические различия между людьми в целях ослабляющего потенциальных или реальных оппонентов и жертв разобщения. Национальные и иные формы единения и объединения, способные противостоять и направленные на противостояние позиции компрадорской буржуазии, являются ее естественными антагонистами. Для нее выгоден крах и разграбление стран, конфликты, а также связанные с ними «кредитные» и «ограничительные санкции» и меры в международных отношениях, раздувание этнической и религиозной вражды и разобщенности для активизации новых военных столкновений и переделов мира наряду с глобализацией, понятой как распространение ценностей консюмеристской культуры: культуры неограниченного потребления как культуры социальной аномии и социального каннибализма. Современный мир, пропагандирующий поиски материального благополучия и превосходства, не считаясь с нарушением нравственных ценностей и жизнью других людей, культур и сообществ, открыл дорогу возрождению компрадорской буржуазии, ее стратегиям, направленным на разрушение национального единства, передел мира и мировых ресурсов. На этом фоне процессы национального единения приобрели формы, подчас весьма неоднозначные: попытки защиты соотечественников и восстановления прав и возвращения незаконно отнятых ресурсов тех или иных наций, выливаются в изматывающие сражения: конфликты компрадорских правительств ряда стран СНГ и России, компрадорского правительства Турции и Сирии, конфликт веками живавшихся на колониях Европы и США и мигрантами из

этих колоний, хлынувшими в Европу, чтобы востребовать блага «комфортной жизни среднеевропейского потребителя, продолжающиеся конфликты «белого» и «черного» населения США и Канады, игнорируемые, но продолжающие вносить существенный вклад в отношения людей мира очаги рабовладельческой культуры, включая резервации и поселения вытесненных буржуазией и продолжаемых вытесняться ими на уровне отдельных людей, сообществ и государств коренных жителей Америки, Австралии и т. д. В результате проблема государственного суверенитета и межгосударственного сотрудничества становится все более сложной: коалиции между странами становятся все более подвижными и асимметричными, договоренности и «санкции» теряют свое не только нравственное, но и правовое обоснование и т. д. Сами государства, чтобы избежать протестных движений, вынуждены усиливать репрессивно-подавляющий развитие контроль, насаживать средствами образования и иных социальных, политических, экономических институтов и программ ценности, усиливающие социальное неравенство и разобщенность, десакрализацию и невежество. Компрадорская элита продолжает упорно внедрять идеи «священности власти» и ее представителей наряду с отношением к гражданам, народностям, как объектам, а не субъектам управления, в том числе объектам политических манипуляций типа «промывания мозгов» и иных форм намеренного обмана. Она сопротивляется тому, чтобы выступить как выразитель и арбитр интересов основных групп населения, подменяя нравственные императивы, в том числе самоограничение, императивами правовыми, постоянно и все более выхолощенными и служащими лишь самой элите. Правящие круги современной России — прямые наследники этакратии (номенклатуры), — включают в свой состав лиц, опираясь не на меритократические критерии, не на способность людей решать конкретные задачи (компетентность), а на медитократические: элита определяется на основании занимаемой позиции во власти и обладанию собственностью, в результате власть принадлежит людям

с весьма посредственным уровнем личностного развития, что не позволяет элите вести общество за собой.

В развитии общества важное место занимает феномен «несогласности», который выливается в различные формы, варьируя от умеренной оппозиционности и конформизма до «пустого» вольнодумства, а также — до революционного радикализма. Под несогласием понимается проявляющаяся в дискурсе или практике модель, предполагающая наличие иерархических отношений между субъектом несогласия (вольнодумец и оппозиционер или бунтовщик-революционер) и находящимся над ним или напротив него объектом (светский или церковный властитель, аппарат власти, общество и семья, пр.), и несоответствие их (зачастую конструируемых или «инспирируемых» — в псевдо-оппозиции) представлений о должном устройстве действительности. В моменты социальных кризисов и коллапсов больших и малых социальных систем происходит, как правило, активный рост оппозиционности: оппозиционность становится настолько повсеместной, что «оппозицией» выступает уже согласие, смирение и принятие мира. Оппозиция в государстве и обществе реализуется через системы социального партнерства и социального противостояния. Социальное партнерство, с его идеями сочувствия и ассимиляции, помогает перевести «оппозицию» в лояльность, социальное противостояние — использует идеи и технологии дискредитации. Государство в отношении с «оппозиционными» членами и сообществами может занимать самые разные позиции: от терпимости (толерантности) к открытому или скрытому преследованию «психически больных, преступников и инакомыслящих». Трансферы оппозиционности как стратегии и технологии проникновения идей оппозиции в общество и государство различны. Удачные опыты связаны с тем, насколько идеология общества, государства и конкретных граждан, к которым направлены «санкции» или «благодаяния» совпадают или могут быть сближены в процессе трансферов: совместной, диалогической деятельности.

Один из ярких подходов к оппозиционному осмыслению происходящего — создание утопических или антиутопических (эсхатологических или етопических) сценариев развития общества. Этот подход по своей природе может быть как практическим, актуально действенным, так и — чаще — философским, футуристическим. Многие из моделей, особенно футуристического толка, располагаются в пространстве «мистицизм» — «рационализм». Последний, однако, чаще всего отражает «псевдонесоогласность»: выступает не более чем способ пропаганды имеющихся в обществе способов отношений и их усиления: пример — мальтузианская модель ножиц, скрыто декларирующая необходимость сокращения населения Земли (то есть, его насильственного уничтожения). Первый — часто потому и относится к «мистическим», что не выгоден ни актуальной, ни ангажированной оппозиционной моделям отношений. Их взаимодействие, например, описано исследованиями «Окна Дж. Овертона».

Современность, постмодерн определяется как эпоха нигилизма, магического сознания, эпоха, наступившая после «смерти Бога». Уникальная и единственная перспектива, перспектива мира, заданная Богом, в сознании человечества распалась, став лишь фикцией, вместе с нею и распалась иллюзия единства бытия, а затем — и само бытие. Открывшийся хаос, однако, можно толковать как лишь иной вид перспективности бытия, ждущий очередной обладающей волей к власти интерпретации. Существование множества перспектив — реальных и потенциальных точек зрения определяется тем, насколько точно воля к власти каждого видящего направлена на мир и объекты, с какой силой она себя в них утверждает, пытаясь их завоевать. Даже вещь — лишь точка зрения на мир. Сражение идеологий вырастает в сражение людей. В магическую эпоху повсеместного варварства, «оттолкнувшись» от идей социального равенства, человечности, совершенства, гуманности общество пришло к идее социального использования, потребления. В список потребляемого и передаваемого в процессе трансмиссии включены

само общество, его члены, включая человека, жизнь в целом. Естественно, что такое положение не удовлетворяет многих, рождая необходимость изменений: снаружи и — реже — внутри оппозиционера.

Основные результаты исследования. Дискурс оппозиции — разрушения и созидания реализуется, в своих развитых формах, в разработке сценариев утопий и антиутопий (эсхатологических, евтопических и оптимистических сценариев развития общества и государства). Дискурс разрушения реализовал себя в антиутопиях и описаниях «конца мира», дискурс созидания — в утопиях и евтопиях «возрождения», «вознесения». Наиболее активно создание утопий и антиутопий происходило в зарубежном и отечественном модернизме: осуществлялось создание социальных утопий разного уровня и типа связано с «эсхатологическим беспокойством» о катастрофичности бытия и истории человечества в целом, с критикой позитивистской картины мира, отрицающей духовные смыслы бытия и отрицания прогрессизма как согласия на развитие социума, не ведущее к возникновению нового качества его бытия. Переживания трансформации социального бытия и социальных катаклизмов, критика современных путей развития человечества и человека, исчерпанности прежних идеалов жизни и прежних целей социального бытия, кризис гуманистических ценностей стали основой возникновения негативных утопий и псевдоутопий: особенно — Апокалипсиса как Божественного суда над заблудшим «не туда» миром. Эсхатологизм выступал при этом то как «умеренный» историософский негативизм, то как радикальный апокалиптизм, то как попытки осмыслить задачи трансформации как становления новой формы отношения человека и Бога: богочеловеческого делания, сотрудничества Бога и человека. В последнем смысле «жало» утопии приглушалось, она становилась вариантом «благой эсхатологии», ведущей не столько к катастрофе, сколько — через катастрофу и страдание индивидов и масс, коллапс сообществ, к преображению, спасению как «Царству Божию

на земле», снятие «рубца» «ветхого человека», активировав внимание на проблемы апокатастасиса и возможности превращения государства в церковь, проблематике софийности бытия, Богосозданного мира. Однако, и «благая» эсхатология не избежала описания периодов «катастрофических взрывов», «пришествия Антихриста» или полного растворения обретшего «ветхость» бытия.

Пафос футуризма и конструктивизма XX в. сосредоточился на критике сначала индустриальной, а затем и информационной цивилизации, а также поиске духовно-нравственных опор существования в эпоху наступающего Апокалипсиса: ответственности человека за себя и все бытие. «Утопия» как «евтопия», вариант «эсхатологии спасения», развивалась в контексте религиозно-философской мысли эпохи модернизма. Она же — сохраняет себя и в постмодерне с той разницей, что созерцание наступления, страданий человека и человечества мыслителями постмодерна воспринимается уже менее утопично и более — «эсхатологично»: евтопический сценарий оказывается типичным далеко не для всех. Кто-то выбирает страдание и дальнейшее падение: отказ от нравственного выбора и попытка сохранить приверженность «дигитальной» нравственности симулякрам. Кто-то продолжает «работу против Бога» в надежде снискать как можно больше земных благ, отказываясь от нравственности как таковой ради идеологии «экономического гангстера» и сиюминутного успеха, защищающего и творящего для защиты симулякры бытия. Немногие — ищут основы воссоздания нравственных основ, новой церкви.

В социально-философской мысли зарубежья всегда популярна была критика утопий «социалистического рая», переживание исчерпанности истории, «заброшенности» и ненужности, тотального одиночества человека в обществе, которые в конце XX в., в момент наступления Апокалипсиса (сбывшихся всевоутопий модерна) перешли в новое качество. Варианты идеального строя жизни — от «нового Средневековья» и до всеобщего воскрешения, акцентирующих роль духовно-нравственного развития,

«возвращения к Богу», из «преисподней», или, напротив, реорганизации государства и общества (от мондиализации до меритократии и «умных толп»), так или иначе «апробируются» сообществами. Однако, жизнь «вне Бога», в том числе на обломках разрушенной «империи социализма», оказывается жизнью против Него, отказ от единой нравственной перспективы и попытки найти ей замену в «лоскутном сознании» постмодерна, его утопий и антиутопий, быстро сворачивается. Постмодерн, в отличие от модерна констатирует: то, что полагалось (анти)утопией, — факт. Негативные прогнозы сбываются и один из последних оплотов нравственного — «социалистическое», рухнувшее постольку, поскольку ограничило нравственность, удалив из повседневности Бога, активно пересматривается в попытках выяснить: есть ли надежда на возврат или трансформацию, не ведущую к полному самоуничтожению общества [2; 4; 7]. Господство моделей типа «мальтузианских ножниц», «экономических гангстеров», «спиралей умолчания» событий и процессов, связанных с деструкцией нравственности, симулирования реальности на фоне формирования меритократии и замены мнения Бога мнением криптократии или «умной толпы», приводит общество и каждого человека в частности к выбору между социальным каннибализмом, социальной аноимией или социальным служением [9; 10]. Этап мондиализации и создания «всеобщего государства», пресекающего всякое политическое творчество, изменения стратификации и распределения благ и власти, к которому активно стремятся в настоящее время созданные исключительно ради нужд «элитарного меньшинства» наднациональные организации, «союзы», «содружества», «соединения» и «объединения» разного толка, означает начало коллапса. Доминирующее меньшинство на фоне уже ничем не контролируемого стремления к большей власти и подавлению сопротивления уже в «зародыше», стремиться создать всеобщее государство, к мондиализации. По мере распада цивилизаций формируются «внутренний пролетариат», создающий всеобщую церковь, идеологию, обслуживающий

«всеобщее государство», а также «внешний пролетариат», создающий «стаю варварских военизированных банд». Автономные субъекты из числа подлежащих уничтожению «больных, преступников и оппонентов», трансцендирующие в период социального распада, в поисках новых решений, приводят к рождению новой идеологии, вокруг которого может organizоваться последующая цивилизация.

Как пишет Ж. Бодрийяр, под давлением разнонаправленных и кажущихся абсолютными, но являющихся часто противоположными, принуждений индивид утрачивает единство, его сознание и ценности становятся «лоскутными»: правовое и нравственное пространства разрываются, фрагментируются. Социальное неравенство добавляется к внутреннему разрыву между потребностями и стремлениями, а усталость выступает как пассивное несогласие с данными условиями существования, как скрытое насилие, близкое скрытой забастовке, «slowing down» («снижения активности») рабочих, которая есть единственная форма активности, противостоящая... принуждению к общей пассивности, присущему современным общественным отношениям» [1, с. 233]. Настоящая пассивность — в согласии и беззаботном соответствии с системой... совершенно адаптированных к современной активности. Усталость помогает избежать тотального «break down» (разрушения) и в любой момент любого пространства она может стать открытым восстанием. Главная опасность, таким образом, внутри людей: их привычка потребления, препятствующая реальной жизни, вне «матрицы» тотального подавления. Интересна при этом игра: потребление лишает человека воли к реальности, а усталость оказывается «потребленной» усталостью, нужда в которой существует как нужда в труде. Однако, в мире, где свободного времени все больше, удовлетворить эту нужду, все труднее.

Замена ценностей жизни и человечности ценностями потребления и власти. Реинкарнация нацизма и фашизма происходит в связи с потребностью крупного

капитала получить новые сырьевые ресурсы и дешевую рабочую силу. Радикальный социальный каннибализм существует уже в ряде стран, в том числе Европе и СНГ. Однако, согласно правилу «спирали молчания» (the spiral of silence), умалчивается: критики боятся возмездия или изоляции (игнорирования). Противостоять этой «спирали» могут высокообразованные или более-менее состоятельные люди, а также, как отмечалось выше, некоторые «бесцеремонные» трансцендирующие индивиды, не боящиеся изоляции, которые с большей вероятностью выскажутся или могут настаивать на истине и истинных ценностях, вне зависимости от общественного мнения. Это меньшинство — необходимый фактор изменений, податливое большинство — условие стабильности, в том числе, стабильности самоуничтожения, коллапса, к которому его ведет другое меньшинство — «элита». Идеология неонацизма как социального каннибализма — идеология «экономического гангстера» — готовность максимизировать личную выгоду любым доступным способом, пойти на любое преступление ради собственной выгоды — типичное и стандартное проявление антиутопических моделей общественного развития. На этом фоне кажущийся утопическим и трансцендирующий принцип «Делай это все равно», который отражает суть второй демократии. Вторая демократия постулирует, что любовь, уважение, достоинство, нравственность одного человека изменяют мир вокруг него. Трансцендирующие субъекты, вопреки страху сохраняющие нравственное отношение к себе и миру в период социального распада, приходят и приводят людей к новой идеологии, возрождению, новой цивилизации. Основами такой цивилизации помимо идеологии социального служения, выступают идеи взаимопомощи и самопомощи разных слоев и страт.

Выводы и рекомендации. Постмодерн утверждает единственную возможность выживания и/или трансформации: через восстановление связи с Богом, поиск новой формы воплощения общечеловеческих ценностей

в отношениях людей. Только при условии, что форма будет найдена, возможна дальнейшая жизнь сообщества. В ближайшее же время антиутопии коллапса, очевидно, будут множиться, также, как и попытки поиска выхода из него. Дискурс оппозиции — разрушения и созидания — реализуется, в своих развитых формах, в разработке сценариев утопий и антиутопий (эсхатологических, евтопических и оптимистических сценариев развития общества и государства). Дискурс разрушения реализовал себя в антиутопиях и описаниях «конца мира», идеологиях социальной аномии и каннибализма. Дискурс созидания — в утопиях и евтопиях «возрождения», «вознесения», идеологиях социального служения и государства-церкви. Можно также отметить, что в эпоху постмодерна утопическое и антиутопическое обретает редкостную реалистичность: грани между возможным и невозможным стираются, в том числе и потому, что человечество ищет выход — выходи из мира, потерявшего Бога: через смерть и/или преображение. Утопии и антиутопии в магическую эпоху постмодерна обретают качества реальности, и, значит, общество и государство нуждается в их осмыслении, а также разработке конкретных путей предупреждения нежелательных или усиления желаемых предсказанных «утопиями» событий. «Утопия» как вариант «эсхатологии спасения», развивается в контексте религиозно-философской мысли эпохи модернизма. Она сохраняет себя и в постмодерне. Но созерцание наступления, страданий человека и человечества мыслителями и писателями постмодерна воспринимается уже более «эсхатологично»: евтопический сценарий оказывается типичным далеко не для всех. Кто-то выбирает страдание и дальнейшее падение: отказ от нравственного выбора и попытка сохранить приверженность «дигитальной» нравственности и симулякрам. Кто-то продолжает «работу против Бога» в надежде снискать как можно больше земных благ, отказываясь от нравственности как таковой ради идеологии «экономического гангстера» и сиюминутного успеха, защищающего и

творящего симулякры бытия. Немногие — ищут основы воссоздания нравственных основ, новой церкви.

Проблема гражданского и, уже, национального, согласия, благополучия и развития стран напрямую связана с вопросами качества жизни населения, его безопасности, восстановления и развития потенциала стран и народов путем вовлечения в систему международных экономических и социально-культурных связей; восстановления и расширения контактов между научно-образовательными, экспертными и предпринимательскими сообществами разных стран.

История показывает, то любому государству, любому народу, стремящемуся к долгой и продуктивной жизни, к развитию, нужны крепкие внутренние и внешние структуры — суверенитет, нужны четкие и осмысленные отношения с другими странами и народами, нужно гражданское, и, в том числе, национальное единство, — признание суверенности и четкие границы и политика в отношении границ, а также гармоничные и целесообразные для страны и мирового сообщества международные и межгосударственные отношения (интеграции в мировое сообщество). Эти отношения, будучи отношениями людей тех или иных культур, религий, экономических классов и политических ориентаций, существуют и изменяются во времени, придавая смысл развитию стран и наций, их взаимоотношениям. Развитие сообществ связано с гармонизацией утопических и дистонических сценариев развития, сохранением традиций единения, противостоящих бессмысленному сепаратизму и революционным переворотам. Вместе с тем, наличие продуктивного сценария развития, включающего не столько утопические, сколько реалистические аспекты осмысления и преобразования реальности, в том числе те, что осознают и минимизируют негативные последствия сепаратизма и революционных переворотов, может развивать сообщество, его отношения с собой и другими общностями.

Список источников и литературы

1. Бодрийяр Ж. Усталость // Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. — Москва: Культурная революция; Республика, 2006. — С. 230–234.
2. де Токвиль А. Демократия в Америке. — Москва: Прогресс, 1992. — 554 с.
3. Желтикова И. В., Гусев Д. В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. — Орел: Издательство ОГУ, 2011. — 172 с.
4. Ильенков Э. В. Философия и культура. — М.: Политиздат, 1991. — 464 с.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипулирование сознанием. — М., Алгоритм, 2000. — 256 с.
6. Никишин С. Отчуждение и революционность в современном мире: По материалам статей Э. В. Ильенкова // Э. Ильенков и социализм: Сб. научных статей по матер. «Ильенковских Чтений», 2001 г. / Под ред. С. Н. Мареева. — М.: Общероссийская ассоциация общественных объединений «Диалектика и культура», 2002. — С. 103–114.
7. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. — М.: Рольф, 2007. — 592 с.
8. Шестаков В. П. Эсхатология и утопия. — Москва: Владос, 1995. — 208 с.
9. Шульц Э. Э. Технологии бунта. — М., 2014. — 512 с.
10. Tainter J. A. The collapse of complex societies. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — 262 p.; 1990. — 224 p.

А. А. Камский

НАЧАЛО КУРОРТНОГО ОСВОЕНИЯ КРЫМА: САКСКИЕ ГРЯЗЕЛЕЧЕБНИЦЫ

Лечение грязями в Таврике описано ещё Геродотом в V в. до н. э. О том, что в здесь на солёном озере использовался «египетский» метод лечения грязью писали древнеримский писатель и учёный Плиний Старший и древнегреческий географ и астроном Клавдий Птолемей. Археологические находки подтверждают, что на берегу Сакского озера находилось святилище античного курорта, связанное с религиозным врачеванием. Но целебные свойства грязей стали предметом научного исследования только после успешного лечения на Южном берегу Крыма императрицы Марии Александровны.

Историческое первенство в деле развития крымских курортов принадлежит небольшому селу в 19 верстах от Евпатории, которое еще до Крымской войны получило широкую известность — это было, село Саки, славное залежами чудодейственных лечебных грязей.

Официальное грязелечение в Крыму начинается с 1827 г. Связано это с приездом евпаторийского уездного врача Николая Антоновича Оже, который первым стал осуществлять медицинское наблюдение за грязелечением. Н. А. Оже отмечал: «Целительные свойства грязей Сакского озера привлекают одержимых разными недугами со всего Крыма и даже из отдаленных мест России... Многие больные, находя неудобным купаться в самом озере, брали грязь... в город Евпаторию и, согревая её в турецкой бане, получали такое же облегчение» [1, с. 58].

Накануне Крымской войны здесь существовали два лечебных заведения — гражданское и для военных чинов, принимавшие свыше 250 человек ежегодно. Им не суждено было пережить бурные события середины века. В 1857 г. «Одесский вестник» сообщал: «... существовавшие до войны заведения преданы совершенному разорению. Та же участь постигла и обширную деревню Саки и все дома, принадлежавшие между прочим некоторым чиновникам... поэтому считаем долгом предупредить тех, которые пожелали бы приехать к предстоящему семестру пользоваться сакскими целительными грязями, что они не найдут в этом году даже тех удобств, которые существовали до войны» [3, с. 162].

По окончании боевых действий в Саки снова потянулись жаждущие излечения, и это обстоятельство поставило перед местными военными и гражданскими властями задачу воссоздания лечебных заведений, которое затянулось на несколько лет. Военное заведение отстроилось раньше. Им могли пользоваться только офицеры, солдаты, а также члены офицерских семейств. В 1889 г. в Саках лечилось 30 офицеров и 120 нижних чинов, хотя заведение могло принимать и большее количество боль-

ных, правда, лечебница, построенная по барачному типу, не могла похвастаться удобствами [3, с. 162].

Гражданская грязелечебница была достроена за счет губернского сбора в 1860 г. До 1864 г. она находилась в ведении Евпаторийского лечебного управления, после чего была отдана в аренду доктору Поспешиллю на 15 лет. Условия, считавшиеся самыми выгодными для арендатора, оказались крайне неблагоприятными для дела развития грязелечения. Бывший прусский военный врач мало занимался благоустройством вверенного ему заведения, и к концу срока аренды оно пришло, по словам очевидцев, «в самое печальное состояние» [3, с. 163].

В 1881 г. ведение лечебницы было передано Таврическому губернскому земству. Перед ним встала серьезная задача налаживания более или менее сносных условий жизни и лечения в данном учреждении. Земством была разработана целая программа «реанимации» лечебницы и выделены немалые средства на приведение ее в порядок. Уже через несколько лет грязелечебница в Саках превратилась в доходное заведение. Не будучи ни частным, ни государственным учреждением, а находясь в ведении местного самоуправления, она не только приносила немалые доходы в земскую казну, была не только образцовой с точки зрения благоустройства, но и предоставляла возможность недорогого и даже бесплатного лечения для малоимущих.

В 1887 г. было решено приступить к построению флигеля гостиницы на 20 номеров, в 1888 г. был выстроен барак для бесплатных земских больных, в 1891 г. расширена потельня, а через три года построена новая гостиница. В 1896 и 1899 гг. выстроены два новых ваннных здания с грязевыми площадками. Большое внимание земство уделяло благоустройству прилегающей местности. На приобретенных близ грязелечебницы нескольких десятках десятин был высажен парк, вырыты артезианские колодцы и устроено два озера. Все здания грязелечебницы были канализированы и снабжены водопроводом [3, с. 165].

В 1910 г. главным врачом лечебницы стал С. С. Налбандов, при котором медицинское обслуживание и благоустройство заведения достигло высшей ступени. В 1912 г. было построено двухэтажное здание института диагностики и физических методов лечения, а также здание для механотерапии. В 1913 г. открылась еще одна гостиница [3, с. 165–167].

Накануне Первой мировой войны Сакская грязелечебница предлагала большой спектр медицинских услуг и довольно высокий уровень комфорта. Больные принимались с 15 мая по 14 сентября, вне этого времени лечебница больных не обслуживала.

Лечение в Саках рекомендовалось при различных ревматических заболеваниях, болезнях костей и суставов, туберкулезе костей, уплотнении и утолщении тканей, застарелых формах сифилиса. Пользование грязями рекомендовалось и для лечения женских заболеваний, при кожных болезнях, а также некоторым нервным больным.

Саки. Вид на город (1909 г.)

Саки. Парк (Нач. XX в.)

Ресурсами Сакского озера пользовались в виде натуральных грязевых ванн, «разводных» грязевых ванн, рапных ванн и купания в озере. Грязевые ванны принимались на специальных прогреваемых солнцем площадках, на которые грязь доставлялась из озера по специальным рельсам. «Разводные» ванны, которых не существовало в лечебнице до 80-х гг. XIX в., принимались в специальных ваннных залах, преимущественно в тех случаях, когда плохая погода мешала принятию обычных грунтовых ванн. Рапные ванны готовились из соленой озерной воды, подогретой до определенной температуры, в специальных мраморных емкостях. Важным элементом лечения считался процесс потения, который проходил в специальных потельных комнатах, где больные отдыхали после принятия ванн. За всеми процедурами наблюдали семь штатных врачей, кроме них, существовал значительный обслуживающий персонал, отвечавший за

Больные в рапных ваннах (1911 г.)

доставку грязи, изготовление ванн, уборку и обслуживание пациентов лечебницы.

Саки в течение всего начала XX в. пользовались все возрастающей популярностью, о чем неопровержимо свидетельствует статистика посещения лечебницы. В 1880 г. в ней лечилось 286 чел., в 1893 г. — 545 чел., в 1903 г. — 1313 чел., в 1913 г. — 2921 чел. Но реальное количество пользовавшихся сакскими грязями было много большим. Так, если в 1887 г. лечебница отпускала 4690 процедур, то в 1899 г. — 21.247, а уже в 1910 г. их отпускалось 41.020. В Саках обычно лечилось в сезон не менее 5 тыс. человек. Неподалеку от гостиниц лечебницы свои заведения выстроило Духовное ведомство. Значительно расширилось также военное грязелечебное заведение, которое также принимало, хотя и в незначительном количестве, штатских клиентов [3, с. 167–168].

С прокладкой в 1915 г. Симферопольско-Евпаторийской железнодорожной ветки, которая прошла неподалеку от Сак, поток нуждающихся в грязелечении еще более увеличился, несмотря на то что уже шла Первая мировая

война. Даже в 1917 г. услугами лечебницы воспользовалось 4.722 человека, еще больше было просто приезжих [3, с. 168]. Также во время войны тысячи раненых солдат и офицеров нуждались в лечении и реабилитации целебными силами природы. Таврический губернатор Княжевич и созданный после начала войны Таврический губернский комитет по организации помощи больным и раненым воинам разработали грандиозный проект создания на базе Сакского и Мойнакского озер обширного санатория. Проект был опубликован в 1915 г. Речь шла о создании обширного лечебно-оздоровительного комплекса, функционирующего круглогодично и готового принимать ежегодно до 5 тыс. человек, а одновременно 800 больных. Предполагалось построить несколько ванн заведений, механотерапевтический институт, купальни, пять обширных гостиниц на 300 номеров, два пансиона, курзал с рестораном, бильярдной, читальней и т. д., хозяйственные помещения и дома для персонала, электростанцию, водопровод и канализацию, парк и т. д. Однако состояние экономики страны, ведшей войну, не позволило даже приступить к реализации проекта. С 1917 по 1920 гг. в связи с революционными событиями Сакский курорт не функционировал, дальнейшее развитие грязелечения в Саках пришлось на послереволюционный период.

В 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». Было образовано Центральное Управление курортами, которое возглавил Дмитрий Ильич Ульянов [4, с. 1]. Все санатории, дачи и особняки были национализированы и превращены в лечебные корпуса. Началось строительство новых санаториев, функционирующих и обслуживающих и в наше время, применяя более 40 видов бальнеопроцедур.

Список источников и литературы

1. Евпатория — 2500. — Симферополь; Ялта: Мир Информации, 2003. — 320 с.
2. Все о Крыме с любовью. — Симферополь; Ялта: Мир Информации, 2002. — 416 с.

3. Мальгин А. В. Русская Ривьера. — Симферополь: СОНАТ, 2004. — 352 с.
4. Хроника последних столетий Сакского курорта // Лекарь. — 1998. — Симферополь: Таврида. — С. 1.
5. Странички истории // Добро пожаловать на Сакский курорт: Приложение к городской газете «Слово Города». — Саки, 2002. — С. 1.

Н. С. Дружинина

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ШЕИХ-МОНАХСКОЙ (АНДРЕЕВСКОЙ) И ЦЮРИХТАЛЬСКОЙ ВОЛОСТЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ., ОТРАЖЁННЫЕ В «ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ФЕОДОСИЙСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ»

Земская реформа Александра II способствовала формированию местного самоуправления. На территории Таврической губернии земские органы начали свою работу в 1866 г. Итоги их деятельности зафиксированы в постановлениях губернских и уездных собраний, которые являются важным источником по изучению социально-экономической истории региона. Рассмотрим, какие сведения из «Постановлений Феодосийского уездного земского собрания» можно получить об особенностях развития Шеих-Монахской (Андреевской) и Цюрихтальской волостей, образующих по географическому положению единый регион.

Первое заседание Феодосийского уездного земского собрания состоялось в октябре 1867 г. В этот период регион по административно-территориальному делению соответствовал Шеих-Монахской волости (существовало несколько вариантов написания названия, указанный использовался в «Постановлениях...»). Пред-

ставителем от неё в конце 60-х гг. XIX в. был житель колонии Аблеш Генрих Андреевич Нефф. Он входил в состав комиссии по ревизии денежных книг и счетов земской управы. Нефф принимал участие в обсуждениях вопросов, поднимаемых на заседаниях собраний. А сам периодически выступал с инициативами, связанными с улучшением жизни иностранных колонистов [1, с. 51]. С момента образования Цюрихтальской волости в 1871 г. появились отдельно гласные от неё. На протяжении нескольких лет одним из таких был Вильгельм Петрович Фитерер, который являлся заведующим военно-конским участком [4, с. 60]. В начале XX в. активное участие в работе собрания принимал Генрих Натанаилович Симани. Он выступал по вопросам переоценки земельных владений, о сложностях, связанных с ремонтом дорог в волости и по проблемам финансирования учебных заведений [10, с. 6, 39].

Занятие сельским хозяйством являлось основным для большинства жителей региона. По показателям количества собранных зерновых культур Шеих-Монахская и Цюрихтальская волости были одними из лучших в Феодосийском уезде. В отдельные годы доклады на собраниях были посвящены влиянию погодных условий на урожайность [3, с. 38–39]. Представители от сельских обществ обращались за выдачей ссуд на ведение сельскохозяйственной деятельности. Например, в 1885 г. поселянам Менгермена, Митрофановки и Емельяновки выделили средства на посев яровых культур [3, с. 52].

Землевладельцы сталкивались с проблемой неверного учёта земельных имений, который вёл за собой требование уплаты налогов. Для исправления этого в земскую управу поступали ходатайства с прошениями о сложении записанных на имениях земских сборов. В 1892 г. Иван Карташёв обратился с заявлением, в котором указывал, что за ним по книгам земской управы числилось при деревне Муллакой 47 дес. земли, а она в действительности находилось в собственности других лиц. После проверки соответствующих документов задолженность

в размере 54,93 руб. с него была снята [6, с. 186–187]. Митрофану Ставровичу Грамматикову было приписано имение в количестве 13 дес. 477 саж. при деревне Ички. По итогам рассмотрения его обращения решением управы владение было признано несуществующим [8, с. 522–523].

На земских собраниях рассматривались вопросы по организации ярмарок и базаров. Общество поселян деревни Андреевка 18 августа 1896 г. просило о разрешении на открытие двух ежегодных трёхдневных ярмарок 21 апреля и 25 сентября для материального поддержания общества в 1897 г. [8, с. 452–453]. Емельяновское сельское общество ходатайствовало об организации в Емельяновке и Сейтлере еженедельных однодневных базаров по понедельникам. От него же в 1891 г. было высказано предложение о перенесении уже несколько лет действующей ежегодной ярмарки с 8 ноября на 1 октября из-за распутицы на дорогах, препятствующей приезду купцов. Все рассмотренные прошения получили одобрение [5, с. 261].

На страницах постановлений были отражены административно-территориальные изменения. Перенос административного центра из Шеих-Монаха в Андреевку произошёл в 1892 г. Однако на протяжении нескольких лет использовались одновременно два названия волости [7, с. 116]. Школьное образование в регионе было представлено Андреевским, Емельяновским, Ново-Ивановским, Митрофановским, и Эссен-Экинским народными училищами. В каждом учебном заведении работали по два учителя, помощь оказывали попечители. Процентное отношение девочек составляло 22–28 % от общего количества, а учеников от сельского сословия в пределах 75 % в последней трети XIX в. Одним из самых крупных училищ было Эссен-Экинское, открытое в 1885 г., на содержание которого земство отпускало по 220 руб. ежегодно, а 160 руб. тратило сельское общество. Важные сведения содержат в себе отчёты Феодосийского училищного совета по результатам ежегодных инспекций. По их итогам отмечено было преподавание законоучителя Ан-

дреевского училища священника Николая Олифиренко, который вознаграждения не получал, но исправно исполнял свои обязанности. А учитель Дмитрий Михайлович Михо был охарактеризован как один из самых трудолюбивых педагогов в школах уезда.

При учебных заведениях располагались библиотеки. Плата за обучение взималась только Андреевском училище в количестве трёх рублей в год за каждого ученика с родителей, не состоящих в сельском обществе. В Ново-Ивановском попечитель Лазарь Яковлевич Берберов доставлял бесплатно ученикам бумагу, чернила и перья, передал в дар арифметический ящик. При Андреевском и Ново-Ивановском учебных заведениях работали вечерние классы для взрослых, вознаграждение преподававших в них учителей составляло 30 руб. [3, с. 317–323].

Учителя Тимофей Антонович Телехов и Николай Иванович Калинин вызывались на курсы для изучения ручного труда, продолжительность которых составляла в первый раз шесть недель, а во второй два месяца. Занятия длились по семь часов в день кроме праздников, по вторникам и пятницам прибавлялся один час для чтения о технологии дерева и об истории ручного труда [5, с. 177–179]. Практические занятия вёл преподаватель Симферопольского городского училища Лычагин. По итогам освоения программы педагоги получили свидетельства на право преподавания в школах столярно-токарно-резного мастерства [6, с. 28–29]. И с 1893 г. курсы ручного труда были открыты в Ново-Ивановском и Эссен-Экинском училищах. Земством ассигновалось для приобретения станков и инструментов 90 р., на вознаграждение учителям по 60 руб. Обучались ученики в возрасте от 10 до 16 лет. На второй год была проведена инспекция классов ручного труда в училищах. Для этих же учебных заведений сельскими обществами были выделены земельные участки под сады и огороды [7, с. 166–167, 179].

Земство выделяло финансовые средства для ремонта зданий. На восстановление помещения Андреевского

училища было потрачено 265 руб. [5, с. 466]. В Эссен-Экинском учебном заведении осенью 1897 г. оборудовали мастерскую, расширили классное помещение [9, с. 136]. Возникали чрезвычайные ситуации. 17 апреля 1887 г. произошёл пожар в соседнем с Митрофановским училищем здании, огонь перекинулся на школу, повредив потолок и окна. К октябрю на средства митрофановской церкви ремонт был осуществлён [4, с. 190].

Отдельной статьёй расхода являлись средства, выделявшиеся на строительство или ремонт мостовых конструкций. По заключению дорожной комиссии составлялись сметы с подробным описанием основных действий и необходимых денежных сумм, которые предполагалось потратить. В 1888 г. были возведены два моста через реку Индол в деревне Аккобек, на которые выделили 1050 руб., план и смету составил землемер Иван Самсонов-Тодоров [4, с. 52]. В 1891 г. в Антае восстановили мостовую конструкцию вместо разрушенной 27 августа наводнением за 518 руб. [5, с. 136–138]. Капитальный ремонт был осуществлён в 1896 г. на Кайнашском мосту, проложенном через Булганакскую балку по дороге из Карасубазара на Керчь [8, с. 144].

Таким образом, в «Постановлениях Феодосийского уездного земского собрания» освещены вопросы экономического развития региона, проблемы учёта земельных владений, обращения с ходатайствами от представителей сельских обществ, данные о народных училищах, особенностях их функционирования и работе учителей, а также деятельность гласных от Шеих-Монахской (Андреевской) и Цюрихтальской волостей.

Список источников и литературы

1. Первое очередное Феодосийское уездное земское собрание 4–15 октября 1867 года / Феодосийская уездная земская управа. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1867. — 83, 137 с.
2. Протоколы Феодосийского очередного уездного земского собрания за 1882 и 1883 годы с приложением отчётов управы и медицинских уездных участков / Феодосийская уездная земская управа. — Феодосия: Тип. Ф. И. Де-Лобель. — 183, 139 с.

3. Протоколы Феодосийского очередного уездного земского собрания созыва 1885 года / Феодосийская уездная земская управа. — Феодосия: Тип. Ф. И. Де-Лобель, 1886. — 414 с.

4. Протоколы Феодосийского уездного очередного земского собрания созыва 1887 года / Феодосийская уездная земская управа. — Феодосия: Тип. И. М. Косенко, 1888. — 80, 83, 54, 50, 35, 196 с.

5. Протоколы Феодосийского очередного уездного земского собрания созыва 1891 года / Феодосийская уездная земская управа. — Феодосия: Тип. И. М. Косенко, 1892. — 484 с.

6. Постановления Феодосийского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 12-го февраля и очередной сессии с 23 по 27 октября 1892 года с приложениями / Феодосийская уездная земская управа. — Феодосия: Тип. И. М. Косенко, 1893. — XV, 109, 406 с.

7. Постановления Феодосийского уездного земского собрания 28-й очередной сессии с 20 по 24 сентября 1893 года с приложениями / Феодосийская уездная земская управа. — Феодосия: Тип. И. М. Косенко, 1894. — XIX, 119, 404 с.

8. Постановления Феодосийского уездного земского собрания 32-й очередной сессии с 3 по 7 октября 1897 года с приложениями / Феодосийская уездная земская управа. — Феодосия: Тип. И. М. Косенко, 1898. — XVI, 185, 535, 141, 95 с.

9. Непомнящий А. А. «Биобиблиография крымоведения»: из опыта создания региональной научной книжной серии // Библиография и книговедение. — Москва, 2018. — № 1. — С. 69–88.

10. Постановления Феодосийского уездного земского собрания чрезвычайной сессии 26 апреля 1911 г. и 46-й очередной сессии с 25 по 28 октября 1911 года с приложениями / Феодосийская уездная земская управа. — Феодосия: Тип. И. М. Косенко, 1912. — XX, 183 с.

11. Каркач Е. В. Заселение деревни Аблеш Феодосийского уезда как пример освоения Крыма немцами (по документам ГААРК) / Е. В. Каркач // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: матер. и иссл. / отв. ред. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев; КРКМ, КЭМ. — Симферополь, 2002. — С. 53–59.

12. Непомнящий А. А. Южный фасад империи: Крым во второй половине XIX — начале XX века / А. А. Непомнящий, А. В. Севастьянов // История Крыма. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — С. 248–283.

В. А. Масленникова

«АНГЕЛ СМЕРТИ»: ИСТОРИЯ ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Прежние эпохи красноречиво вещают нам о том, что дети — самый незащищённый элемент общества, «ахиллесова пята России». С введением более четкой регистрации смертей, с развитием земской и городской статистики в Российской империи обнажилась острая проблема — колоссальная детская смертность, по показателям которой Россия занимала первое место в Европе. В 50 европейских губерниях с общим населением, по данным переписи 1897 г., 94 215 415 чел., умирало ежегодно детей: до года 1 196 694 чел.; до пяти лет — 1 858 850 чел.; и до 15 лет — 2 100 757 чел., тогда как взрослых умирало ежегодно 991 044 чел. Самые страшные цифры коснулись грудничков, их умирало на 21 % больше, чем взрослых.

Прогрессируя из года в год, детская смертность становилась грозным социальным недугом и внушала серьезные опасения государству. Именно на нежном, слабом, не окрепшем детском организме, скорее всего и отображались все благоприятные и неблагоприятные стороны социально-бытовых условий населения. Таврическая губерния по детской, и по всеобщей смертности, принадлежала к районам с наиболее благоприятной местностью, где уровень детской смертности от 0 до 1 года равнялся 180% (процентное соотношение умерших детей ко всему числу родившихся). В сравнении с отдельно взятым городом Симферополем (203%), Оренбургом — 396,6%, Херсоном 275,5% — весьма положительный результат.

На современном этапе, по данным за январь–август, в Южном федеральном округе по показателю младенческой смерти, Ростовская область занимает непочетное первое место, на втором оказался Краснодарский край, а

третье место отвели Республике Крым. Цель данной статьи в том, чтобы раскрыть основные проблемы, касающиеся детской смерти в Таврической губернии. В связи с заданной целью формируется ряд задач: объяснить проблему недостаточно качественного медицинского обслуживания рожениц; выявить с помощью источников процент аборт в Таврической губернии; раскрыть вопрос смертности детей в приютах; найти основные причины смерти среди детей с середины XIX — до начала XX вв.

С конца XIX в. на уездных земских собраниях неоднократно поднимались вопросы о расширении деятельности акушерок в уездах. Планы были зачастую грандиозные: и обеспечение всех уездов достаточным количеством акушеров, и курсы акушерского мастерства в губернии, и наблюдение за деятельностью повитух. Однако все эти планы наткнулись на ряд проблем, которые тормозили введение повсеместной медицинской помощи. Существовали две основные проблемы: отсутствие материальной базы и преобладание суеверий среди сельского населения в отношении повивальных бабок. Со стороны земского управления была оказана посильная помощь повитухам, для улучшения медицинского обслуживания. Иногда отсылали их на курсы, либо выделяли пособия на проезд [11, с. 135]. Доверие к родильному дому постепенно росло, об этом свидетельствует то факт, что за период 1897–1903 гг., число родов в родильном доме увеличилось в 10 раз [2, с. 39]. Но все же, о желанном уровне говорить еще не приходилось: в 1908 г. в мелитопольском уезде было приблизительно 28,000 родов, а оказано акушерских пособий — 1,402 женщинам, что составляет 5% всех рожениц [3, с. 143].

Врач Г. Г. Поюровский, в своем исследовании, доказал, что каждая 8–9 беременность кончалась аборт [1, с. 98–99]. Исследовав 694 рожениц в г. Симферополь за 1895 г., он сделал так же ряд интереснейших выводов. Обратил внимание, что наибольшее количество абортов приходилось на русских женщин, число абортов равнялось 14,7% из всех обратившихся женщин русской национальности. Лидировали в таблице врача Г. Г. Поюровско-

Таблица №1

го француженки и польки (50% и 16,6% соответственно), но вряд ли на этом стоит акцентировать особое внимание, так как среди француженок значатся лишь одни роды и один аборт, а среди полек — 26 родов и 5 аборт. Эти национальности не проживали в Таврической губернии и не являлись постоянным контингентом. Так же, высокий процент абортируемых, по национальностям дали армянки (13,7%) [1, с. 98–99].

Во все времена общественность оправдывала и оправдывает право женщины на аборт, обращаясь к экономической составляющей, сетуя на то, что женщина не всегда может себе позволить ребенка материально (плодить нищету и иные изречения красноречивые свидетельства этому явлению). Однако, Г. Г. Поюровский представил на суд общественности весьма занимательную таблицу, в основу которой легло соотношение степени зажиточности зарегистрированных рожениц к количеству аборт в этой же социальной группе. Результаты были представлены в виде отношения аборт к родительницам: среди бедных 0,492; среди зажиточных 0,594, богатых — 1,125, а среди не указанных 0,316. В целом, если говорить о более точных цифрах, то это отношение можно выразить так: 5 аборт на 1 бедных женщин, 6 аборт на 10 зажиточных и 11 аборт на 10 богатых женщин [1, с. 101–103]. Казалось бы, парадоксальное явление — богатые абортировали чаще, чем бедные. Объяснение исследователь нашел только одно: богатые женщины прибегали к выскабливанию плода чаще, потому что «...желали абортировать, потому что их тяготит материнство, оно мешает им наслаждаться жизнью. Жажда удовольствий, беззаботной, комфортабельно обставленной, легкой жизни настолько сильна в среде богатых женщин, что совершенно заглушает столь естественное всякой женщине материнское чувство» [1, с. 103]. Так же, врач в своем труде писал о том, что было общеизвестно — богатая молодежь очень рано начинает «поклоняться богине Венере», и со свойственным их возрасту легкомыслием, пылом и увлечением приносили ей в жертву свое здоровье.

№ 7-й.

Таблица зажиточности рожениц по национальностям и соответствующее каждой из групп количество аборт.

Имущественное положение роженицы.	Руссия.		Еврей.		Арм.		Крымчак.		Греки.		Итал.		Татар.		Карай.		Поль.		Цыган.		Грузин.		Франц.		Чужон.		Всего.		Отношение аборт к роженицам.
	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	Роженицы.	Аборт.	
Бедная . . .	153	98	172	61	8	5	17	10	8	4	4	2	5	2	4	2	2	—	3	—	1	1	—	—	1	1	378	186	0,492
Зажиточная .	108	80	79	39	23	16	3	1	10	5	8	2	7	1	6	2	8	5	1	—	—	—	—	—	—	—	254	151	0,594
Богатая . . .	5	9	5	7	9	5	—	—	—	3	5	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	27	1,125
Состоятели не указана .	18	5	6	5	—	4	1	1	—	1	—	—	3	—	2	—	—	—	2	—	—	—	1	1	—	—	38	12	0,316
																												694	376

(Поюровский Г. Г. *Акушерская помощь в симферопольском уезде // Протоколы заседаний и труды Общества Симферопольских врачей за 1895/96 год. — Симферополь, 1897. — Т. 8. — С. 102.*)

Вопрос о призрании подкидышей и беспризорных детей, являлся одним из больших вопросов в социальной жизни населения. Весьма резкое изменение социально-экономических условий, которые способствовали образованию огромной прослойки промышленного и сельского пролетариата, порождало множество проблем, меняющих традиционные взаимоотношения между полами. Зачастую население сталкивалось с такими проблемами как: невозможностью обзавестись семьей в силу отсутствия стабильной материальной базы; внебрачным сожителем; уклонением от прямых родительских обязанностей. Разложение крестьянства повлекло за собой массовый уход в города, что в свою очередь отобразилось на росте внебрачных рождений. Учащались случаи, когда родители под давлением материального гнета оставляли детей на произвол судьбы.

Конечно же, в земстве обсуждались возможности выделения пособий на детей, ведь основной причиной отказа

от детей была именно материальная необеспеченность. Один из корреспондентов Вестника Таврического земства, доказывал, что от деток отказываются не потому, что они незаконно рожденные и компрометировали родившую девушку, а главным образом оттого, что кормить этих детей было нечем [9, с. 43]. Кстати, об этом так же свидетельствовал и возраст подбрасываемых детей.

В каждой губернии Российской империи существовали приюты, прозванные в народе «фабрикой ангелов» [12, с. 2]. Правила приема питомцев в приюты везде различались. К примеру, в Херсонской губернии, были созданы максимально комфортные условия для лиц, желающих сдать ребенка в приют. Дежурная фельдшерица не спрашивала ни имен, ни званий, да и плата за подкидыша не взималась. А вот в Таврической губернии, из-за отсутствия такой приемной политики, появлялись отдельные лица, которые за определенную плату от родильницы поставляли ребенка в приют [12, с. 2]. К примеру, в газете «Салгир» осветили такую ситуацию, когда полицией была задержана женщина 70 лет, «занимающаяся сбытом незаконнорожденных младенцев в виде промысла» [5, с. 3]. И этот эпизод был не единственным в жизни губернии.

В самой Таврической губернии, существовал детский приют, который содержало земство, обходящийся ежегодно в 120 000 рублей, из которых 87 000 уходило на содержание подкинутых детей, отправляемых на вскармливание в деревни, а на содержание самого приюта — 33 000 [6, с. 3]. Многолетняя система приютов была такова, что при поступлении ребенка зачастую отправляли в деревню на вскармливание. Для вскармливания нанимались кормилицы, которых, по обыкновению, в губернии было очень мало. В основном на одну кормилицу приходилось по несколько детей, естественно такое кормление можно назвать фикцией. Возникла необходимость прибегать к коровьему молоку либо к различным суррогатам. Не раз врачами, которые вели наблюдение, указывалось на то, что в деревне дело с питанием детей обстоит намно-

го хуже, нежели в городе [6, с. 4]. К примеру, выездная фельдшерица, оценивая условия проживания детей, из своих наблюдений сделала такой вывод: что «лишь 15% детей были помещены в хорошие условия питания и ухода» [9, с. 43]. Скорее всего, такое положение дел напрямую отображалось на высоком проценте детской смертности. По статистическим данным процент смертности среди подкинутых почти не опускался ниже 50% до одного года. А до совершеннолетия доживали лишь 12%. Однако даже такие ужасающие цифры считали прогрессом, ведь в первой половине XIX в. смертность в приютах доходила до 100% [6, с. 4].

Сам питомнический промысел (отдача детей на вскармливание в деревню) имел много отрицательных сторон. Одна из них: распространение сифилиса среди кормилиц от подкидышей. Такая ситуация вела к значительному вымиранию детей коренного населения, там, где был развит этот промысел. Это явление не ускользнуло от внимания крестьян. Поэтому к данному промыслу обращались лишь в случае крайней нужды.

В 1882 г. вышла в свет статья В. В. Корсакова «О призрании подкидышей в городе Симферополе», где были приведены данные за 1867–1871 гг. И судя по данным указанной публикации, дети мамок и дети прислуги содержались в том же помещении, где проживали и другие подкидыши, однако удивительно было то, что смертность грудных подкидышей в 6 раз превышала смертность детей мамок и прислуги (38,4 % против 7,8%) [8, с. 17]. После указанной публикации, в том же 1882 г., отчеты по приюту резко меняют свою форму. С этого года больше не выделялись отдельно подкидыши, дети арестантов или дети мамок. Детей делили на группу грудных детей, подростков и детей старшего возраста, с подразделением на мальчиков и девочек.

Исследователи детской смертности указывали на основные причины детской смертности в приютах, среди них: хроническое голодание, так как кормилица, вскармливающая не двух, а зачастую и трех детей, конечно же,

физически не вытязивала такого бремени; условия содержания. Так же, огромное значение имело состояние детей, попадающих в приют — в основном это были крайне истощённые, больные, умирающие детки. Если сравнивать смертность питомцев в других губерниях, то в Курской губернии цифры достигали 80,5%, а в Херсонской — 71% [8, с. 20]. Таким образом, подкидыши Симферопольского приюта имели больше шансов на выживание, нежели в иных губерниях. Но все же, проблемы приютов не различались: переполнение, скученность содержания, недостаток кормилиц, истощение детей, негативное эпидемическое положение из-за переполненности.

Эпидемии, истощение и неправильное питание затрагивало не только призреваемых детей, но и большую часть отпрысков обычного крестьянского населения.

Многое было сказано, многое написано об «ахиллесовой пяте» Российской империи. Доктором Д. Е. Гороховым названы самые актуальные на то время причины детской смертности:

- 1) способы вскармливания;
- 2) болезненность детей;
- 3) условия утробной жизни и рождения ребенка;
- 4) экономика населения;
- 5) грамотность и культурность населения;
- 6) алкоголизм;
- 6) гигиенические условия жизни населения [4, с. 32–33].

К примеру, нарушение пищеварения зачастую вело к летальному исходу. Было доказано, что среди 100 детей, которых с первых дней прикармливали крахмалистыми веществами, в том числе мукой Нестле, погибало 90%. Главная и почти исключительная пища для грудного возраста являлась молоко, то некоторые мамочки из-за незнания, прикармливали коровьим или козьим молоком. Уже к началу XX в., было доказано, что из существенных отличий женского молока от коровьего заключалось в том, что первое было стерильно, тогда как во-втором (даже если оно было только что сдоено при соблюдении чистоты) находилось до 5000 микробов.

Главная причина громадной смертности грудных детей в сёлах и деревне заключалась в неправильном кормлении и в неправильном уходе за ребёнком. Таким образом, незнание основ детского питания приводило к ужасающим последствиям, даже если ребенок оставался жив, проблемы с пищеварительной системой, а как следствие — со всем организмом, преследовали его долгие годы.

Светила экономических наук, в своих работах о причинах детской смертности саркастически подмечали: «Вместо азбуки русской женщине следует дать лишний кусок хлеба и хоть 1/4 ф. мяса в день и кое-какие средства на побочные расходы, и усиленная смертность отойдет в область преданий» [13, с. 61], однако, как было сказано выше — незнание основ детского питания, и являлось основной причиной гибели грудничков.

Все, что было указано доктором Д. Е. Гороховым как причина высокой смертности детей, было взаимосвязано. Слабое здоровье женщины, которое давало о себе знать либо с раннего детства, либо было подорвано в течении беременности, так же «давало свои плоды». Со всем нередки ситуации, когда мужчина не мог обеспечить семью, городская женщина работала практически до родов, а сельская — скрывала свою беременность до последнего, работая со всеми наравне. А вот сами мужья поговаривали: «Да что делается от родов бабе? Хоть корова вырасти у ней в пузе, и та выскочит» [10, с. 333]. А это в свою очередь опять же отражались на здоровье будущего ребенка.

Подводя итог, можно говорить о том, что комплексная программа по сокращению смертности среди детского населения в Российской империи, к моменту ее распада, выполнена не была. Да и заглядывая в современность, нельзя говорить о том, что смерть грудничка сейчас невероятная редкость. Основные исторические задачи, с которыми не смогла справиться Российская империя, для снижения уровня смертей среди детей это: грамотность населения, в половых вопросах, в вопросах об основах младенческого прикорма, элементарных медицинских

Е. В. Молочко

знаний; конкретная ответственность кормилиц и лиц, отвечающих за содержания питомцев приюта; повышение материального обеспечения населения; сокращение алкоголизации населения. К слову, современная Россия по коэффициенту младенческой смертности выходит на 150 место, и по состоянию на 2017 г., этот показатель упал до исторического минимума — 5,2%.

Список источников и литературы

1. Поюровский Г. Г. Акушерская помощь в симферопольском уезде // Протоколы заседаний и труды Общества Симферопольских врачей за 1895/96 год. — Симферополь, 1897. — Т. 8. — С. 95–109.
2. Грудинский Г. Севастопольская городская больница // Вестник Таврического земства. — Симферополь, 1903. — № 5. — С. 35–43.
3. Врачебно-санитарная хроника Таврической губернии / Таврическое губернское земство. — Симферополь, 1913.
4. Горохов Д. Е. Общественное значение, причины детской смертности и борьба с ней: из публичной лекций по гигиене детского возраста Московского общества борьбы с детской смертностью. — М., 1912. — 35 с.
5. Заметка // Салгир. — 1900. — 27 янв. — С. 3.
6. Янчевский Н. К вопросу о призрании подкинутых и бесприютных детей // Вестник Таврического земства. — Симферополь, 1904. — № 6. — С. 1–9.
7. Корсаков В. В. О призрании подкидышей в городе Симферополе // Протоколы заседаний и труды Общества Симферопольских врачей за 1892/93 год. — Симферополь, 1894. — Т. 5. — С. 12–21.
8. Корсаков В. В. О призрании подкидышей в городе Симферополе // О правильном питании детей // Протоколы заседаний и труды Общества Симферопольских врачей за 1895/96 год. — Симферополь, 1897. — Т. 7. — С. 21–54.
9. Артур. О Таврическом земском приюте подкидышей // Вестник Таврического земства. — Симферополь, 1903. — № 7. — С. 40–44.
10. Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. — СПб., 1903. — 404 с.
11. Постановления Симферопольского уездного земского собрания 36-й очередной сессии 1901 года с приложениями докладов и отчетов Управы. — Симферополь, 1902. — 374 с.
12. Приют подкидышей // Салгир. — 1900. — 10 марта. — С. 2.
13. Соколов Д. А. Смертность в России и борьба с ней. — СПб., 1901. — 77 с.

КРЫМСКИЙ ГОРНЫЙ КЛУБ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Конец XIX — начало XX вв. на территории Крыма отмечены активным развитием культурного добровольчества, ставшего неотъемлемой составляющей знакомства широких кругов общественности, школьников, гимназистов и студентов с памятниками истории и культуры Крыма. Это событие непосредственно связано с деятельностью научно-просветительских общественных организаций. Основная заслуга в поляризации богатого наследия региона принадлежала Севастопольскому, Феодосийскому и Ялтинскому отделениям Крымского горного клуба.

В 80-е гг. XIX в. среди ялтинской интеллигенции возникла идея организации экскурсионного дела и привлечения в культурное добровольчество молодежи. По инициативе местных учителей, врачей, инженеров был создан Кружок любителей природы, горного спорта и Крымских гор [1, с. 150]. Постепенно круг любителей экскурсий увеличился, и к концу 80-х гг. XIX в. было решено организовать специальный туристический клуб по образцу западноевропейских альпийских клубов. Ялтинские врачи Ф. Д. Вебер, В. Н. Дмитриев, председатель Таврической ученой архивной комиссии А. Х. Стевен, геологи Ю. А. Листов, Р. А. Прендель, Г. Д. Романовский выступили с инициативой создания Крымского горного клуба [2, с. 354].

Крымский горный клуб с административным центром в Одессе начал свою деятельность 6 мая 1890 г. Ялтинский кружок любителей природы был преобразован в отделение клуба. Однако датой основания Крымского горного клуба принято считать 25 января 1890 г., когда товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Шебеко утвердил устав, разработанный членами-учредителями Крымского горного клуба ботаником Ф. М. Каменским и геологом Ю. А. Листовым [3, с. 7].

Почтовая карточка: «Крым. Горный клуб».
Издательство Ф. Орлова в Ялте, Акционерное общество
«Гранберзь» в Стокгольме, 1910–1913 гг.

Главное значение придавалось развитию культурного добровольчества среди учащихся. Образовательные экскурсии ставили главной целью — ознакомление с историческими и природными памятниками Крыма. Продолжались они от 5 до 16 дней, как правило, в каникулярное время. Для каждой экскурсии правление составляло план, который затем утверждался попечителем Одесского учебного округа. Клуб брал на себя организацию приютов в местах остановок и питание [4]. Разнообразными были ученические экскурсии в Крыму. Они стали неотъемлемой частью развития культурного добровольчества, а также воспитательной работы гимназий.

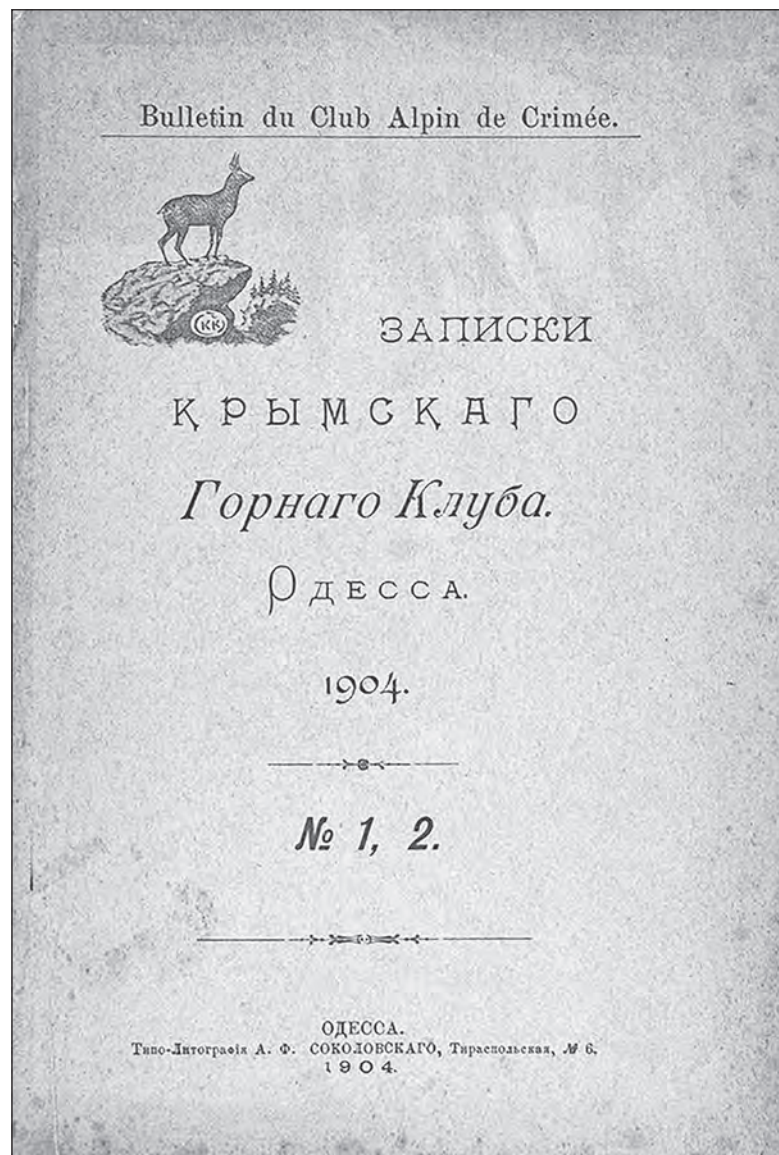
Эксперсии тщательно прорабатывалась правлением клуба (маршруты путешествий, остановки, привалы, ночлеги) [5, с. 19]. Клуб часто заранее ходатайствовал перед директорами местных гимназий о предоставлении помещения для остановки экскурсий на отдых или ночевку. Маршруты экскурсий постоянно совершенствовались.

Правление рекомендовало достопримечательности, которые желательно было посещать в первую очередь, а также при возможности. Руководителями экскурсий обычно были опытные, отлично знающие местность члены клуба — настоящие исследователи Крымского полуострова. В экскурсиях могли участвовать студенты высших учебных заведений и учащиеся трех старших классов средних учебных заведений. В ученических экскурсиях руководителями довольно часто являлись преподаватели данного учебного заведения.

Все проводимые Крымским горным клубом экскурсии можно разделить на 3 категории: 1) научные, связанные с исследованиями членов клуба; 2) образовательные — для учащихся; 3) туристические [1, с. 152]. За 25 лет (1891–1914) было проведено 156 экскурсий, из них 20 научных, 43 образовательных и 93 туристические [6].

Центральным и самым активным отделением клуба на протяжении всей его деятельности являлось Ялтинское отделение, открытое 23 апреля 1891 г. Из всех отделений оно просуществовало от момента зарождения клуба до его закрытия. К 1 января 1892 г. оно уже насчитывало 44 члена. На учредительном собрании клуба Владимир Николаевич Дмитриев (1837–1904) — врач-климатолог и организатор климатолечения в России — был избран председателем правления Ялтинского отделения и занимал эту должность до последних дней своей жизни. Это отделение впервые в России занялось широкой экскурсионной деятельностью, организацией многочисленных туристских поездок с целью развития культурного волонтерства — знакомства с памятниками истории и культуры Крыма.

Эксперсии Ялтинского отделения отличались большим разнообразием маршрутов. На рубеже XIX–XX вв. Ялтинское отделение клуба совместно с Обществом содействия благоустройству курорта Ялта начало активно разрабатывать пешеходные туристические тропы для облегчения экскурсий в горы. В 1899 г. первой была создана Штангеевская тропа, которая вела от водопада Учан-Су

Записки Крымского горного клуба. —
Одесса. — 1904. — № 1/2

на плоскогорье яйлы через наиболее живописные участки восточного склона. Позже появилась Боткинская тропа, созданная на деньги, пожертвованные почитателями профессора Сергея Петровича Боткина. Эта удобная для прогулок туристов тропа вела к водопаду Яузлар, окрестности которого отличались густыми сосновыми лесами. Несколько позже появились еще две горные тропы: Крестовая и Дмитриевская, названная в честь первого председателя Ялтинского отделения. На всем протяжении троп были установлены указания направлений и количество пройденных единиц пути, скамьи для отдыха, оборудованные смотровые площадки.

Однако пешеходные экскурсии в сравнении с экипажными пользовались значительно меньшей популярностью, поэтому число экскурсантов в них колебалось от года к году и не превышало 150 человек. Иногда часть маршрута можно было совершить с помощью лошадей, используя экипажи или линейки. Экипажные экскурсии клуба впервые стали функционировать с 1894 г. и завоевали большую популярность. В 1895 г. была разработана и опубликована подробная программа экскурсионных маршрутов.

К 1913 г. Ялтинское отделение имело шестнадцать экипажей с лошадьми, которых правление арендовало у сельского населения для экипажных экскурсий. Благодаря этой работе появилась особая категория приезжих — экскурсанты горного клуба, которые формировали летний сезон в Ялте, заполняя гостиницы, пансионы и многочисленные дачи. Большую часть летних туристов составляли гимназисты и студенты, для которых экскурсионное отделение клуба готовило учебные экскурсии.

Со временем летний экскурсионный сезон стал соперничать с пасхальным, в период которого также совершалось немало интереснейших учебных экскурсий. Члены клуба занялись разработкой программы экскурсий на период пасхального сезона, так появилось специальное предложение от Ялтинского отделения горного клуба — пасхальные экскурсии.

Почтовая карточка: «Крым. Ялта. Горная экскурсия».
Издательство Ф. Орлова в Ялте, Акционерное общество
«Гранбергъ» в Стокгольме, 1910–1913 гг.

10 августа 1894 г. Ялтинское отделение открыло первый в России туристский приют на горе Чатырдаг. На условии аренды у жителей деревни Биюк-Янкой участка земли с пещерами Бинбаш-Коба и Суук-Коба, отделение построило приют-убежище. Одной из его основных целей была охрана «пещер от безбожного разрушения сталактитов и сталагмитов, составляющих главное их украшение». Приют функционировал с конца апреля по 1 октября.

Лидерство принадлежало четырем маршрутам, экипажным и однодневным. Основу их составляли однодневные экскурсии в окрестностях Ялты (Ай-Петри, Ай-Тодор, Алушка, Гурзуф, Ливадия, Массандра, Никита, Ореанда, Симеиз, Учан-Су, Южнобережное лесничество), где были проложены короткие пешеходные маршруты. Наиболее притягательным во все годы оставался маршрут на Ай-Петри, откуда открывался великолепный вид на окрестные горы, Ялту и Черное море. Экскурсия на Ай-Петри

включала осмотр водопада Учан-Су, скал Пендикюль и Шишко. На обратном пути предлагались крепость Исар и дача А. П. Чехова проездом. Экскурсия в Алушку включала посещение Ореанды, мыса Ай-Тодор и Алушкинского дворца и парка. Путешествие в Гурзуф предполагало посещение Верхней Массандры, ее гротов, древнегреческой церкви и дворца. Затем осматривались Суук-Су, скала Пушкина, гурзуфские фонтаны, платан и кипарис Пушкина. В заключение следовал Никитский ботанический сад. Путешествие в Лесничество включало посещение Верхней и Нижней Массандры, а также Никитского ботанического сада.

Двухдневные экскурсии в основном охватывали памятники истории и культуры Южного берега Крыма. Экскурсанты в ходе их проведения посещали Байдарские ворота, Кара-Сан, Кучук-Ламбат, Партеит. Касательно наиболее популярных многодневных экипажных экскурсий, то поездка в Бахчисарай, например, обыкновенно занимала три дня. Она включала: осмотр окрестностей со скал Шишко и

Почтовая карточка: «Тип проводника в Ялте».
Издательство Штенгель и Комп., Дрезден, 1905 г.

Пендикюль, посещение Бахчисарая. На второй день путешественники направлялись в Успенский монастырь и Чуфут-Кале, завершалась экскурсия посещением Ай-Петри. Трехдневная экскурсия к Байдарским воротам включала посещение сталактитовых пещер Скели, осмотр Фороса и Чертовой лестницы проездом. Экскурсия на Чатырдаг занимала три дня и следовала через Алушту на Чатырдаг, где осматривались сталактитовые пещеры, а на обратном пути монастырь Святых Космы и Дамиана. Экскурсии на Чатырдаг лидировали среди многодневных экскурсий. Число участников поездок в Бахчисарай и на Байдары было невелико. Вообще многодневные маршруты не имели стабильности.

В первый год существования секция подготовила проводника, который был нанят на весь экскурсионный сезон, и за этот год было совершено 30 экскурсий, в которых приняли участие 318 человек. Наиболее популярными были экскурсии в Лесничество (6 экскурсий, 74 человека) и на Ай-Петри (5 экскурсий, 70 человек). К успехам секции нужно отнести составление 21 маршрута пешеходных экскурсий по Южному берегу Крыма, разнообразных как по своим целям, так и по дальности (от 10 до 65 верст). Они были лично пройдены и обследованы активистами секции.

Желающим ознакомиться с окрестностями Ялты предлагалось 19 пешеходных маршрутов. Например: 1) Ялта — крепость Исар — водопад Учан-Су — скала Пендикюль — скала Шишко — Ай-Петри — Ялта; 2) Ялта — водопад Верхний Яузлар — утес Ставри-Кая — Крестовая скала — крепость Исар — водопад Учан-Су — Ялта; 3) Ялта — водопад Учан-Су — Тарахшан — Яйла — Штангеевская тропа — Струйный водопад — утес Ставри-Кая — водопад Верхний Яузлар — Боткинская тропа — Ялта; 4) Ялта — пещера Иограф — Яйла — Ялта; 5) Ялта — источник Ай-Димитрий — водопад Нижний Яузлар — ущелье Буфилья-Дере — Ялта; 6) Ялта — Масандровский водопад — Лесничество — ущелье Уч-Кош — утес Балан-Кая — деревня Ай-Василь — деревня

Дерекой — Ялта; 7) Ялта — мыс Монтедор — Никитский сад — Ялта; 8) Ялта — Ореанда — Ай-Тодор — Ялта; 9) Ялта — Алушка — Симеиз — гора Ай-Панда — Лименский залив — Ялта; 10) Ялта — Партенит — Аю-Даг — Суук-Су — Гурзуф — Ялта; 11) Ялта — Мердвень Ялта — Чертова лестница — Байдарские ворота — долина Ласпи — мыс Сарыч — Форос — Ялта.

Особое значение придавалось развитию культурного добровольчества среди учащихся. Прежде всего, вовлеченными в работу клуба оказались ученики Ялтинской гимназии и коммерческого училища. Учащиеся сначала собирались в клубе по воскресным дням, чистили коллекции монет, приводили в порядок чертежи и минералогические коллекции, участвовали в экскурсиях. Ялтинское отделение клуба разрабатывало маршруты ученических экскурсий, выделяло специально подготовленных экскурсоводов, предоставляло конные экипажи на льготных условиях. В июне 1892 г. были проведены первые такие экскурсии для учеников Ялтинской мужской прогимназии в Магарач и Никитский сад, и учениц Ялтинской женской прогимназии — через селение Аутка к развалинам крепости Исар. В течение 1915 г. состоялось семнадцать краеведческих экскурсий гимназий Ялты. Профессор Новороссийского университета, врач Р. А. Прендель и краевед А. Л. Бертъе-Делагард разработали специальную программу «Основания для организации туристических экскурсий, устраиваемых Крымским горным клубом» [12]. Учитывая высокую стоимость экскурсий, клуб создал специальный ученический фонд, средства которого складывались с публичных лекций и пожертвований и шли на материальную помощь юным экскурсантам. Постепенно в туристическое движение учащихся включились многие губернии страны.

Привлекали учащихся к развитию культурного добровольчества через знакомство с историческими памятниками Крыма, куда устремлялись экскурсии земских школ, реальных, коммерческих, педагогических

училищ, а также слушателей учительских, фельдшерских и других курсов.

Анализируя экскурсионную деятельность Крымско-Кавказского горного клуба, нужно отметить, что основная часть всех экскурсий, которые проводились клубом, была устроена Ялтинским отделением, которое составляло ежегодные отчеты. Можно выделить четыре основных периода в развитии экскурсионного дела этого отделения.

В начале XX в. на развитии добровольческой деятельности общественных туристических организаций Таврической губернии, практиковавших экскурсионные походы, негативно отразились Первая мировая и Гражданская войны. Количество посещаемых объектов культурного наследия Крыма значительно сократилось по сравнению с довоенным периодом. Не смотря на это, отдельные экскурсии с целью изучения и охраны памятников проводились вплоть до 1920 г.

В 1905–1908 гг. последовал спад памятникоохранной деятельности Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба, обусловленный последствиями революции 1905–1907 гг., когда Российская империя переживала кризис, связанный также с последовавшей Русско-японской войной, поэтому Крым лишился большей части своих туристов. В 1908–1912 гг. клуб активно занимался исследованием и охраной памятников.

Период 1913–1916 гг. отмечен упадком экскурсионного дела в Крыму. Основными причинами было военное и революционное время, отсутствие экскурсионных групп. В 1913 г. было создано бюро пешеходных экскурсий, переименованное в марте 1914 г. в секцию пешеходных экскурсий Ялтинского отделения клуба. Перед секцией ставились следующие задачи: 1) планомерная организация пешеходных экскурсий в Крыму; 2) исправление старых и разработка новых пешеходных маршрутов; 3) установка на тропах знаков горного клуба; 4) устройство собраний желающих предпринять экскурсии при содействии клуба; 5) подготовка опытных проводников.

К успехам секции нужно отнести составление 21 маршрута пешеходных экскурсий по памятникам Южного берега Крыма. Знаки, установленные вдоль пешеходных троп и дорог, были указаны в путеводителе «Крым», выпущенном в 1914 г. Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы [7, с. 497].

В 1915 г. были прекращены групповые краеведческие экскурсии с использованием транспорта, но продолжались пешеходные экскурсии для местных гимназистов. Вокруг музея Ялтинского отделения был сформирован кружок из учащихся ялтинской гимназии и коммерческого училища, которые активно привлекались к добровольческой деятельности. Для них было проведено 17 экскурсий с целью знакомства с памятниками истории и культуры в окрестностях Ялты [8].

В конце 1916 г. было проведено несколько лекций и экскурсий для раненых офицеров и солдат, находящихся на лечении в Ялте [1, с. 152]. С осени 1917 г. правление клуба решило отказаться от экскурсий, но с наступлением сезона возобновило их, так как они были единственным средством существования Ялтинского отделения. В 1918 г. устраивались немногочисленные пешеходные экскурсии [9, с. 46]. В этих условиях члены Ялтинского отделения клуба предполагали осуществить структурную реформу после окончания Первой мировой войны. Планировали создать в Крыму три самостоятельные экскурсионные организации в Алуште, Бахчисарае и Ялте. Последняя должна была иметь свои представительства в Гурзуфе, Никитском саду, на Ай-Петри и Байдарах, а также в Южном лесничестве.

Активную добровольческую деятельность развивало Севастопольское отделение горного клуба в форме проведения экскурсий. Оно было основано 16 апреля 1891 г. и занималось исключительно организацией экскурсий. Однако с 1897 по 9 апреля 1902 гг. его деятельность была приостановлена. Затем оно продолжало работать до 1908 г., после чего было окончательно закрыто [1, с. 151]. Отделение организовывало однодневные и двухдневные экскурсии из Севастополя в Георгиевский монастырь, Ба-

лаклаву, к Байдарским воротам, Форос, на Мангуп-Кале, четырехдневные — на Ай-Петри или в Ялту.

2 августа 1916 г. было открыто Феодосийское отделение Крымского горного клуба. Основными его задачами являлись: 1) организация краеведческих экскурсий для учащихся местных учебных заведений; 2) создание условий для привлечения туристов в Юго-Восточный Крым — разработка экскурсионных маршрутов, улучшение состояния дорог, подготовка подробного путеводителя [10, с. 190]. Многие из этих начинаний так и не были выполнены. В отделении было две секции: музейно-лекционная и школьно-экскурсионная. Отделение провело две крупные экскурсии, общее количество участников которых составило не более двухсот человек. В августе 1916 г. экскурсанты посетили Коктебель и поднялись на Карадаг, а в сентябре они ознакомились с памятниками Старого Крыма и армянским монастырем Сурб-Хач [11, с. 147].

В это сложное время руководство клуба стремилось не прекращать памятникоохранную деятельность. В 1917 г. члены клуба занимались обследованием стоянок доисторического человека на Яйле в районе Ай-Петри. Было обнаружено пять подобных памятников, собрано около 500 кремневых орудий, 100 ядер и 11000 осколков кремня.

Последний сезон экскурсий гимназистов под руководством клуба на территории Крыма состоялся в 1920 г., когда его правление разработало образовательные экскурсии по искусству. Осенью 1920 г., когда фронт Гражданской войны приблизился к Крыму, Ялтинское отделение Крымско-Кавказского горного клуба прекратило свою деятельность.

Добровольческая деятельность Крымско-Кавказского горного клуба является несомненной заслугой в развитии отечественного волонтерства. Большое внимание клуб уделял развитию экскурсий для учащихся, целью которых было знакомство с памятниками истории и культуры Крыма. Клуб стал образцом для других туристических общественных организаций в деле популяризации и охраны историко-культурного наследия. Его основатели по-

лагали, что результаты научных историко-краеведческих исследований должны стать достоянием для участников экскурсий. Таким образом, в работе клуба четко прослеживаются два взаимосвязанных направления, нацеленных на развитие памятниковедения: организация экскурсий в Крыму, научная и добровольческая деятельность.

Важнейшей формой популяризации и охраны исторических памятников Крыма стали ученические экскурсии и научные экспедиции по их исследованию. Среди форм их изучения надо отметить: 1) беседы с местным населением; 2) сообщения экскурсоводов; 3) научные лекции и доклады для экскурсантов и местного населения, связанные с охраной историко-культурного наследия края; 4) издание отчетов по результатам экскурсий; 5) подготовка научных докладов Крымского горного клуба о состоянии наиболее ценных памятников полуострова; 6) работу по сохранению туристических объектов. Члены Крымско-Кавказского горного клуба изготавливали ограждения для археологических памятников Южного берега Крыма, очищали их от завалов и оползней, устанавливали охранные столбы и разъяснительные надписи в виде табличек. Названный комплекс просветительских и ремонтных мероприятий способствовал развитию культурного добровольчества, сохранению для будущих поколений значительного количества памятников истории и культуры на Южном берегу и в Горном Крыму.

Список источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории. — Москва, 2018. — № 11. — С. 29–48.
2. Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. — Белгород: Константа, 2018. — 216 с. — (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 27).
3. Листов Ю. Альпинизм и Крымский горный клуб // Известия имп. Русского географического общества. — 1890. — Т. 26, вып. 3. — С. 1–7.
4. Потоцкий С. Организация и образовательно-воспитательное значение школьных экскурсий // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. — 1905. — № 10/12. — С. 9–40.

5. Чопп И. Л. Крымско-Кавказский горный клуб. — Одесса: Электра, 2000. — 95 с.

6. Смирнов В. И. Отчет о деятельности Крымско-Кавказского горного клуба за 25 лет своего существования (1890–1914 гг.) // Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба 1890–1914 / под ред. М. А. Познанского. — Одесса, 1915. — С. 15–19.

7. Крым: Путеводитель / под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова / Крымское об-во естествоиспытателей и любителей природы. — Симферополь, 1914. — VII, 686 с.

8. Л. Евг. Группа учащихся любителей природы Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба // Ялтинская жизнь. — 1916. — 23 апреля.

9. Экскурсии Крымско-Кавказского горного клуба в 1916 году // Школьные экскурсии и школьный музей. — 1917. — Кн. 1. — С. 45–46.

10. Гейман В. Открытие отделения Крымско-Кавказского горного клуба в Феодосии и его задачи // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. — 1916. — Т. 5. — С. 189–190.

11. О деятельности Феодосийского отделения Крымско-Кавказского горного клуба // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. — 1917. — Т. 6. — С. 146–147.

12. Основания для организации ученических экскурсий в Крым, устраиваемых Крымским горным клубом // Записки Крымского горного клуба. — 1892. — С. 11–14.

М. И. Постовая

ПЛАВУЧИЙ ГОСПИТАЛЬ: СУДЬБЫ РАНЕННЫХ, ЛИЧНОГО СОСТАВА ГОСПИТАЛЕЙ И МЕДУЧРЕЖДЕНИЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И МЕДПЕРСОНАЛА ПРИМОРСКОЙ АРМИИ НА СОВЕТСКОМ ТЕПЛОХОДЕ «АРМЕНИЯ»

В разгар Второй Мировой Войны страны, вовлеченные в противостояние с Германией, применяли все возможные ресурсы, в том числе пассажирские и товарные суда. Их перестраивали в санитарный транспорт и использовали для перевозки раненых. В годы войны тройка судов Балтийского судостроительного завода была по-

топлена, однако самую большую тайну скрывает гибель теплохода «Армения».

До 1941 г. по Чёрному морю ходили прогулочные и туристические «крымско-кавказские» теплоходы. Первые теплоходы («Абхазия», «Грузия», «Украина», «Аджария», «Крым» и «Армения») появились в середине 1920-х гг. Одна часть из них строилась в Германии, а остальная — в Ленинграде на Балтийском судостроительном заводе. После начала войны «крымчаки», как их называли в народе, были переделаны в санитарно-транспортные суда и отданы медицинской службе Черноморского флота. На них перевозились раненые, дети, женщины и медицинский персонал. Судно «Армения» являлось самым крупным среди переоборудованных теплоходов: водоизмещение — около 6 тыс. тонн, длина — 112 метров, а вместимость — около одной тысячи пассажиров [1].

С началом Великой Отечественной войны теплоход «Армению» призвали на военную службу. На Одесском судоремонтном заводе её срочно переделали в плавучий госпиталь, рассчитанный на перевозку и оказание неотложной помощи 400 раненым.

10 августа 1941 г. «Армения» начала исполнять новые обязанности. Капитаном судна был определен Владимир Плаушевский. Главным врачом плавучего госпиталя назначили военврача 2 ранга Петра Андреевича Дмитриевского, который до этого был лицом гражданским и работал в одной из больниц Одессы.

Экипаж «Армении» состоял из 96 человек, а также 75 санитаров, 29 медсестер и 9 врачей. Петр Андреевич Дмитриевский, главный врач железнодорожной больницы города Одессы, которого хорошо знали многие в этом городе, стал руководителем медперсонала. На палубе и на бортах появились ярко-красные кресты, хорошо заметные с воздуха. Большой белый флаг с изображением Красного Креста был поднят на грот-мачте.

На борту «Армении» в любую погоду днем и ночью трудились медики, перевозилось много раненых. Судно совершило 15 невероятно опасных и тяжелых рейсов с ранеными. «Армения» перевезла около 16 тыс. бойцов, не

считая стариков, детей и женщин, которые были размещены в каютах членов экипажа [2].

К концу октября 1941 г. в Крыму сложилась катастрофическая ситуация. Одиннадцатая армия Манштейна, сметая советские линии обороны, занимала один город за другим. Угроза падения Севастополя в течение нескольких дней была более, чем реальной. В этих условиях 4 ноября 1941 г. «Армения» вышла из порта Туапсе в направлении Севастополя. На её борту находилось пополнение для гарнизона главной базы флота. До Севастополя «Армения» дошла благополучно. 5 ноября капитан В. Плаушевский получил предписание: принять на борт не только раненых, но и личный состав всех госпиталей и медучреждений Черноморского флота, а также часть медперсонала Приморской армии.

Учитывая, что в этот момент бои за Севастополь только разворачивались, приказ выглядел несколько странно. Историки, изучавшие этот вопрос, полагают, что командующий Черноморским флотом адмирал Филипп Октябрьский считал участь города предрешённой и решил начать эвакуацию. Эвакуация началась 6 ноября согласно приказу, поступившему от высшего командования днём ранее. Участник обороны Севастополя, полковник медицинской службы Александр Власов вспоминал о первых днях эвакуации: «Начальник отделения Главной базы 5 ноября получил приказание... госпитали и лазареты свернуть. На «Армению» было погружено около 300 раненых, медицинский и хозяйственный персонал Севастопольского военно-морского госпиталя (крупнейшего на флоте) во главе с главврачом его, военврачом 1 ранга С. М. Каганом. Здесь же оказались начальники отделений (с медперсоналом), рентгенотехники... Здесь же разместились 2-й военно-морской и Николаевский базовый госпитали, санитарный склад № 280, санитарно-эпидемиологическая лаборатория, 5-й медико-санитарный отряд, госпиталь от Ялтинского санатория. Были приняты на теплоход часть медперсонала Приморской и 51-й армий, а также эвакуированные жители Севастополя» [3].

Люди вели настоящую борьбу за посадку на любой транспорт. На улицах Севастополя в октябре и ноябре 1941 г. царила неразбериха. Из города эвакуировали все что можно. Госпитали, оборудованные в самом Севастополе и в штольнях, были полны ранеными, однако кто-то отдал распоряжение немедленно эвакуировать весь медперсонал. В наши дни, подъезжая к городу, из окна автобуса или вагона в районе Инкермана можно заметить глыбы и огромные нагромождения камней. Это взорванные госпитали, находившиеся в штольнях. Только легкораненые были эвакуированы оттуда на корабли по приказу Сталина. Е. Николаева, медсестра этого госпиталя, свидетельствует, что штольню вместе с «нетранспортабельными» взорвали, чтобы раненые не достались противнику. Представитель СМЕРШа руководил взрывными работами. Два доктора отказались эвакуироваться и погибли вместе с ранеными. Вице-адмирал Черноморского флота Ф. С. Октябрьский постоянно при себе держал эсминец «Бойкий». Он уклонялся от решения задач, связанных с охраной госпитальных и пассажирских судов и формированием конвоев при переходе морем. Он считал, что эти вопросы должны решать руководители гражданского флота.

6 ноября 1941 г. из Севастополя теплоход «Армения» вышел в 17:00, а в Ялту прибыл в 2:00 7 ноября. Здесь корабль ждали толпы беженцев. Вера Чистова, которой в 1941 г. было 9 лет, вспоминала: «Папа купил билеты, и мы с бабушкой должны были уйти из Ялты на теплоходе «Армения». Ночью 6 ноября на молу было полно народа. Вначале грузили раненых, потом пустили гражданских. Билетов никто не проверял, и на трапе началась давка. Смелые лезли на судно по вантам. В суете с борта скидывали чемоданы, вещи. К рассвету погрузку закончили. Но на «Армению» мы так и не попали. Сотни людей остались на молу. Мы с бабушкой пошли в мастерскую отца на набережной. Там я уснула» [4].

В тот момент остающимся попавшие на борт «Армении» казались счастливыми. На самом же деле всё обстояло в точности наоборот. 7 ноября 1941 г.

Ф. С. Октябрьский получил директиву Ставки, в которой говорилось: «Севастополя не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами». Однако до 7 ноября распоряжений из Москвы не было, потому «Армения» принимала на борт не только эвакуируемых медиков. На борт поднялись актёры местного театра имени Луначарского, руководство и сотрудники пионерлагеря «Артек» и многие другие.

Никаких точных списков тех, кто поднялся на борт «Армении», не было. Капитан В. Плашевский получил один приказ: после погрузки в Севастополе зайти в Ялту, где принять на борт беженцев и местный партийный актив. После отхода из Севастополя пришло дополнительное распоряжение: зайти в Балаклаву и забрать специальный груз. Ящики на борт были доставлены в сопровождении сотрудников НКВД. Возможно, это было золото или ценности из музеев Крыма.

Нужно заметить, что по законам войны санитарное судно, несущее соответствующие опознавательные знаки, к таковым не относится. Одни утверждают, что «Армения» была обозначена красным крестом, а значит, атака на теплоход — ещё одно преступление гитлеровцев. Другие возражают: свой статус «Армения» нарушила наличием на борту четырёх 45-мм зенитных пушек. Третьи и вовсе уверены, что теплоход, занимавшийся не только перевозкой раненых и беженцев, но и военных грузов, не имел знаков санитарного судна. В качестве прикрытия «Армению» сопровождали два катера-сторожевика, а в небе находились два советских истребителя И-153.

Обстоятельства роковой атаки на теплоход тоже противоречивы. Долгое время считалось, что «Армения» стала жертвой нападения нескольких десятков бомбардировщиков. Об этом рассказывала одна из выживших пассажиров, жительница Ялты Анастасия Попова: «Выйдя в море, теплоход был атакован вражеской авиацией. Начался сущий ад. Взрывы бомб, паника, крики людей — всё смешалось в неопишемом кошмаре. Люди метались

по палубе, не зная, куда укрыться от огня. Я прыгнула в море и поплыла к берегу, теряя сознание. Как оказалась на берегу — даже не помню» [5].

В настоящее время более достоверной кажется версия о том, что самолёт был всего один: немецкий торпедоносец He-111, принадлежавший к первой эскадрилье авиagrуппы I/KG28. Это не была целенаправленная атака на «Армению»: торпедоносец искал любое из транспортных советских судов на линии «Крым — Кавказ». Зайдя со стороны берега, He-111 сбросил две торпеды. Одна прошла мимо, а вторая в 11 часов 25 минут попала в носовую часть теплохода. Теплоход «Армения» затонул всего за четыре минуты. Спасти удалось всего восемь человек из тех, кто был на борту.

Официальный рапорт о гибели «Армении» гласит: «В 11 ч. 25 м. (7 ноября 1941 года) ТР «Армения», шедший в охранении двух сторожевых катеров из Ялты в Туапсе с ранеными и пассажирами, был атакован самолётом-торпедоносцем противника. Одна из двух сброшенных торпед попала в носовую часть корабля и в 11 ч. 29 м. он затонул в ш = 44 гр. 15 мин. 5сек., д = 34 гр. 17 мин. Спасено восемь человек, погибло около 5000 человек» [1].

Есть предположение, что настоящее место гибели «Армении» не там, где указано в документах. Согласно этой версии, капитан В. Плашевский направил судно не в Туапсе, а в Севастополь, под защиту ПВО базы флота, но по пути был атакован торпедоносцем [8, с. 520].

В день трагедии, 7 ноября 1941 г. в Москве на Красной площади прошёл парад в честь празднования 24-й годовщины Октябрьской социалистической революции. Во время войны и после её окончания факт трагедии замалчивался, поэтому достоверной информации о месте гибели «Армении» и числе погибших долгое время не было.

Один из организаторов обороны Севастополя Пётр Моргунов в 1970-х гг. в своих мемуарах «Героический Севастополь» о трагедии упомянул: «6 ноября из Севастополя вышел санитарный транспорт — теплоход

«Армения» с ранеными бойцами, работниками главного госпиталя и эвакуированными гражданами. Он зашёл в Ялту, где также забрал часть эвакуированных из Симферополя, и утром 7 ноября вышел курсом на Кавказ. В 11 часов 25 минут недалеко от Ялты транспорт, хотя имел отличительные знаки санитарного судна, был торпедирован фашистским самолётом и через четыре минуты затонул. Погибло много жителей, врачей и раненых» [4].

В конце приведённого отрывка имеется сноска на дело №19, хранящееся в Центральном военно-морском архиве. Недавно историкам стало известно, что в 1949 г. (по другим данным — в 1947 г.) оно было засекречено и уничтожено. Некоторая информация о трагедии содержится в третьем томе «Итогового отчёта по боевой деятельности Черноморского флота за время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», опубликованном в 1956 г. В очерке сообщалось, что 7 ноября 1941 г. на «Армении» погибли 7 тыс. человек, спаслись лишь восемь человек [6, с. 24].

В книге «Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Чёрном море», изданной историческим отделом Наркомата ВМФ СССР в 1946 г., но лишившейся грифа «совершенно секретно» только в 1989 г., приводятся сведения о времени и координатах нахождения судна во время обстрела. Единственная зацепка для будущих поисков появилась в 1991 г. Ею стала выписка из документа, хранящегося в материалах Музея медицинской службы Черноморского флота. В нём речь шла о 7 тыс. погибших на теплоходе «Армения», подвергшихся атаке с воздуха у посёлка Гурзуф в районе Медведь-горы (Аю-Дага).

Специальное расследование, посвящённое поиску места гибели «Армении», провёл в советские годы капитан II ранга, учёный секретарь Военно-научного общества Севастополя Сергей Соловьёв. Ему удалось ознакомиться с частично сохранёнными архивными документами и с показаниями очевидцев, среди которых было свидетельство катерника с морского охотника «МО-04» М. М. Яковлева, сопровождавшего судно: «7 ноября, около 10 часов утра,

в районе мыса Сарыч над нами пролетел немецкий разведчик, а через непродолжительное время над водой на бреющем полёте, едва не касаясь гребней волн (погода была штормовой и нас болтало основательно), в наш район вышли два вражеских торпедоносца. Один из них начал делать разворот для торпедной атаки, а второй пошёл в сторону Ялты. Открыть огонь мы не могли, так как крен катера достигал 45 градусов. Торпедоносец сбросил две торпеды, но промазал, и они взорвались в прибрежных камнях мыса Айя. Нас поразила сила взрыва — не видели мы до этого более мощного, и почти все разом сказали, что если второй торпедоносец достанет «Армению», то ей недобровать» [7, с. 14].

Из этого рассказа следует, что судно «Армения» в то самое утро, 7 ноября, возможно, находилось на пути из Ялты не в Туапсе, а обратно в Севастополь, потому что мысы Сарыч и Айя находятся западнее Ялты, по направлению к Севастополю. Таким образом, письменные свидетельства позволили определить несколько предположительных мест гибели судна, но так или иначе все они находятся в районе ялтинского побережья.

Дно Чёрного моря даже на данный момент с современными технологиями мало обследовано. Останки теплохода «Армения» до сих пор не найдены. И никто не знает, что было в этих злополучных ящиках, которые стали одной из причин гибели 4,5-7 тысяч людей, гибели первоклассных советских докторов, которые могли спасти сотни жизней солдат. Надеемся, что однажды и в этой истории будет поставлена точка. Жители и гости Ялты посещают часовню, которая была сооружена на набережной города в честь памяти погибших на теплоходе «Армения».

Список источников и литературы

1. Эпштейн Э. Гибель «Армении»: история теплохода, затопленного немецкими войсками в Чёрном море [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.rt.com/73h4> (дата обращения 28.10.2018).
2. Пасякин В. Трагедия «Армении» // Красная звезда. — 2005. — 23 июля.

3. Шилов И., Русин М. Поиск «Армения» засекречен // Крымский Телеграф. — 2016. — 12 авг.

4. Бадунц М., Лелеко Д. Министерство обороны России рассекретило уникальные документы о теплоходе «Армения» // Севинформбюро [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://armenia.im/15/175548> (дата обращения 28. 10. 2018).

5. Непомнящий Н. Военные катастрофы на море [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.razlib.ru/istorija/voennye_katastrofy_na_more/p8.php (дата обращения 28.10.2018).

6. Барановский А. М., Пономаренко В. Н., Смекалов А. В., Юрко В. И. «Фашистские изверги безжалостно расстреливали из пулемётов беззащитных людей», гибель санитарно-транспортного судна «Армения» // Военно-исторический журнал. — 2016. — № 4. — С. 23–26.

7. Черников О. Г., Черный В. С., Займагов С. В. Особенности морской эвакуации раненых и больных в годы Великой Отечественной войны // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. — 2015. — № 2. — С. 13–17.

8. Селюнина Н. В. Эвакуационный процесс на водном транспорте юга России в начальный период Великой Отечественной войны // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Матер. IV Межд. науч. конф., посв. 75-летию победы в Сталинградской битве, 20–21 октября 2017 г., г. Волгоград: в 2 ч. — 2017. — Ч. 2. — С. 513–521.

В. В. Дудка

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ПЕРВОГО ОБОБЩАЮЩЕГО ТРУДА ПО ИСТОРИИ КРЫМА

Во второй половине 40-х–50-е гг. XX в. в крымской исторической науке ведущую роль играл Павел Наумович Надинский. Его настоящей имя Савелий Посягин, псевдоним он взял во время работы во Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР (далее — ВЧК). Родился 25 декабря 1894 г. в селе Александровка, неподалеку от Уфы, в семье крестьянина. В 1904 г. семья перееха-

ла в город, где он получил трехклассное образование. С 1907 по 1914 гг. Савелий Посягин работал на различных фабриках. В 1915 г. был призван на военную службу, участвовал в Первой мировой войне. Осенью 1917 г. вступил в ВКП(б). Во время Гражданской войны работал в ЧК. После окончания войны Павел Наумович занимал различные управленческие должности в Московской губернии, Дальнем Востоке, Хабаровске, Рязанской губернии и Туле. С 1931 г. жизнь связала его с Крымом, где в период с 1931 по 1936 гг. занимал руководящие должности. В 1936 г. в связи с ампутацией конечностей обеих рук он ушел с партийной службы и занялся самообразованием по различным вопросам отечественной истории. Активно публиковал различные заметки в местных газетах и журналах, издал такие книги, как: «Страницы из жизни крымского комсомола», «Суворов в Крыму», «Л. Н. Толстой в Крыму», а в 1948 г. Павел Наумович возглавил группу историков Сектора истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР.

В годы Великой Отечественной войны П. Н. Надинский находился в эвакуации в Уфе. При этом он продолжал поддерживать связь с крымскими коллегами, которые присылали ему письма и свежие газеты. В одном из писем он узнал, что оккупационная газета «Голос Крыма» призывает жителей полуострова предоставить материалы, касающиеся истории немцев-колонистов и памятников немецкой культуры в Крыму.

23 июня 1949 г. Павел Наумович выступил с докладом «Против извращения исторического прошлого Крыма и об очередных задачах крымских историков», на собрании в парткабинате Симферопольского горкома ВКП(б). Он отметил, что «надо прямо откровенно сказать, что подавляющее большинство ранее написанных трудов и исследований по истории Крыма содержат много принципиальных ошибок и искажений исторической действительности». В данном докладе была поднята и тема скифов: «Виднейшие историки нашей страны на основании убедительных исторических данных дока-

зали, что сколоты, обычно именуемые в исторической литературе скифами, являются одними из предков восточных славян». В резолюции по итогам собрания среди мероприятий предусматривалось приступить к написанию многотомного труда по истории Крыма. Было решено активно включить в работу Общество по распространению политических и научных знаний. На основании данного доклада П. Н. Надинский написал записку в обком ВКП(б) «Об извращениях исторического прошлого Крыма», на имя секретаря П. И. Титова. Доклад был поддержан руководством и направлен в ЦК партии в виде «Записки в ЦК ВКП(б) об ошибках при освещении исторического прошлого Крыма», в которой была дана оценка изучению Крыма в прошлом. В ней указывалось, что «на крымском историко-археологическом материале, используя его исторические памятники и музеи, буржуазные ученые, выполняли заказ своих империалистических хозяев. Многие деятели создавали различные «теории» и «теориейки», пытались обосновать «законность» претензии своих государств на Крым». В ней была дана оценка и готам, теория о которых получила по мнению авторов записки «особенно широкое распространение», а «теория» является одной из многих созданных буржуазными германскими историками для оправдания агрессивной империалистической политики немецкой буржуазии». В ней также отмечалось что преувеличена роль Крымского ханства в истории полуострова, слабо показаны славяне в древней и средневековой истории Крыма, что почти не изучается связь между жителями Русской равнины и Крымом, присоединение Крыма к России показывается не как историческое право на полуостров, не как событие носящие прогрессивный характер, а как захват территории полуострова. В итоге, было предложено подготовить к изданию многотомного труда по истории Крымского полуострова.

Вопрос о создании первого обобщенного труда по истории Крыма обсуждался на заседании Ученого совета Крымского филиала Академии наук СССР и Сектора

истории и археологии в сентябре 1949 г. Тема «Очерков по истории Крыма» была включена в план специальных мероприятий по предложению местных партийных и советских организаций. Книга рассчитывалась на массового читателя. Решением Ученого совета Крымского филиала Академии наук СССР «Очерки по истории Крыма» под авторством П. Н. Надинского были вынесены в отдельное мероприятие на 1950–1951 г. В аннотации автор указывал: «Создание научно-популярного очерка по истории Крыма диктуется насущной необходимостью. Население Крымской области и, в первую очередь переселенцы хотят знать историю края, в которых они живут и трудятся» [3, л. 75]. В объяснительной записке говорилось, что историю Крыма следует изложить кратко и в научно-популярной форме. Таким образом, Очерки, в первую очередь, предназначались для новых жителей Крыма — переселенцев. Также здесь указывалось, что в подобной работе заинтересован преподавательский состав крымских институтов, техникумов и школ.

Во время обсуждения концепции готовящегося издания высказывалось различные точки зрения. Так, Е. В. Веймарн выступил против вынесения на рассмотрение читателей документов в конец каждого раздела. По его мнению, это лучше было бы сделать в начале работы. П. Н. Надинский предполагал сделать список литературы постраничным, чтоб не сосредотачивать весь массив литературы в конце раздела или книги.

Павел Наумович начал работу над сбором материала и написанием Очерков в мае 1950 г., планируя к концу года закончить первую их часть. Как и предполагалось, Надинский в срок завершил написание истории Крыма, однако 20 июня 1950 г. на страницах газеты «Правды» И. В. Сталин выступил против «учения Н. Я. Марра», признав его не марксистским. Так подготовленный обобщенный труд по истории полуострова был обречён на провал. В 1951 г. книгу нужно было уже сдавать в «Крымиздат», а времени переделывать что-либо уже не оставалось.

В начале 1951 г. рукопись «Очерков по истории Крыма» обсуждалась на заседании Сектора истории и археологии. Е. В. Веймарн рекомендовал заменить словосочетание «издревле славянская земля» на «издревле русская земля». Заведующий Сектора истории и археологии П. Н. Шульц посоветовал Павлу Наумовичу не критиковать исторические труды о Крыме, написанные в период с 1917 по 1941 гг. П. Н. Надинский указывал, что никто из коллег по Сектору истории и археологии ему не помогает в написании «Очерков по истории Крыма» [3, л. 65]. Борис Дмитриевич Греков в письме от 26 сентября 1951 г. к Павлу Наумовичу не соглашался с трактовкой вопроса об этногенезе славян. Он напомнил, что кроме славян в Крыму жили и другие народы.

В 1951 г. началось рецензирование «Очерков по истории Крыма». Сотрудник Сектора истории и археологии Крымского филиала АН СССР Е. В. Веймарн, в своих замечаниях указывал что «написание популярной работы по истории Крыма в настоящий момент, когда еще не разрешены основные, угловые ее вопросы, дело очень трудное, очень ответственное, с другой стороны очень сильное. Тем более следует подчеркнуть эту смелость в изложении разных эпох, так как автор является специалистом времени начиная с XVIII в., следовательно, ему, в очень спешном порядке, пришлось освоить и оценить огромный багаж в очень короткий срок» [4, л. 2].

Секретарь Крымского областного комитета КПСС В. А. Горин в своем заключении по работе писал: «Общее замечание: работа ценна и весьма нужна. Я не обнаружил в ней недостатков, которые бы обязывали Вас к коренной переработке той или ной главы. Первая половина работы, посвященная истории Крыма с древнейших времен нуждается в пополнении фактическим материалом из тех новейших данных историко-археологических исследований, о которых в тексте только упоминается, или на которые Вы только ссылаетесь» [5, л. 1]. При этом он посоветовал переименовать «Очерки по истории Крыма»

в «Краткие очерки по истории Крыма» и уменьшить количество страниц.

Профессор К. В. Сиваков в рецензии на работу подчеркивал, что дать на двухстах с небольшим страницах очерк истории Крыма с древнейших времен до 1917 г. трудная задача. Он также отмечал, что, глядя только на оглавление работы Павла Наумовича, можно сделать вывод, что там нет никакой научной концепции [6, л. 3]. Профессор обращал внимание, что в «Очерках по истории Крыма», просто хронологически пересказана история Крымского полуострова.

В своем отзыве на работу А. В. Данилова указывала основные недостатки труда, которые состоят в неясности периодизации истории Крыма, упрощении исторического процесса о связи Крыма с русской землей, неопределенности судьбы аборигенного населения полуострова в период татаро-монгольского периода и упрощенном изложении вопросов истории России [7, л. 3]. Также она сделала замечания что, название «Очерки по истории Крыма» обязывает к менее полному изложению социально-экономической и политической истории Крыма.

Кандидат исторических наук А. И. Баранович, соглашался с П. Н. Надинским в вопросе по тезису что «Крым — славянская земля», указывая что «автор рассматривает историю Крыма, как историю издревле русской земли. В самом деле Крым — только сравнительно небольшой полуостров обширного материка, заселённого восточно-славянскими народами, жизнь этого полуострова всегда непрерывно связана с жизнью материка, с обширной славянской страной». Однако он и критиковал Павла Наумовича, за то, что присутствует слабая аргументация тезиса о том, что «Крым — славянская земля».

26 мая 1951 г. в Крымском филиале АН СССР состоялось обсуждение результатов проверки работы П. Н. Надинского комиссией Президиума АН СССР, на которой автор сообщил, что «в период Великой Отечественной войны население Крыма изменилось, кроме того во время войны вскрылись и другие факты. Мы увидели здесь го-

тов, татар и другие племена, что совершенно неправильно. К нашему сожалению не все товарищи осознали это. Нам необходимо противопоставить этим освещениям, свои советские. Мы хотим рассказать колхозникам, что они приехали не на татарскую землю, а на русскую».

Выход в свет первой части «Очерков по истории Крыма» было запланировано на конец декабря 1951 г., однако книга была подписана к печати лишь 7 января 1952 г. труд был издан тиражом в 15 тыс. экземпляров. Очерки сразу вызвали оживленную дискуссию в среде историков. Первый том активно обсуждался на Объединенной научной сессии Отделения истории и филологии и Крымского филиала Академии наук СССР. Член-корреспондент Академии архитектуры СССР В. Д. Блаватский заметил, что в этой книге Древняя Греция подается как единое государство, а не как множество небольших рабовладельческих государств. Кандидат исторических наук С. А. Секиринский заметил, что «Надинский подчеркивает хищнический характер гетуэзских колоний, но, во-первых, эта характеристика носит слишком общий характер, а, во-вторых, автор допустил фактические ошибки по истории основания Кафы». Кандидат исторических наук Д. М. Каллистов раскритиковал автора за игнорирование роли античной цивилизации в формировании скифской культуры, изображая развитие последней на территории Крыма без раскрытия взаимоотношения с такими крупными античными центрами как Херсонес и города Боспорского царства. По итогам работы Объединенной научной сессии Отделения истории и филологии и Крымского филиала Академии наук СССР Президиум Академии наук СССР постановил, что необходимо переиздать первую часть «Очерков по истории Крыма».

В первом томе «Очерков по истории Крыма» П. Н. Надинский следующим образом характеризовал свое отношение к «славянскому вопросу»: больше того, советские ученые, исследуя письменные памятники и материалы археологических раскопок, пришли к убеждению, что

скифские земледельческие племена Приднепровья являются не только историческими предшественниками, но одним из прямых предков восточных славян. О том, что скифы участвовали в историческом формировании славянства, говорил еще великий русский ученый Ломоносов в своей «Древней Российской истории». Теперь в рядах советских ученых становится общепризнанным, что скифы являлись одним из предков восточных славян. Третьи зачисляются в предки славян только тех скифов-земледельцев, которые жили по среднему течению Днепра, и только по правому его берегу» [30, с. 22].

26 мая 1953 г. состоялось совещание в Крымском филиале АН СССР по обсуждению книги П. Н. Надинского, в котором принимали участия представители Крымского педагогического института, музеев города и местные учителя истории. Всего на совещании присутствовало 48 человек. В результате было внесено целый ряд предложений, необходимые дополнения в отдельные главы книги. Обсуждение первой части Очерков проводилось в связи с решением Президиума АН СССР о ее переиздании. Доктор геолого-минералогических наук Я. Д. Козин в своем выступлении отметил, что выход в свет книги «Очерки по истории Крыма», представляют собой крупное событие в культурной жизни Крымской области. Он также отметил, что участники сессии 1952 г. дали работе вполне положительную оценку, но выявили ряд серьезных ошибок. В итоге, Павел Наумович признал свою ошибку по вопросу скифо-славянского родства: «Свою ошибку, я вижу в том, что выдвинул положение об участии крымских скифов в этногенезе славян, в том, что, эту еще дискуссионную проблему, без достаточной научной аргументации, я выдал за решённую».

Первую часть «Очерков по истории Крыма» планировали переиздать после издания третьей части обобщенного труда по истории полуострова. В 1951 г. за заслуги в области науки, ученый совет Института истории АН СССР и Высшая аттестационная комиссия Мини-

стерства высшего и среднего специализированного образования СССР, без защиты диссертации присвоила степень кандидата исторических наук Павлу Наумовичу Надинскому. В 1957 г. в свет увидел второй том «Очерков по истории Крыма». Павлом Наумовичем была начата работа над третьим и четвертым томами, которые были изданы уже после его смерти.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 125. Л. 75.
2. Там же. Д. 128. Л. 168.
3. Там же. Д. 7. Л. 67.
4. Там же. Ф. Р-3296. Оп. 1. Д. 358. Л. 24.
5. Там же. Д. 360. Л. 12.
6. Там же. Д. 372. Л. 8.
7. Там же. Д. 363. Л. 3.
8. Там же. Д. 356. Л. 8.
9. Там же. Д. 357. Л. 4.
10. Там же. Д. 361. Л. 4.
11. Там же. Д. 375. Л. 2.
12. Там же. Д. 376. Л. 35.
13. Там же. Д. 429. Л. 15.
14. Там же. Д. 432. Л. 2.
15. Там же. Д. 438. Л. 4.
16. Там же. Д. 450. Л. 29.
17. Там же. Д. 455. Л. 6.
18. Там же. Оп. 2. Д. 61. Л. 96.
19. Там же. Д. 65. Л. 21.
20. Там же. Д. 66. Л. 3.
21. Там же. Д. 69. Л. 6.
22. Там же. Оп. 1. Д. 370. Л. 6.
23. Там же. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 79. Л. 199.
24. Там же. Д. 128. Л. 168.
25. Там же. Д. 34. Л. 229.
26. Там же. Д. 129. Л. 173.
27. Научный архив Института археологии Крыма РАН [Стенограмма Объединённой научной сессии Отделения истории и философии Крымского филиала Академии Наук СССР по вопросам истории Крыма, 23–25 мая 1952 года].
28. Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии: Очерки истории изучения варварского наследия Степного и Предгорного Крыма. — Симферополь: Сонат, 2004. — С. 156.

29. Ломакин Д. А. Павел Наумович Надинский: типичный представитель партийной номенклатуры или ученый-краевед? // Литература та культура Полісся / Ніжинський державний університет ім. М. В. Гоголя; за ред. Г. В. Самойленко. — Ніжин: НДУ ім. М. В. Гоголя, 2009. — № 49. — С. 72–79.

30. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. — Симферополь: Крымиздат, 1951. — Т. 1. — С. 230.

31. Непомнящий А. А. «Имел много благодарностей и неоднократно был премирован»: декан исторического факультета и заведующий кафедрой истории СССР Федор Загородских // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». — Симферополь, 2017. — Т. 3(69), № 1. — С. 69–78.

32. Непомнящий А. А. Рукописный библиографический текст как информативный ресурс // Современные информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности: сб. науч. ст. по матер. Межд. науч.-практ. конф., 20–22 окт. 2016 г. / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского. — Симферополь: Ариал, 2017. — С. 164–169.

33. Непомнящий А. А. «Библиография крымоведения»: из опыта создания региональной научной книжной серии // Библиография и книговедение. — 2018. — № 1. — С. 69–88.

34. Петров В., Шамко Е. Восхождение к подвигу. — Симферополь: Таврия, 1982. — 145 с.

35. Юрочкин В. Ю. Из истории создания первой части «Очерков по истории Крыма» П. Н. Надинского // История и археология Крыма / Институт археологии Крыма РАН. — Симферополь, 2017. — № 6. — С. 277–294.

36. Юрочкин В. Ю., Майко В. В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // Известный страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. — СПб.: Нестор-История, 2017. — С. 157–231.

А. М. Матвеева

ЕВРАЗИЙСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ О ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ПЯТИЛЕТКАХ

Советология — термин, обозначающий комплексное научное исследование СССР для решения политических целей, как правило, антисоветского характера. Особое значение это направление приобрело в США и Западной

Европе в годы холодной войны, когда, собственно, и появился термин «советология». Однако зародилась советология гораздо раньше, после Октябрьской революции 1917 г. Уже тогда интеллигенция в стане Белого движения и других антибольшевистских объединений стала задумываться о причинах жизнеспособности и популярности советской власти.

Системные советологические исследования начались в среде русской эмиграции. При этом они включались в идеологические схемы политических течений, а выявленные научные факты подгонялись под заданные теории. Поэтому при работе с подобными концепциями необходимо отделять научный анализ, представляющий важную историографическую ценность, от ошибочных выводов, прогнозов, являющихся частью политической идеологии. К сожалению, очень немногие теоретики Русского Зарубежья, среди которых было и немало учёных, смогли возвыситься над политическими установками и попытаться дать взвешенный объективный анализ происходящего в СССР. Среди них выделяется фигура лидера евразийского движения Русского Зарубежья, экономиста, географа Петра Николаевича Савицкого. Он разработал уникальную, комплексную теорию по изучению нашей страны — «систему научного россиеведения», включавшую анализ социально-экономической, политической и культурной жизни СССР 1920-х и в большей степени 1930-х гг.

Евразийское движение имело амбициозные цели по овладению властью в СССР [14, с. 113–115]. Поэтому при изучении наследия Савицкого необходимо учитывать идеологическую направленность его работ. Однако феномен Петра Николаевича заключается в том, что точно подметил известный политический деятель историк П. Н. Милюков применительно к другому евразийцу — Н. Н. Алексею: «Когда он говорит, как ученый, он перестает быть евразийцем, а когда говорит, как евразиец, перестает быть ученым» [1, с. 2]. Например, в годы Гражданской войны, П. Н. Савицкий, будучи пред-

ставителем администрации А. И. Деникина, анализируя причины русской революции смог преодолеть политические пристрастия и научно спрогнозировать ещё в 1919 г. победу большевиков.

Особенность теории главного идеолога евразийства состоит в том, что в основе исследования внутренних процессов Советского государства лежит геополитический анализ. В этой связи можно говорить о создании нового исследовательского направления — геополитики внутреннего пространства. Суть данного подхода заключается в следующих принципах:

1) определяющим фактором в развитии и функционировании государства является его историко-географическое пространство или «месторазвитие».

3) Россия как самодостаточное государство (т. е. империя) может существовать только в рамках границ Российской империи конца XIX в. или в рамках СССР. Это — пределы её месторазвития.

3) Необходимым условием для поддержания целостности границ государства, а значит, автаркии, является соблюдение политической властью «правил» внутреннего устройства, выработанных в ходе исторического развития самим пространством-месторазвитием. Они универсальны для любой политической системы в рамках месторазвития.

4) Для России-СССР эти принципы рассматривались как «евразийские», то есть как наиболее подходящие для поддержания жизни автаркичной империи в пределах её границ.

Евразийский теоретик полагал, что воссозданное большевиками пространственное тело Российской империи в рамках СССР (т. е. собранное месторазвитие, его историческая традиция) предопределяет преемственность курса царской России (т. е. следование универсальным принципам месторазвития) во всех сферах внутривнутриполитической жизни страны. Наиболее последовательно эти принципы, по мнению Петра Николаевича, воплотились в период первых двух пятилеток и были связаны с политической

волей И. В. Сталина, его стремлением к утверждению мощи государства [8, л. 5].

Следование традициям месторазвития проявлялось, по наблюдениям Савицкого, в отходе от интернационалистических идеологических установок и в стремлении к обретению «самодовления» особого мира России-Евразии [4, л. 3]. Достижение данной цели было возможно, по убеждению ученого, при реализации такого принципа внутренней организации месторазвития как этатизм.

Этатизм, как «хозяйствование от государя и государства», имел геостратегическое обоснование: «Страна эта (Россия, — А. М.), помещенная между нередко враждебными ей странами Европы и Азии, с сухопутной границей огромного протяжения, которую нелегко защищать, принужденная бороться с большими трудностями экономического развития (суровая зима, огромные расстояния) может жить и развиваться только при наличии сильной и жесткой власти, принудительно организующей страну в целях социальных, хозяйственных, военных» [16, с. 304]. Континентальное положение России, отрезанность от океана предопределяли выдвижение в её экономической жизни на первый план начал государственной монополии. В этой связи провозглашенный И. В. Сталиным в 1925 г. курс на индустриализацию евразийский мыслитель считал полным осознанием природы месторазвития России-СССР. Савицкий отмечал: «Коммунисты под воздействием «идеи и факта этатизма» забыли свое теоретическое отрицание государства и стали превозносить государственное хозяйство, как «последовательно социалистический сектор» [8, л. 4].

В представлении евразийского лидера первая пятилетка имела глубокую историческую и национальную сущность. В направленности советского курса на развитие промышленности, Савицкий узнавал «знакомые образы русской истории»: устремления Алексея Михайловича в строительстве заводов, развитие государственной промышленности при Петре Великом, адмирале Мордвинове и Витте [8, л. 4–5]. Пятилетка рассматривалась как вос-

произведение на качественно другом уровне промышленного развития XVIII в. В этой связи евразийский теоретик просматривал в основе пятилетки следующую «максимум»: «Почему не осуществить в XX веке того, что было осуществлено в XVIII-ом» [9, л. 16].

Задача «догнать и перегнать Запад», высказанная Сталиным на Съезде промышленников в начале 1931 г., по мнению Савицкого, отвечала жизненным потребностям месторазвития. Ведь это было необходимо для выживания страны в условиях натиска мирового рынка, действующего по правилам англосаксов.

Материальная предпосылка индустриализации — «сплошная коллективизация» также, в представлении Савицкого соответствовала внутренней логике месторазвития, что подтверждалось историческим опытом. Коллективизация опиралась на потребности, близкие по характеру к тем, которые породили в свое время в России поместное землевладение: «Вводя институт этого землевладения, московские цари XVI–XVII вв. создавали кадр людей, которым они обеспечивали возможность являться по их зову на военную службу «и людными и оружными» [6, л. 18]. Без наличия крупных сельскохозяйственных производственных единиц СССР не мог быть подготовленным к войне.

Начала «евразийских» преобразований советской власти Петр Николаевич находил в возрождении тягловых и служилых начал в социальном режиме СССР, в сходстве государевой пашни XVI–XVII вв. с совхозами и колхозами [5, л. 8; 10, л. 86–87]. В этой связи Савицкий даже соглашался с народниками, заявлявшими о традиционности социализма в России. Но при этом, по мнению евразийского теоретика, социализм не ограничивался общиной, а охватывал весь строй русского служилого и тяглого государства; и вытекал не из свободного самоопределения коллектива, но «из высшего напряжения этатизма» [11, л. 12–13].

Как ученый-экономист, Савицкий не мог не отметить преимущества колхозного строя перед мелкими хозяй-

ствами. Он объяснял обусловленность господства обобществленного способа хозяйствования при Советской власти необходимостью развития индустрии как важнейшей предпосылки достижения высокой обороноспособности страны, а значит, и условия её самодостаточности. Евразийский лидер подчеркивал, что в условиях начала 1930-х гг. возврат к сплошному морю мелких крестьянских хозяйств способствовал бы понижению технической обороноспособности страны, ведь тракторные заводы — основа танкостроения. В этой связи, политика коллективизации признавалась как исторически адекватная и геополитически верная: «Не только коммунистическая, но и любая русская власть принуждена будет насаждать крупные государственные сельскохозяйственные предприятия и оказывать покровительство ассоциациям сельскохозяйственных производителей» [6, л. 18а].

Однако выводы из этих оптимистических оценок правильного евразийского пути, выраженного в пятилетках, делались сугубо идеологические. Полагалось, что социалистическое ударничество советского народа и «безудержный оптимизм» руководителей государства, нажим на народное потребление, за счет которого шло социалистическое строительство, имеют свои пределы. А значит, рано или поздно, неизбежно придется понизить цены на промизделия, отменить прямые займы, и подорвать капитальное строительство, приостановив промышленное и сельскохозяйственное переоснащение страны. Вызванная этими факторами безработица, по прогнозам евразийского экономиста, ознаменует новую депрессию. Признаки грядущего экономического апокалипсиса Савицкий «прозревал» в истощении накоплений в советском бюджете, «на что жаловался Сталин в своей речи от 23 июня сего (1931, — А. М.) года» [12, л. 7]. Причем на протяжении 1930-х гг., по оценкам Петра Николаевича, эта тенденция все более усиливалась.

В своих статьях, посвященным анализу социально-экономической и политической жизни СССР периода второй пятилетки, евразийский теоретик, игнорируя факт

улучшения условий жизни населения (сокращение числа лишенцев, отмена карточек по хлебу и муке, снижение коммерческих цен и т. д.) вследствие отказа от жестких методов проведения индустриализации, рисовал картины нарастающего системного кризиса. Так, он отмечал, что с 1933 г. ситуация в стране стала ухудшаться, наступил голод, несмотря на превышение урожая по сравнению с предшествующим годом [3, л. 1].

Анализируя директивы к составлению второго пятилетнего плана, П. Н. Савицкий пришел к выводу, что «проект второй пятилетки увял, не успевши расцвести» [2, л. 2]. Он считал утопичным представление коммунистов о том, что вторая пятилетка сможет обеспечить утроение норм душевого потребления при одновременном росте промышленности, поскольку «в советской жизни эти начала прямо антагонистичны» [14, л. 6]. По его данным, в расчете не по государственным, а коммерческим ценам, уже в 1934 г. Советская Россия находилась в фазе острой инфляции, а денежное хозяйство в стране находится «в состоянии разложения» [4, л. 1,3]. Подтверждение такой «натурализации хозяйственного оборота» Савицкий усматривал во введении несколькими годами ранее сельскохозяйственных заготовок, которые, по его мнению, являлись прямыми налогами. А в 1936–1937 гг. «несомненные, хотя и ослабленные признаки депрессии» СССР евразиец видел в том, что производство средств производства во многих случаях развивается медленнее, чем производство средств потребления.

Предполагалось, что Советская власть будет стараться продлить промышленный подъем, запустив эмиссию, делать «ставку на сильных» при проведении коллективизации. Среди реализованных в практике СССР факторов «нормализации» евразийский идеолог указывал: разгром противников из «левой оппозиции», принятие Конституции 1936 г., Колхозного Устава, возвращение к русским национальным истокам в культуре и т. д. Но все эти меры по преодолению «депрессии» расценивались им как малоэффективные, поскольку они не могли ком-

пенсировать нереализованность главного условия подъема экономики — рост накоплений.

Советский бюджет первой и второй пятилеток Петр Николаевич представлял в военно-коммунистических формах — как военный бюджет, полностью сформированный за счет народного потребления и при этом, «не оставляющий в распоряжении власти никаких военных резервов» и вообще не позволяющий делать какие-либо накопления [4, л. 5]. Иными словами, это бюджет обреченной на катастрофу экономики.

В этой связи, единственным действенным средством для оздоровления советской экономики евразийский теоретик считал широкое привлечение иностранного капитала, как в виде кредитов, так и в форме концессий. При этом, оговаривалось, что удачная деятельность иностранных концессионеров возможна только в том случае, если будут обеспечены условия для нормальной работы русских предпринимателей, то есть при условии восстановления их частнособственнических прав. В противном же случае, привлечение иностранных капиталов, по мнению Савицкого, означало установление режима капитуляций [12, л. 9–10].

Петр Николаевич уверял в своих публикациях, что предлагаемая им мера будет иметь своим следствием лишь мобилизацию имеющегося основного капитала, но никак не восстановление капитализма, что определялось им как «злостная контрреволюция» [7, л. 2]. Более того, рекапитализация России, по мнению Савицкого, была невозможна и в чисто хозяйственном отношении, поскольку народное достояние вложено в национализированный сектор, его денационализация немыслима за отсутствием тех кадров русских капиталистов, которые могли бы перенять государственную промышленность не в форме экспроприации народного достояния.

Следует отметить, что применительно к собственно евразийской политике, то есть на случай прихода к власти в СССР Евразийской партии, стратегия экономических действий менялась кардинально. Так, в одном из писем к

главе белградской группы евразийцев В. А. Стороженко П. Н. Савицкий уверял его, что можно обойтись без иностранных займов, «ведь, всё-таки, представить себе не можете, какие внутренние ресурсы уже мобилизованы» [13, л. 317].

В то же время на страницах парижского журнала «Le Monde Slave» евразийский советолог будет убеждать читателей, что поскольку Советская власть не создавала требуемых иностранными капиталистами правовых и конституционных гарантий концессионных договоров, все попытки преодолеть депрессию тщетны, ведь экономический подъем порождает диспропорции между покупательной способностью населения и средствами к ее удовлетворению. Поэтому у Советской власти нет иного выхода, как восстановить единый и свободный рынок, чтобы ликвидировать товарный голод [9, л. 41]. А это неминуемо ознаменует неминуемый экономический кризис. Такой вывод был очень важен для евразийцев в практически-политическом отношении. Своеобразно трактуя К. Маркса, их главный идеолог был убежден, что «определенным образом объясняя мир, можно стремиться к его изменению» [15, с. 281].

В представлении Савицкого, познание закономерностей месторазвития России и логики русской истории и позволяет повлиять на нее через использование «фактов-пророчеств». Одним из них и было «пророчество» о «депрессии» в Советской России: «Полоса подъема (первого пятилетнего плана, — А. М.) придет к концу, подобно тому, как сменялись упадком предыдущие полосы «подъема». Тогда-то наступит критический момент для организуемого коммунистами промышленного строительства. Тогда-то нужно ждать изменений в политической ситуации, в обстановке, в которой протекает в настоящее время (1931 г., — А. М.) осуществление пятилетнего плана» [8, л. 11]. Под «политическими изменениями» подразумевался приход к власти Евразийской Партии, которая уже с начала 1930-х ставила своей задачей быть готовой к действию.

Советологическая теория Савицкого не подтвердилась исторической практикой. Политические установки про-

низывали содержание всей его оригинальной концепции, вытесняя, таким образом, из нее научную основу. В результате, предлагаемая П. Н. Савицким модель развития для советской экономики 1920–1930-х гг. являла собой концепцию-химеру, в которой достижения социалистического способа производства причудливо сочетались с евразийскими чаяниями возродить в России капиталистические отношения. Однако установленные им правила организации внутреннего пространства нашей страны актуальны по сей день и представляют собой предмет для серьёзного научного анализа.

Список источников и литературы

1. Вакар Н. П. Отборные евразийцы // Последние новости. — Париж. — 1928. — 13 янв. — С. 2.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 13.
3. Там же. Д. 14.
4. Там же. Д. 19.
5. Там же. Д. 28.
6. Там же. Д. 41.
7. Там же. Д. 63.
8. Там же. Д. 78.
9. Там же. Д. 118.
10. Там же. Д. 212.
11. Там же. Д. 225.
12. Там же. Д. 310.
13. Там же. Д. 355.
14. Матвеева А. М. Евразийцы и операция Трест // Родина. — 2015. — № 5. — С. 113–115.
15. Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел // Основы евразийства. — М.: Арктогея-Центр, 2002. — С. 281–294.
16. Савицкий П. Н. К вопросу о государственном и частном начале промышленности // Евразийский временник. — Кн. 5. — Париж, 1927. — С. 285–308.

М. Р. Москаленко, И. В. Юдин

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ КАК ФАКТОР ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

Формирование патриотического мировоззрения учащихся — это одна из основных задач системы образования на всех ее уровнях. Уважение к культурно-исторической традиции Отечества, чувство гордости за свою Родину являются признаками гражданской и личностной зрелости человека.

Концепция преподавания истории призвана акцентировать внимание на воспитании патриотизма, уважении к культурной и исторической традиции Отечества. Такие основополагающие документы, как «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [1], государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [2] и ряд других, подразумевают широкий комплекс мероприятий по воспитанию у учащихся данных качеств, и, естественно, среди учебных дисциплин именно истории в силу ее специфики всегда отводилось и отводится ключевое место в формировании патриотического мировоззрения. Отметим, что патриотизм, уважение к культурной и исторической традиции Отечества и его духовным ценностям, готовность к самоотдаче во имя Отечества — это классические черты традиционалистского, коллективного сознания, которые, как представляется авторам, востребованы в любые эпохи, и присущи здоровой личности.

Между тем, в российском обществе в целом существуют проблемные моменты в патриотическом воспитании, как объективного, так и субъективного плана. Среди субъективных факторов можно отметить такой, например, как различное отношение социальных групп и индивидов к «трудным вопросам» отечественной истории, расхожде-

ния в их оценке и связанные с этим морально-ценностные противоречия.

В российском обществе существует неоднозначное отношение к ряду ключевых исторических событий. Приведем в пример оценку революционных событий 1917 г. Среди людей, даже близких по социальному положению, поведенческим установкам, роду деятельности, достаточно неоднозначное отношение к фигуре Николая II, революционным событиям февраля и октября 1917 г., политике большевиков и белогвардейцев. В педагогических коллективах можно встретить самые полярные точки зрения, и иногда возникают бурные дискуссии по данному «трудному вопросу». С одной стороны, это показывает реально существующий плюрализм мнений (важный элемент гражданского общества), с другой — затрудняет формирование целостной картины российской истории и четких ценностно-мировоззренческих ориентаций у молодежи.

Следует также отметить определенное противоречие между «рыночной» ментальностью (которая делает упор на индивидуализм, утилитаризм, культ личного успеха), складывающейся сейчас в России, и традиционными моральными нормами (такими, как способность к самопожертвованию во имя интересов Отечества, сплоченность перед лицом опасности, коллективизм и дух «соборности», и др.), которые в критические моменты способствовали сплочению общества и создавали определенную нравственную основу российской цивилизации. Ценности «рыночной» и «традиционной» цивилизаций в разной степени усвоены представителями различных социальных групп, и затрудняют формирование целостной мировоззренческой картины, в том числе и относительно патриотических ценностей.

Патриотизм и позитивная национальная идентичность являются ведущим духовным фактором национальной безопасности и способности страны к поступательному развитию. В истории любого государства можно найти этому множество примеров. Пожалуй, один из самых наглядных — это индустриальный рывок СССР

в 1920–1930-е гг.: практически все очевидцы отмечают дух подъема, патриотизма, самоотдачу и чувство личной ответственности за судьбы Отечества, которые отличали настрой людей той эпохи. Именно патриотизм и потрясающая самоотдача людей позволили совершить рывок от «России во мгле» (по Г. Уэллсу) к индустриальной сверхдержаве с атомным оружием.

Либеральная оценка сталинских пятилеток, которая считает основным мотивом людей той эпохи страх перед репрессиями и принуждение со стороны командно-административной системы, совершенно необъективна и не способствует развитию патриотизма. Но, к сожалению, именно она была навязана «поколению 90-х», которым история нашего Отечества преподносилась «по Чаадаеву», как страны, во всех планах ущербной перед Западом. В 1990-е — начале 2000-х гг. в некоторых СМИ велась активная пропаганда исторической ущербности российской цивилизации, отторжение и неприятие собственной культурно-исторической традиции, («развенчивались» практически все исторические деятели России), а сам образ народа преподносился как исторически неуспешный. Радикальные западники во многом повторяли пропагандистские установки западных политтехнологов времен «холодной войны», старались в особенности развенчать советский период, и слушателям (аудитории СМИ, студентам, школьникам) доказывалось, что Советский Союз являлся настоящей «Империей зла» (по Р. Рэйгану). Этим вносился глубокий раскол в массовое сознание, усиливался конфликт между поколениями, подрывались фундаментальные моральные ценности, поскольку уважение к собственной истории и культуре является основой духовного и нравственного здоровья личности и нации. Попытки очернить историю ведут к деградации общества, социальным расколам, поиску «образа врага» и разгулу экстремизма, следствием чего являются прямые угрозы национальной безопасности и социальной стабильности.

В современном мире, несмотря на усиление взаимосвязи между различными государствами, имеет место и так

называемое «противостояние цивилизаций» (С. Хантингтон), выражаемое в усилении и акцентировании национальных и культурных идентичностей. На бытовом уровне это часто выражается в конфликтах на межнациональной и религиозной почве. Национальные культуры пытаются противостоять экспансии ценностей современной западной цивилизации: например, культ потребления, или возведение в абсолют индивидуализма и свободы самовыражения, выдаваемых за «общечеловеческие ценности», и др. Данные западнические ценности таят для национальных культур огромную опасность, поскольку часто противоречат их стержневым, архаичным ценностям и стереотипам (культ долга, почтение традиции, аскетизм в быту, служение обществу, гендерное неравенство, и др.), способны их разрушить и вызвать дестабилизацию. А поскольку пропагандируемые западнические ценности не вызрели в данных обществах, то непонятно, как они привьются на месте подорванного традиционализма и архаической традиции. Наглядный пример — концепция прав личности, которую современные школьники в России часто используют для давления на учителей и издевательств над ними, отстаивания собственного эгоизма и вседозволенности.

Кроме того, следует отметить, что в обществе в целом и в среде учащихся в частности достаточно широко распространены определенные заблуждения, мифы и не соответствующие реальности стереотипы относительно тех или иных аспектов исторического развития, препятствующие формированию патриотического мировоззрения.

Первая группа мифов уходит своими корнями еще к дискуссиям западников и славянофилов XIX в., «Философическим письмам» П. Я. Чаадаева, и связана с представлениями об отсталости страны. Россия сравнивается, прежде всего, с развитыми странами Запада, и здесь очевидны, во-первых, серьезные отличия российской культурно-исторической и политико-правовой традиции от западной (которая часто преподносится как эталонная), а, во-вторых, некоторое отставание в ряде областей на-

учно-технического развития. Любой профессиональный историк отметит, что это совершенно нормальная ситуация для стран «догоняющей модернизации», или «второго эшелона», в которых главная цель научно-технического развития была подчинена оборонным задачам — не отстать от Запада в военном плане, чтоб не стать объектом колониальной экспансии. С этой задачей страна в целом справлялась, естественно, в ущерб развитию гражданского сектора экономики и общему уровню жизни населения. Но часто в массовом сознании негативные стороны отечественной истории абсолютизируются и воспринимаются вне исторического контекста.

Так, например, при изучении «соревнования» двух систем (СССР и США) студенты обращают внимание на отставание Советского Союза по ряду ключевых социально-экономических показателей (особенно в уровне жизни населения). Но при этом часто совершенно не берут в расчет исходные, стартовые позиции двух стран в целом и степень ущерба от мировых войн в особенности. Например, результаты I Мировой войны: для России — потеря миллионов убитыми, жесточайший системный кризис, Гражданская война и разруха (на 1921 г. промышленное производство по сравнению с 1913 г. сократилось в 7 раз!), и для США — практически никакого урона, огромная прибыль на военных заказах, новые производственные мощности, положение мирового финансового центра. Почти столь же удручающими выглядят и сопоставительные результаты II Мировой войны. Подобные примеры необходимо тщательно разбирать со студентами, чтобы формировать у них навыки сравнительно-исторического подхода, которые совершенно необходимы для образованного человека.

Вторая группа мифов связана с неверными представлениями об отдельных аспектах истории техники, которые возникают в основном благодаря не совсем верным описаниям, представленных в литературных произведениях и кинематографе. Так, например, в советских фильмах о Великой Отечественной немецкие солдаты изображались

в основном с пистолетом-пулеметом МП-40 (ставший легендарным «Шмайсер», хотя конструктор Хуго Шмайсер имеет очень отдаленное отношение к конструированию данной модели). У зрителя складывалось впечатление об их серьезном преимуществе перед советской пехотой, вооруженной в основном винтовками Мосина, и это давало очередную пищу для упомянутого выше мифа об отсталости и ущербности России. Между тем, в начале войны подавляющее большинство немецкой пехоты было вооружено винтовками «Маузер 98» и карабинами «Маузер 98 к», которые лишь незначительно отличались от советской «трехлинейки» [3]. Конечно, художественная литература и кинематограф предполагает определенную долю вымысла и фантазии автора, но иногда они создают весьма обманчивое представление о действительности.

Третья группа мифов связана с резким падением научной культуры общества по сравнению с советским периодом, которое связано с кризисом сциентизма (веры во всемогущество науки, на которой была основана вся индустриальная цивилизация), а также с резким падением престижа научной и преподавательской деятельности и социального статуса ученых и преподавателей. Вера во всемогущество прогресса и его способность решить все проблемы развития, которая была основной идеологической доминантой индустриальной цивилизации, уходит в прошлое [4]. Все это способствует возрождению веры в мистику и сверхъестественное, к критике возможности рационально-научного объяснения реальности. На этом фоне неудивительно, что достаточно широкое распространение получают паранаучные исторические концепции, например, «новая хронология» А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского; также популяризируются откровенные небылицы — например, о создании гитлеровской Германией секретных подводных баз в Антарктиде в конце II Мировой войны и др. Это создает достаточно мозаичную и синкретичную картину мира в современных СМИ, где научно доказанные факты и концепции пересекаются с мифами и далекими от науки измышлениями, и все это

отрицательно сказывается на научной культуре общества в целом и студенчества в частности.

Формирование патриотизма на основе целостной системы видения исторического процесса представляется очень важной задачей. Значение этого духовного фактора для развития страны огромно: например, в послевоенном СССР идентичность себя как «народа-победителя» стала важным фактором сплочения всех наций, позволила в кратчайшие сроки преодолеть разруху, реализовать «космический проект» и добиться стратегического паритета с США (хотя стартовые возможности были несопоставимо хуже!). Каковы же должны быть основные положения формирования патриотизма при преподавании истории студентам (речь идет о широком спектре специальностей и направлений обучения)? Остановимся на некоторых из них:

1. Акцентирование внимания на совместных исторических задачах, которые приходилось решать многонациональному народу России во все периоды ее развития: киевский, московский, петербургский, советский, современный (самый наглядный пример — защита Отечества в годы Великой Отечественной), позитивная рефлексия исторического опыта, изучение взаимодействия культур различных этносов, населяющих Россию, на основе концепции толерантности и межнациональной солидарности.

2. Более подробно знакомить учащихся с патриотическими установками в России в различные эпохи. Так, например, представляют интерес нравственные и эстетические идеалы российского дворянства, которое давало массу примеров патриотизма и служения Отечеству.

3. Развитие у учащихся интереса к генеалогии для формирования целостной картины исторического процесса и собственной идентичности: выработка интереса к истории собственной семьи, историческим корням, видение взаимосвязи человека и эпохи. Данный подход формирует у учащихся уважение к семейным ценностям, осознание взаимосвязи эпох и поколений, ответственное отношение к созданию семьи, интерес и почтение к исто-

рии своего рода и исторической традиции. Учащимся может в качестве вариативного задания по выбору даваться описание в той или иной форме истории своего рода, места и роли своих прародителей в значимых общественно-политических событиях (например, Великая Отечественная война, индустриальные стройки XX в., которые затронули практически все семьи), и т. д.

4. Преподавание дисциплин гуманитарного профиля в целом и истории в частности с позиции историзма: восприятие исторического процесса во всем его многообразии, отказ от лженаучных дихотомий «тоталитаризм — демократия», «цивилизация — варварство» и др., которые деформируют сознание учащихся, задавая однобокое восприятие действительности (в котором отечественная историческая традиция часто выступает в невыгодном свете).

Реализация данных положений в преподавании истории способна создать привлекательный образ нашей страны и формировать у учащихся патриотизм.

Список источников и литературы

1. Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения 16.10.2018).
2. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 — 2020 годы». Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 г. № 1493 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения 16.10.2018).
3. Исаев А. В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. — М.: Эксмо; Яуза, 2004. — 416 с.
4. Шанин Т. Идея прогресса. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/shanin-2.html> (дата обращения 16.10.2018).

Сведения об авторах

Абдрахманова Гаухар Сатыбалдиновна — кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан).

Акимченков Виктор Владимирович — аспирант кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, г. Москва.

Арпентьева Мариям Равильевна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета, г. Калуга.

Ачкинази Борис Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры социального и гуманитарного образования Государственного бюджетного образовательного учреждения Дополнительного профессионального образования Республики Крым «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», г. Симферополь.

Белоус Павел Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НГ МАУК «Историко-художественный музейный комплекс», г. Нефтеюганск.

Дружинина Надежда Сергеевна — магистрант исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

Дудка Владислав Валериевич — магистрант Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь.

Иванова Анна Александровна — аспирант кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, г. Москва.

Каленова Тенгеш Серикбаевна — кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан).

Камший Алина Анатольевна — студентка Медицинской академии имени С. И. Георгиевского Крымского феде-

рального университета имени В. И. Вернадского (Науч. рук.: Молочко Евгения Валентиновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель), г. Симферополь.

Кондорский Борис Михайлович — кандидат биологических наук, исследователь, г. Донецк (ДНР).

Ларионов Денис Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени, доцент Белорусского государственного университета, г. Минск (Беларусь).

Масленникова Валерия Андреевна — студентка кафедры исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

Матвеева Александра Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), г. Москва.

Можайский Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории древнего мира и средних веков Института истории и политики МПГУ, г. Москва.

Молочко Евгения Валентиновна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Медицинской академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь.

Москаленко Максим Русланович — кандидат исторических наук, доцент Уральского федерального университета, г. Екатеринбург.

Непомнящий Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

Постовая Мария Ивановна — студентка Медицинской академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

Юдин Иван Валерьевич — кандидат политических наук, доцент Национального исследовательского университета «МЭИ», г. Москва.

Содержание

<i>Д. О. Чураков</i> Крымчане держатся, Крым развивается: актуализация истории	3
<i>В. В. Акимченков</i> Проект «Черноморские чтения»: новые горизонты постижения	11
РЕВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	
<i>Г. С. Абдрахманова, Т. С. Каленова</i> Казахстан в период Октябрьской революции и в начале Гражданской войны	15
<i>Б. А. Ачкинази</i> Крымский рубеж Ивана Савина (методологический аспект изучения проблемы добровольчества в Белой армии)	20
<i>А. Ю. Можайский</i> Отражение социальной истории в погребальных практиках Афин VIII–VI вв. до н. э.	33
<i>Д. Г. Ларионов</i> Отношение католической церкви к коммунистической революции и государству	44
<i>А. А. Иванова</i> Тема Французской революции в публицистике Ивана Петровича Пнина	54
<i>П. В. Белоус</i> Очерк восприятия Октябрьского переворота участниками Поместного Собора 1917–1918 гг.	61

Б. М. Кондорский
Специфика развития капитализма в России
как стране третьей генерации
в рамках революционного периода70

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

А. А. Непомнящий
Неизвестный Илья Березин79

В. В. Акимченков
«Высвободить среднюю часть интеллигенции
из-под влияния реакционных элементов»:
создание Керченской инициативной группы
Всесоюзной ассоциации работников науки
и техники для содействия
социалистическому строительству в СССР89

М. Р. Арпентьева
Согласие и несогласие, единение и отчуждение
нарративы разрушения и созидания101

А. А. Камший
Начало курортного освоения Крыма:
Сакские грязелечебницы115

Н. С. Дружинина
Особенности социально-экономического развития
Шейх-Монахской (Андреевской)
и Цюрихтальской волостей
во второй половине XIX — начале XX вв.,
отражённые в «Постановлениях
Феодосийского уездного земского собрания»122

В. А. Масленникова
«Ангел смерти»: История детской смертности
в Таврической губернии XIX — начала XX вв.128

Е. В. Молочко
Крымский горный клуб
и развитие культурного добровольчества137

М. И. Постовая
Плавучий госпиталь:
судьбы раненных, личного состава госпиталей
и медучреждений Черноморского флота
и медперсонала Приморской армии
на советском теплоходе «Армения»150

В. В. Дудка
Из истории подготовки первого обобщающего труда
по истории Крыма158

А. М. Матвеева
Евразийская советология
о первых советских пятилетках167

М. Р. Москаленко, И. В. Юдин
Преподавание истории как фактор
патриотического воспитания студентов177

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ185

Научное издание

Черноморские чтения

Труды IV Международной
научной исторической конференции,
посвященной 100-летию
Великой российской революции
(г. Феодосия, 28–29 октября 2017 г.)

Вёрстка *А. В. Климашонок*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*

Подписано в печать 20.11.2018
Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 11,04
Тираж 300 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908